

**Александр
Зиновьев**

МОЯ ВОЙНА

**На коне, танке
и штурмовике**

УДК 94(4)»1939/45»

ББК 66.3(2)6

3 63

Зиновьев А.А.

- 3 63** На коне, танке и штурмовике. Записки воина-философа / А.А. Зиновьев. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016 – 240 с. – (Моя война).

ISBN 978-5-906880-02-4

Александр Александрович Зиновьев – всемирно известный ученый, писатель, философ, публицист. Миллионы читателей знают его книги «Зияющие высоты», «Глобальный человек», «Катастрожка», «Русская трагедия» и другие.

Но мало кто знает, что он прошел всю войну от 1941-го до 1945-го года. Служил в кавалерии, в танковых войсках, затем, по окончании летной школы, воевал на легендарном штурмовике «Ил-2». Воспоминания А.А. Зиновьева содержат не только много интересных и ярких подробностей о военных действиях, но и авторскую оценку происходивших событий, а также размышления о Сталине, особенностях советского строя, об армии, о причинах наших неудач и побед в Великой Отечественной войне.

УДК 94(4)»1939/45»

ББК 66.3(2)6

ISBN 978-5-906880-02-4

© Зиновьев А.А., правообладатели, 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Массово-политическое издание

Александр Александрович Зиновьев

НА КОНЕ, ТАНКЕ И ШТУРМОВИКЕ. ЗАПИСКИ ВОИНА-ФИЛОСОФА

*Редактор О.В. Селин
Художник Б.Б. Протопопов*

ООО «ТД Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 02.07.16. Подписано в печать 28.07.16.
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная.
Печ. л. 7,5 Тираж 1500 экз. Заказ №

СОДЕРЖАНИЕ

В ДЕРЕВНЕ

Моя родня	7
Коллективизация	17
В Москву!	22

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Москва	26
Школа	34
Идейное воспитание	39
Проблемы коммунизма	44
Предвоенный призыв	51

АРМИЯ

Модель общества	55
Армейская жизнь	58
В кавалерийском полку	67
В танковом полку	85

ВОЙНА

Начало	87
Авиация	94
Германия	111
Последние бои	115
Победа. Тост Сталина	116
О войне	119

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Демобилизация	129
Сумасшедшие годы	140
Пьянство	146
Оживление антисталинизма	151
Сталинские кампании	156
Смерть Сталина. Его эпоха	160

ХРУЩЕВСКАЯ «ОТТЕПЕЛЬ»

После смерти Сталина	195
Хрущевский «переворот»	205
Реабилитация. Солженицын	220
Хрущевская «перестройка»	225
Потеря идеалов	231

В ДЕРЕВНЕ

Моя родня

Я расскажу о нашей родственной группе, поскольку ее судьба характерна. Родители моей матери (Василий и Анастасия Смирновы) были довольно богатыми людьми. Помимо дома в деревне, самого богатого в округе, у них были дома в Петербурге. Дед был предпринимателем, какие тогда в большом количестве появлялись в России. Не знаю точно, в чем состояло его дело. Знаю только, что он сам был мастером на все руки и работал вместе со своими рабочими. О размерах его богатства можно судить по тому факту, что в результате революции у него пропало двести тысяч рублей наличными. Сумма по тем временам немалая. Факт этот характерен для состояния капиталистических отношений в России перед революцией. Хотя в России уже существовали капиталисты европейского типа, капиталистические отношения в целом оставались еще примитивными. Основная масса предпринимателей, образующих потенциальный класс капиталистов, который мог бы стать основой общества, находилась психологически, идеологически и организационно еще на стадии накопительства. Они имели большие доходы. Но держали деньги не в банках, а в сундуках. И вкладывали их не в расширение и модернизацию бизнеса, а в недвижимость (дома), в дорогие вещи (одежда, драгоценности, посуда) и предметы быта (лошади, санки, тарантасы). Мой дед был типичной фигурой на этот счет.

У родителей моей матери было семь дочерей и один сын. Все дочери были выданы замуж за уважаемых людей, по традиции, в нашем же районе или за выходцев из наших мест. Одна из дочерей была выдана замуж за молодого человека из зажиточной семьи, офицера царской армии; во время революции он перешел на сторону большевиков, был политическим комиссаром дивизии в Гражданскую войну. После войны он стал профессиональным партийным работником среднего ранга — был одним из секретарей областного комитета партии и членом ЦК союзной республики. Его звали Михаил Маев. По рассказам жителей наших мест, после Октябрьского переворота он приехал в нашу Чухлому, объявил об образовании новой власти, забрал жену с детьми и насовсем покинул наши края.

Мой родной дядя по материнской линии, Александр Смирнов, получил хорошее образование в Петербурге. Жил и работал в Ленинграде. Перед войной с Германией он был заместителем директора одного из научно-исследовательских институтов. Эти два человека были гордостью в нашей родственной группе.

Я помню деда и бабуку по матери весьма смутно. Жили они в основном в Ленинграде. В революцию дед потерял капитал, дело и дома в Петербурге. Но дом в деревне у них сохранился. Уже после смерти деда бабушка отдала дом под медицинский пункт. Когда в доме хотели разместить сельский совет, она погрозила его сжечь. И ее волю выполняли вплоть до исчезновения деревни вместе с десятками других деревень в результате коллективизации. Такая ситуация кажется неправдоподобной, но это факт. Объясняется он тем, что в силу условий землевладения, о которых я говорил выше, такие люди не рассматривались как эксплуататоры и собственники. Кроме указанной причины я могу упомянуть также усилившееся сразу же после

революции бегство людей из деревень в города. Многие дома оставались стоять пустыми. Продажа дома мало что приносила, а конфискация была бессмысленной — домов и без того было в избытке. Люди бежали в города, просто бросая землю в распоряжение общины. И претендентов на нее не было.

Выходцы из наших мест в городах, на каких бы ступенях иерархии они ни находились, отнеслись к революции без особых эмоций. Они жили в таком разрезе общества, который был затронут революцией в самой малой степени. Наши родственники, за исключением Маева, не имели никакого отношения к подготовке и проведению революции. Но они и не стали врагами революции. Не стали и жертвами. Их не тронули в городах. Естественно, их не тронули и в деревне.

Во время НЭПа мой дед снова стал частником. Будучи сам хорошим мастером и организатором дела, он стал сравнительно зажиточным снова. Годы НЭПа вообще были годами вспышки того образа жизни, какой доминировал в наших краях. Но он уже был обречен. Люди не верили в устойчивость этого состояния. Дед и бабка уже не копили деньги, как перед революцией, а проживали их. Они вели широкий образ жизни. Когда они приезжали в деревню, то устраивали пиры с участием десятков людей. У бабушки развилась страсть раздавать вещи всем кому попало. Эта страсть, по всей вероятности, была врожденной в нашем роду. Она перешла и к моей матери. Хотя раздавать практически было почти нечего, она как-то ухитрялась все же собирать какие-то вещи для раздачи нуждающимся. Дед и бабка умерли еще до войны с Германией. Их единственный сын и все дочери, за исключением моей матери и той, которая была замужем за партийным работником Маевым, с их семьями погибли во время блокады Ленинграда.

Мой дед по отцу и другой «богате́й» из наших мест были женаты на сестрах. Этот человек был богатым домовладельцем в Москве, содержал большую артель (до ста человек). Как и другие, он имел дом в деревне. Мой дед и отец до революции были мастерами в его артели и жили в его доме. Хотя они и были близкими родственниками хозяина дома, они жили в самой плохой комнатухе в сыром подвале. Это объясняется отчасти тем, что дед и отец не помышляли насовсем поселяться в Москве, а отчасти личными качествами деда и отца, которые были беспомощными в житейском отношении чудаками и не умели постоять за себя. Их спасала только высокая квалификация в их деле, их золотые руки. У этого нашего родственника судьба была сходна с судьбой моего деда по матери. В революцию он потерял капитал, дело и собственность. Но он до смерти жил в лучшей квартире своего бывшего дома. Его дети, получившие образование, стали советскими служащими. Одного из его внуков в чине майора я встретил случайно во время войны с Германией.

Упомяну еще об одном родственнике — о брате деда по матери. Он насовсем переселился в Москву, имел текстильную фабрику около Москвы. Его дети после революции стали инженерами, один сын стал морским офицером. Внуки вообще уже были вполне советскими людьми. Одним словом, вся наша родственная группа без особых потерь перенесла великий перелом в русской истории и включилась в историю советскую. Этот факт заслуживает внимания хотя бы уже потому, что никто из наших родственников не скомпрометировал себя недостойным поведением во все трудные и сложные годы послереволюционной русской истории. Я был первым и единственным из всех, кто имел шансы быть уничтоженным в качестве «врага народа», да и то по причинам качественно иного рода.

К женьтьбе отца дед построил новый дом. По размерам и удобствам он стал одним из лучших в округе. Жилая часть дома была сделана по образцу городских квартир. Отдельная кухня, спальня для отца и матери, спальня для дедушки и бабушки, спальня для старших детей, горница. Горница — это большая комната для приема гостей. В ней стоял посудный шкаф, комод, стол человек на двадцать, диван, венские стулья, цветы. Висело большое зеркало, иконы, картины. Одна из картин — портрет царя Александра Второго. Он висел вплоть до отъезда всей семьи в Москву в 1946 году. И никто и никогда не сделал по этому поводу ни одного замечания, хотя у нас часто бывали начальники из Чухломы и даже Костромы.

Дом был окружен садом. К саду примыкал огород. В нем был пруд и баня. Баня была с печкой, парилкой и раздевалкой. Такая баня была единственной во всей округе. За огородом находилось гумно — участок, где росла трава на корм скоту и располагались различные хозяйственные постройки. Вся земля, на которой находились дом, сад, огород, гумно, сараи и другие постройки, принадлежала общине. Но община не была собственницей земли. Она не могла продать ее. После революции это отношение к земле сохранилось. Передача земли в «вечную собственность» колхозам при Сталине была лживой пропагандой по форме и новым закрепощением крестьян по существу.

Такой дом сыграл свою роль в формировании нашей психологии. Деревня для нас выглядела не как нечто противоположное городу, а как некое ответвление города. Мы вырастали не с сознанием людей, обреченных вечно копать в земле, а со стремлением оторваться от нее и подняться на более высокий, городской уровень. Последний

нам казался более высоким в любом варианте. Революция и коллективизация лишь ускорили процесс, который без них мог затянуться на много десятилетий, и придали этому процессу черты трагичности.

Моя мать родила одиннадцать детей. Первого в 1910-м, а последнего в 1935 году. Двое детей умерли маленькими в годы войны и голода. Младшая дочь умерла в двадцать лет из-за халатности врачей. Старший сын умер в пятьдесят шесть лет от рака. Все дети моих родителей вместе произвели на свет лишь пятнадцать детей, т.е. почти два ребенка на семью. А у внуков эта величина и того меньше. Факт характерный. Хочу заметить к сведению теоретиков, увидевших причину снижения рождаемости в России в пьянстве: все мои братья и сестры были трезвенниками, пьянствовал один я, что не помешало мне произвести на свет троих детей. Я мог бы произвести тридцать, но этому воспрепятствовали соображения социального расчета и морали, а не водка.

Мой старший брат Михаил (1910—1966) в двенадцать лет уехал с дедом и отцом в Москву. Сначала работал подмастерьем с ними. Потом стал учиться в вечерней школе и одновременно в профессиональной школе при мебельной фабрике. Вступил в комсомол. Добровольно работал два года на строительстве Комсомольска-на-Амуре. Учился в вечернем техникуме без отрыва от работы. В 1933 году женился. Имел четверых детей. По окончании техникума стал мастером, техником, инженером на мебельной фабрике. Во время войны был сержантом и младшим офицером. Награжден орденами и медалями. После войны работал начальником цеха и затем директором фабрики. Избирался депутатом районного и областного советов. За трудовую деятельность награждался орденами и медалями. Был членом партии.

Чтобы предотвратить аварию на фабрике, бросился в опасное место, получил сильный удар в грудь. Как это и бывало с русскими людьми, не обратился сразу к врачу. Когда почувствовал себя плохо, было уже поздно. Вскоре он умер, на его похороны пришли сотни людей. Один из выступавших сказал, что в России только после смерти настоящего человека мы узнаем, кого мы потеряли.

Жизненный путь брата Михаила характерен. Таких людей в народе считали настоящими коммунистами, вкладывая в это слово самое идеальное нравственное содержание. Уже будучи начальником цеха, он жил с женой и четырьмя детьми в одной комнате. Лишь став директором фабрики, он получил двухкомнатную квартиру.

Обе мои старшие сестры были тоже типичными русскими женщинами того периода. Образование их ограничилось четырьмя классами деревенской школы. Они рано начали работать в поле. Прасковья (1915) в шестнадцать лет вышла замуж за семнадцатилетнего парня из соседней деревни, жившего в городе. Сделав что-то с документами, чтобы увеличить возраст, они сразу же уехали в Ленинград. Конечно, пришлось дать взятку кое-кому. Муж сестры был рабочим. И сестра всю жизнь до выхода на пенсию была работницей. Другой сестре, Анне (1919), тоже не без труда и взяток удалось вырваться из колхоза. Она уехала в Москву, работала нянькой, домашней работницей, черно-рабочей на заводе. Окончила курсы шоферов. Много лет работала шофером. После аварии стала инвалидом. Работала лифтершей и уборщицей. Участвовала в обороне Москвы. Имела награды.

Типична и судьба младших братьев. Николай (1924) в 1936 году переехал в Москву. Учился в школе. В начале войны стал работать на заводе. За полчаса опозда-

ние был осужден на пять лет заключения. Был направлен в штрафную часть на фронт. Несколько раз ранен. Отличился в боях. Реабилитирован. Награжден многочисленными орденами и медалями. После войны окончил вечерний техникум. Стал замечательным специалистом по тонким приборам. Брат Василий (1926) окончил офицерскую школу, затем заочный юридический институт. Служил в Сибири, в Средней Азии, на Дальнем Востоке. Стал полковником, военным юристом. В 1976 году был назначен на генеральскую должность в Москве. Но в это время на Западе появилась моя книга «Зияющие высоты». От Василия потребовали, чтобы он публично осудил меня. Он отказался это сделать. Заявил, что он гордится мною. Его немедленно уволили из армии и выслали из Москвы. Но он никогда не упрекал меня за то, что пострадал из-за меня, и не порывал со мной контактов. Он был членом партии, как и другие братья, прекрасным специалистом и на редкость хорошим человеком. Братья Алексей (1928) и Владимир (1931) учились в деревенской школе, служили в армии, работали рабочими, заочно учились в техникумах и институтах, оба стали инженерами.

Ни у кого из моих братьев и сестер не было никаких карьеристических амбиций. Если кто-то из нас немного преуспел, так это исключительно благодаря труду и способностям. Но я бы не сказал, что наша семья поднялась слишком высоко. Должность инженера немногим выше уровня квалифицированного рабочего и мастера. На самый высокий уровень поднялся я, став профессором и заведующим кафедрой университета, и Василий. Да и то на короткий срок. Так что «карьера» нашей семьи не превысила «карьеру» всей страны в результате социальной и культурной революции.

* * *

Не обязательно нужно делать нечто грандиозное, чтобы привить человеку высокие моральные принципы и хорошие бытовые привычки. Нас, например, приучали к бытовой чистоплотности на самых простых мелочах. Нас педантично заставляли мыть руки и ноги, стригли ногти и волосы, беспощадно воевали с соплями и вообще с неопрятностью. Тем, кто вырос и живет в современных гигиенических условиях, это покажется смешным или вообще не заслуживающим внимания. Но давно ли то время, когда в королевских дворцах водились вши, когда придворные красавицы не могли раскрывать рот из-за гнилых зубов, когда королевские парки были загажены из-за отсутствия уборных? В наших деревенских условиях и с большой семьей борьба за бытовую чистоплотность играла не менее важную роль, чем борьба прусского наследного принца за признание ночного горшка при королевском дворе. Мы понятия не имели о простынях. Но матрацы, на которых мы спали, регулярно мылись и набивались свежим сеном. То, что Зиновьевы были «помешаны» на чистоте, было известно во всем районе. Потому районное и областное начальство, уполномоченные, агитаторы и другие визитеры обычно ночевали у нас.

Не менее педантично нам прививали моральную чистоплотность. Нам постоянно внушали, что греховно не только совершать плохие поступки, а даже про себя думать о них. Нас наказывали самым беспощадным образом, если мы делали что-либо недостойное репутации нашей семьи. Что о нас подумают люди — это действовало на нас как удар хлыста.

Нам категорически запрещалось употребление бранных слов и скабрезностей. Я не помню ни одного случая,

чтобы дедушка, бабушка и родители ругались матом. Считалось, что чистота речи есть выражение чистоты души. Это прочно въелось в натуру. Я потом служил в кавалерии и в авиации, где на каждое нормальное слово употреблялось два похабных. Я же никогда таких слов не употреблял. В Москве после войны я постоянно вращался в интеллектуальных кругах, в которых все более входил в моду мат. Я не поддался этой эпидемии. Некоторые мои критики без всяких оснований приписали мне употребление мата в моих романах. Я описал и высмеял это явление, но никогда не использовал мат как литературное средство. Я считаю это признаком культурной и моральной деградации, а не прогресса...

Хотя мы все усердно работали, я не могу сказать, что мы имели в достатке еду и одежду. Одежду нам перешивали из старых вещей. Мы донашивали то, что оставалось от старших братьев и сестер. Обновы нам делали только в крайних случаях и к праздникам. Обычно мы недоедали и постоянно испытывали голод. Мясо ели редко и мало. Физическая усталость и скромное питание задерживали наше формирование. Я начал регулярно бриться лишь после того, как мне исполнилось двадцать лет. Моей первой женщиной стала моя первая жена. Мне тогда было двадцать один год.

Несмотря на бедность в современном смысле слова, жили мы весело. Мы не воспринимали свое положение как бедность. Мы вообще не оценивали его в этом плане. Я не помню ни одного случая, чтобы в нашем доме говорили о богатстве и бедности как о чем-то таком, что касалось нас лично. Достижение богатства не входило в круг наших интересов. Наше сознание имело иную ориентацию. В нашем доме всегда было много народу. Зимой у нас подолгу

жили портные, сапожники, валяльщики валенок. Они делали одежду не только для нашей семьи, но и для всей деревни. Они были веселыми шутниками и рассказывали много интересного. Особенно веселое время наступало, когда из Москвы приезжали дед, отец и брат. Они привозили сахар, конфеты, белый хлеб, городские вещи, книги с картинками, цветные карандаши, резиновые мячи. В гости к нам приходили многочисленные родственники и друзья. Жизнь становилась яркой и праздничной.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Самым значительным событием в деревне в период моего детства была коллективизация. В моем формировании и в моей судьбе она сыграла роль огромную. Потому остановлюсь на ней несколько подробнее.

Когда число людей, занятых поисками истины, превышает некий допустимый максимум, то в силу вступает закон: чем больше искателей истины, тем более чудовищные заблуждения порождают эти поиски. В таких случаях люди стремятся не столько к истине, сколько к удовлетворению своих личных целей за счет темы. Истина оказывается делом второстепенным. Тема советской коллективизации дает классический пример на этот счет. На эту тему написаны тонны слов. Найти в них крупицу истины еще труднее, чем найти жемчужину в навозной куче. Уже находясь в эмиграции, я пытался высказать о коллективизации то, что пережил сам и видел своими глазами, на меня обрушили самые нелепые и несправедливые обвинения, в их числе — обвинения в защите сталинизма. И это делали в отношении человека, который в семнадцать лет встал на путь антисталинизма и пострадал из-за этого! Хотел бы я

знать, как бы вели себя нынешние храбрые критики Сталина, если бы оказались в Советском Союзе в 1939 году!

В силу особенностей, о которых я говорил выше, наш район был всей предшествующей историей подготовлен к коллективизации. Думаю, что в этом отношении он был типичен для России. Крестьяне не были собственниками земли. Единоличность хозяйства заключалась лишь в том, что семья индивидуально использовала отведенные ей участки земли. Землю нельзя было продать и даже передать другим во временное пользование за плату. Революция ликвидировала помещичье землевладение. Производительность крестьянского труда была низкая. Продукты труда продавались лишь в исключительных случаях. Это не было источником регулярного дохода. Многие работы выполнялись коллективно (починка дорог, рытье прудов, сенокос). Коллективизация не была для крестьян чем-то абсолютно новым и неожиданным.

О колхозах стали говорить еще до того, как коллективизация началась практически. Неподдалеку от нашей деревни возникла коммуна в духе идей социалистов-утопистов. Она стала предметом насмешек и скоро развалилась. Так что не любое насилие сверху могло быть принято массами крестьян. Если колхозы и были насилием, как принято теперь думать, то это было насилие особого рода: оно было формой организации добровольности. Иначе колхозы не уцелели бы, несмотря ни на какие репрессии. Ведь и в основе закрепощения крестьян в России в шестнадцатом и семнадцатом веках лежала добровольность. Суть проблемы рабства состоит не в том, почему людей заставляют становиться рабами, а в том, почему они позволяют превращать себя в рабов.

О колхозах говорили с насмешкой. Особенно потешались над тем, что якобы вся деревня будет спать под од-

ним одеялом и есть из одной чашки. Одна доверчивая, но очень жадная старуха приобрела огромную ложку, дабы «не упустить своего» из общей чашки. Но насмешки не помешали юмористам единодушно и без эксцессов вступить в колхоз. Лишь немногие отказались. Отказалась та жадная старуха, узнав, что общей чашки не будет. Отказался мой дед и один из односельчан. Последний собрал пожитки, забрал семью и уехал в Ленинград. Дом со всем хозяйством он просто бросил. Лошадь привязал на станции к столбу. Такие поступки стали возможными потому, что потеря хозяйства не превращалась в катастрофу, а при наличии возможности иметь работу в городе не переживалась очень сильно.

Крестьяне отдали в колхоз лошадей, часть коров и овец, инвентарь, хозяйственные постройки. Они продолжали пользоваться ими, но уже как достоянием колхоза. Ликвидировали межи. Колхозу дали кое-какие машины. Появились трактора. Одна из идей колхозов и состояла в том, что в условиях единоличного хозяйства было невозможно использование машин. Хотя в конечном итоге производительность колхозов оказалась низкой, государство получило дешевую рабочую силу в городах за счет бегства и вербовок крестьян в города и на стройки в отдаленных районах страны. Кроме того, государство получило возможность выжимать из деревень организованно и почти даром продукты питания для городов и армии.

Существует устойчивое мнение, будто колхозы были выдуманы сталинскими злодеями из чисто идеологических соображений. Это чудовищная нелепость. Идея колхозов не есть идея марксистская. Она вообще не имеет ничего общего с классическим марксизмом. Она не была привнесена в жизнь из-за теории. Она родилась в самой практической жизни реального, а не воображаемого ком-

мунизма. Идеологию лишь использовали как средство оправдания своего исторического творчества. Сейчас, когда история сделала свое дело, даже советские вожди рассматривают сталинскую колхозную политику как ошибочную и противопоставляют ей некий ленинский (и бухаринский) кооперативный план. Не знаю, чего в этом больше — идиотизма или подлости. Ленинский кооперативный план был совершенно невразумительный и нелепый. Ленин просто понятия не имел о реальности коммунизма. Сталин уже не имел ленинских иллюзий. Он был циничен. Но именно его цинизм больше отвечал исторической неизбежности, чем все прочие программы. Одно дело — бумажные проекты. И другое дело — реальные проблемы реальной страны. Я утверждаю, что низкая производительность труда и другие критикуемые теперь явления колхозов были проявлением общих закономерностей коммунистического социального строя, а не специфически колхозных недостатков. Последние лишь усилили действие общих причин. В колхозах сущность коммунизма обнаружилась в наиболее острой и заметной форме. Дело не в ошибках Сталина. Дело в самом существовании той реальности, в которой действовал Сталин. Сталин делал ошибки, но не больше, чем Хрущев или Брежнев.

* * *

Чтобы правильно оценить суть дела, надо встать на позиции тех людей, которые были участниками исторического процесса. С нынешними мерками посторонних морализаторов в нем ничего не поймешь. Я неоднократно спрашивал мать и других колхозников во время приездов в деревню и позднее о том, согласились бы они снова стать единоличниками, если бы такая возможность представилась. Все они наотрез отказались. Старый строй жизни рух-

нул безвозвратно. Простые люди на уровне здравого смысла понимали, что возврат в прошлое невозможен. Колхозы им казались если не мостиком в будущее, то принудительной силой, толкавшей их в будущее. Массы населения понимали, что об улучшении условий жизни надо было думать уже на основе произошедшего перелома. Лишь высокообразованные мудрецы, не имеющие ни малейшего понятия о сущности реального процесса жизни и равнодушные к судьбам участников этого процесса, до сих пор занимаются суемудрием по принципу «что бы было, если бы было не так, как было».

В проблеме отношения людей к коллективизации интереснее другое. Традиционный коллективизм жизни делал людей неспособными именно к коллективным формам протеста. Люди реагировали на удары судьбы индивидуально, причем не в форме активного протеста, а в форме пассивных поисков выхода. Люди уклонялись от социальной борьбы, устраиваясь поодиночке. Они воспринимали происходящее как должное, как природную катастрофу. Думали лишь об одном: выжить. Проблема заключалась не в том, чтобы избрать лучшую форму жизни — никакого выбора не было, — а в том, чтобы выжить в любой форме, предоставляемой обстоятельствами.

Не раздался ни один голос протеста. Я знаю лишь об одном случае, отдаленно напоминавшем протест. Вышло постановление высших властей о передаче земли «в вечную собственность колхозов». Одна женщина, мать пятерых детей, сказала, что лучше бы в собственность людям отдали то, что вырастает на земле. Ее арестовали за «антисоветскую пропаганду». Никто не протестовал против этого.

Советские «прогрессивные» идеологи, готовые оправдать любую подлость и глупость властей, выдвинули «свежую» идею сделать сотрудников предприятий совладель-

цами этих предприятий — передать предприятия в собственность трудовых коллективов. Цель такой реформы они видели в повышении экономической эффективности предприятий. Они при этом забыли о том, что эта мера уже была испробована в деревне и обнаружила свою сущность: зверскую эксплуатацию людей, прикрываемую лицемерными словами. Один из соблазнов и одно из достижений реального коммунизма состоит в том, что он освобождает людей от тревог и ответственности, связанных с собственностью. Передача средств производства в собственность коллективов есть лишь лживая маскировка закреощения людей.

В Москву!

В 1933 году я окончил начальную школу. Большинство детей, с которыми я учился, либо вообще закончили на этом образование, либо продолжили учебу в семилетней школе в большом селе, где находился сельский совет. После окончания этой школы часть детей поступала в местные техникумы и профессиональные училища, готовившие ветеринаров, агрономов, механиков, трактористов, бухгалтеров и прочих специалистов в новом сельском хозяйстве. В Чухломе была десятилетняя школа. Ее выпускники имели лучшие перспективы. Все эти учебные заведения и профессии возникли после революции как часть беспрецедентной культурной революции. Кстати сказать, коллективизация способствовала этому процессу. Помимо образования большого числа сравнительно образованных специалистов из местного населения в деревни устремился поток специалистов из городов, имевших среднее и даже высшее образование. Социальная структура деревенского

населения стала приближаться к городской в смысле разделения людей на социальные категории, характерные для нового общественного устройства.

Стала складываться иерархия социальных позиций и разделение функций. Подобно тому, как понятие «рабочий класс» теряло социальный смысл в городах, понятие «крестьянство» теряло социальный смысл в деревнях. Эта тенденция мне была известна с детства. Разговоры на эти темы постоянно велись в нашей семье и в нашем окружении. Именно стремительное изменение социальной структуры деревни обеспечило новому строю колоссальную поддержку в широких массах населения, несмотря ни на какие ужасы коллективизации и индустриализации.

Матери хотелось, чтобы какой-то из сыновей остался в деревне и стал для нее опорой. Один из наших родственников стал ветеринаром. Хорошо зарабатывал. Пользовался уважением. Вот если бы я стал ветеринаром или агрономом, это была бы такая поддержка семье! Но установка на Москву все же пересилила. Школьный учитель настаивал на том, чтобы меня отправили в Москву. Он считал меня лучшим учеником за всю его учительскую деятельность. Он уверял мать, что я буду новым Ломоносовым. И наш священник говорил о том же. Он простил мне грех с крестиком. Он говорил матери, что во мне есть «искра Божия» и ее не загасит никакой атеизм. Скрепя сердце мать согласилась отправить меня в Москву. Она знала, что меня ожидало там.

Всю ночь перед отъездом мать плакала и молилась. Я тоже не спал, тоскуя от предстоящей разлуки с близкими и грезя сказочной Москвой. О Москве в наших краях говорили много и постоянно, а в нашем доме особенно. О Москве часто рассказывал дедушка Яков. Мы слушали его рассказы с захватывающим интересом, как сказки. По-

слушать его приходили дети и даже взрослые со всей деревни. Обычно это бывало зимними вечерами, когда люди имели немного свободного времени. Отец тоже кое-что рассказывал, но меньше, чем дед. Да и появлялся он в деревне очень редко. Кроме того, у нас в доме были книги и кипы старых журналов с иллюстрациями Москвы. В частности, было много не то журналов, не то альбомов с изображениями московских фабрик и заводов. Скорее всего, это были справочники-рекламы. Мой зрительный образ Москвы сложился в значительной мере под их влиянием. Я просматривал их постоянно. Фабрики и заводы до революции строились из красного кирпича и в стиле замков и крепостей, как мне казалось. Я воображал Москву в виде огромного скопления таких красных зданий. Этот образ до сих пор жив в моем художественном воображении.

Чуть свет проснулась вся семья. Перед дальней дорогой по старому русскому обычаю мы молча посидели несколько минут. И я с чужими людьми покинул дом. Это была не просто временная поездка в чужие края. Это был переход в иное измерение бытия. И это было не просто переходом деревенского парня к городскому образу жизни — такой переход не был чем-то новым для наших мест. Это было началом скачка от самых глубоких основ разрушенного уклада народной жизни сразу на вершину современной тенденции человечества — скачка из прошлого в будущее. Сказанное не есть лишь сегодняшняя интерпретация прошлого события. Мы все на самом деле чувствовали тогда какой-то символический и даже мистический смысл происходившего. Предчувствие какого-то великого перелома было уже подготовлено долгими годами предшествующей истории.

В нашем веке многим миллионам людей, находившимся на низком уровне социального развития, приходилось

и приходится приобщаться к современной цивилизации. Но в моем случае имелось то, чего нет в судьбе этих миллионов. Россия оказалась историческим новатором в прокладывании путей в будущее, а мне было суждено стать мыслителем этого исторического творчества. Мы были первооткрывателями, колумбами исторических поисков человечества. На Западе прилагаются титанические усилия к тому, чтобы не заметить, занижить и исказить это историческое творчество русских людей. Чтобы какие-то лапотники делали исторические открытия — такого не должно быть! Но это все-таки произошло, и с этим, так или иначе, придется считаться.

Когда я немного подрос, я прочитал книгу Эжена Сю «Агасфер». Одна идея книги поразила меня тогда. Она много раз повторялась. Выражалась она одним словом: «Иди!». Я припомнил свой отъезд из деревни. Мать проводила меня до околицы, благословила и сказала на прощанье лишь одно слово: «Иди!».

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Москва

Реальная Москва удивила меня несоответствием тому образу ее, какой у меня сложился в деревне. Я увидел, конечно, и такие здания, какие воображал до этого. Таким был, например, весь комплекс Казанского вокзала, расположенного напротив Ярославского вокзала, на который мы прибыли. Я этот вокзал видел много раз на картинках и сразу узнал его. Но в целом город выглядел совсем иначе. Он мне показался серым и враждебным. И мокрым: шел дождь. По тротуарам и мостовой бежали ручьи. Меня встретил старший брат Михаил. Мы пошли на Большую Спасскую улицу, где мне теперь предстояло жить в доме номер 11 в квартире номер 3. Это было недалеко от вокзала, минутах в двадцати ходьбы. А вещей у меня — запасная рубашка и штаны да свидетельство о рождении и об окончании начальной школы. Забегая вперед, скажу, что я так и прожил всю жизнь в Советском Союзе с минимумом вещей, возведя это даже в принцип жития.

Мы подошли к приземистому дому. Над воротами была вделана плита с именем бывшего владельца дома, моего двоюродного деда Бахвалова. Эта плита сохранялась еще и в послевоенные годы. Мы вошли во двор, похожий на каменный колодец, и спустились в глубокий подвал. На кухню высыпали все жильцы подвала поглядеть на новое пополнение. Потом я узнал, что в подвале было пять комнат-клетушек, в которых жило пять семей. На общей площади менее 70 кв. м обитало более двадцати человек, кроме нашей

семьи. Никакой ванны. Допотопный туалет. Гнилые полы. За то, чтобы починить канализацию и настелить новые полы, жильцы квартиры сражались потом до 1936 года. Писали жалобы во все инстанции власти. Писали письма Ворошилову, Буденному и самому Сталину. Просьбу удовлетворили лишь в связи со «всемирным обсуждением» проекта новой Конституции.

Представив меня жильцам квартиры, брат ввел меня в маленькую комнатку, вид которой поверг меня не то что в состояние уныния, а в окаменение. Комната была узкая, два с половиной метра, и длинная, четыре метра, темная и сырая. На одной стене, густо покрашенной зеленой масляной краской, выступали большие капли воды, стекавшие тонкими струйками на пол. Небольшое, вечно грязное снаружи окно выходило прямо на тротуар. За ним мелькали ноги, топали каблуки. Слышно было, как по бульжной мостовой грохотали грузовики. Протопали солдаты, горланя строевую песню: на той стороне улицы находились Красно-Перекопские казармы. Под окном был шкаф для продуктов. Внутри его было сыро, пахло плесенью. Под шкафом стоял сундук. На нем мне предстояло спать. В комнате стоял шкаф, стол и два стула. Все это было сделано самим братом. Стояла железная кровать с медными шарами. На ней спали брат и отец. Под потолком висела тусклая электрическая лампочка. На тонкой перегородке, отделявшей нашу комнату от соседей, висела черная тарелка радиопродуктора. В комнате была также печка. Железная труба от печки тянулась по каменной стене до потолка и уходила на кухню в общий дымоход.

Брат дал мне кусок хлеба с колбасой и стакан чаю. Колбаса была самая дешевая. Потом я узнал, что ее называли «собачьей радостью». Колбасе и чаю я обрадовался: чай был не по-деревенски сладким, а колбасу я вообще ел впервые в жизни. Потом брат ушел на работу, оставив меня

одного до вечера. Отец в это время работал где-то за городом и ночевал там. Я остался один. На меня накатила невыносимая тоска. Мне захотелось немедленно бежать обратно в деревню. К счастью, прекратился дождь. Во двор высыпала целая орава детей. Сосед по квартире моего возраста зашел ко мне и позвал во двор. Во дворе меня окружили ребята. Смеялись над тем, как я одет. Называли «Ванькой». Один парень по виду старше меня года на два и на голову выше ростом толкнул меня. Не задумываясь, я ударил его в нос. Нос я ему разбил до крови. Он заплакал и убежал жаловаться. А я сразу же завоевал уважение — этого парня во дворе не любили. Так я нарушил евангельскую заповедь непротивления злу насилием. Вместо заповеди «Если тебя ударили по одной щеке, подставь другую» я встал на путь выработки своей: «Спротивляйся насилую любими доступными тебе средствами». Началась новая эпоха в моей жизни.

* * *

Время с сентября 1933-го до июня 1934 года (т.е. до летних каникул) было самым трудным в моей жизни до 1939 года. Я называю этот период первым годом ужаса. Отец был человеком совершенно непрактичным в бытовом отношении. Он варил гигантскую кастрюлю супа на целую неделю. При одном воспоминании об этом супе меня до сих пор тошнит. Один раз он где-то приобрел курицу и сварил ее с потрохами и перьями. Над этой историей потом потешались много лет наши соседи и знакомые. Уже после войны, когда мы жили в Москве, мать послала отца в больницу, чтобы оттуда присылали медицинскую сестру делать ей уколы. В больнице не поняли, в чем дело, и уколы стали делать отцу. Так продолжалось несколько дней. И опять-таки была большая потеха, когда обнаружили ошибку... И вот этому человеку надо было заботиться о

ребенке, которому еще не исполнилось одиннадцати лет. Но скоро наши роли переменялись, и я сам стал заботиться о нем.

Брат в эту зиму женился и привез из деревни молодую жену. Она немедленно установила «новый порядок». В комнате стало чище и наряднее. Но на шкафах появились замочки. Нам с отцом остался общий шкаф на лестничной площадке, где мы хранили наш спасительный суп, и маленькое отделение в шкафу под окном. Отец стал спать на сундуке под окном. А мне жильцы квартиры разрешили спать на ящике для картошки, расположенном в промежутке между стенкой нашей комнаты и уборной. На этом ящике я спал почти до самого конца 1939 года. После войны, написав десятки прошений, мы добились того, что эта территория отошла к нашей комнате. Это была первая крупная победа нашей семьи в борьбе за улучшение жилищных условий.

Я быстро освоился с новой жизнью, и отец передал в мое ведение хозяйственные дела. Он отдавал мне продуктовые карточки и давал деньги. Их было совсем немного. Мне приходилось выкручиваться. Мои математические способности и природная смекалка очень пригодились. Я покупал керосин для примуса и продукты. Носил белье в прачечную. Тогда в Москве было много китайских прачечных. Потом китайцы все вдруг исчезли. Говорили, что их всех арестовали как японских шпионов. Отец часто уезжал на несколько дней, и у меня тогда образовывались «избытки» хлеба. Хлеб я продавал, а на вырученные деньги покупал тетради или какие-либо вещи. Один раз я таким путем приобрел тапочки для занятий по физкультуре, другой раз — трусы для тех же целей. Короче говоря, вплоть до приезда в Москву сестры Анны с братом Николаем (осенью 1936 года) я сам вел все хозяйственные дела, касающиеся меня и отца. Даже большие покупки, например бо-

тинки, пальто, я делал сам. Отец иногда брал меня с собой на работу, где подкармливал в столовой, или приносил что-нибудь с собой. Сам он ел необычайно мало, никогда не употреблял алкоголь, не курил, носильные вещи приобретал только тогда, когда старые носить было уже совсем невозможно. Мы с ним довольно часто ходили в гости, где нам тоже перепадало кое-что из еды. Но вообще этот год был довольно голодный для всех, и наш образ жизни не выглядел таким кошмарным, каким он кажется сейчас. На фоне всеобщей бедности наше положение не казалось сверхбедностью.

Устроить меня в школу поблизости от дома не удалось: они все были переполнены. Но нет худа без добра. Меня приняли в школу далеко от дома, на Большой Переяславской улице, зато лучшую в нашем районе. Сначала меня брать не хотели, так как я был из деревни. Я сказал, что у нас в деревне была хорошая школа. Женщина в канцелярии школы, разговаривавшая со мной, обратила внимание на то, что я говорил совсем не по-деревенски и грамотно для такого возраста. Она решила принять меня, но не в пятый, а в четвертый класс. Я отказался. Я предложил ей дать мне математическую задачу на умножение или деление больших чисел. В это время в канцелярию зашли другие люди, возможно учителя. Один из них предложил мне умножить четырехзначное число на трехзначное. Я молниеносно сделал это в уме. Мой трюк произвел впечатление. Меня приняли в пятый класс. Начались занятия. Выяснилось, что я был подготовлен лучше, чем большинство учеников класса. Появилась уверенность в том, что я и тут буду учиться хорошо. Это уменьшило тоску по деревне и сгладило остроту переживаний из-за бытовой неустроенности. Появилась большая цель — хорошо учиться, не смотря ни на что. Потребность куда-то идти дополнилась

двигателем движения — всепоглощающей целью набраться знаний, чему-то научиться и проявить себя для окружающих.

* * *

Мой первый день жизни в Москве начался с драки. Это было только начало. Тогда еще встречались беспризорники. Во многих семьях родители либо вообще не заботились о том, как ведут себя дети на улице, либо не имели возможности контролировать их. Разделение на «улицу» и «школу» было еще очень резким. Дети образовывали дворовые банды. Верховодили в них ребята, которые были старше и физически сильнее других, плохо учились, оставались на второй год или совсем бросали школу, курили, ругались матом, хулиганили и пили водку. Банды враждовали друг с другом. Иногда драки кончались увечьями. Ловили детей из враждебных банд или случайных одиночек, обыскивали, отнимали деньги и вообще все, что находили в карманах, избивали.

Существовала такая банда и в нашем дворе. И меня, конечно, попытались в нее вовлечь. Я был фактически безнадзорным, и ребятам казалось, что я предназначен быть с ними. И соседи по дому все были убеждены в том, что я стану жертвой улицы. Более того, им даже хотелось, чтобы это случилось. Слух о том, что я хорошо учусь, дошел до них. Это вызывало раздражение.

Я, однако, был воспитан в нашем «медвежьем углу» так, что уличные ребята не могли стать моими друзьями, а их поведение вызывало у меня лишь протест и отвращение. К тому же я, избегая командовать другими, сам противился попыткам других командовать мною. А заправила банды навязывали младшим и более слабым ребятам свою беспрекословную власть. Причем это порою принимало такие формы, что мне до сих пор стыдно вспоминать и тем бо-

лее писать об этом. Но остаться независимым одиночкой было не так-то просто. Мне некому было жаловаться, да я и не был к этому приучен. Мне пришлось передрааться со всеми ребятами из дворовой банды, чтобы доказать свое право на независимое положение. Драки проходили с переменным успехом. Я дрался с остервенением, и меня стали побаиваться даже более сильные ребята. Когда на нашу банду делали налеты другие банды, меня обычно звали на помощь. И я никогда не уклонялся от этого. Это тоже способствовало укреплению моей позиции. Стремление к завоеванию индивидуальной независимости стало одним из качеств моего характера, а со временем одним из принципов моей жизненной системы. Обычно я добивался успеха, не считаясь с потерями.

Однажды произошел такой случай. Я после школы пошел в булочную. Чтобы сократить путь, я пошел через проходной двор и столкнулся с ребятами из банды с соседней улицы. Они окружили меня с явным намерением обыскать, отнять карточки и деньги, а затем избить. И тут во мне сказался «зиновьевский» характер. Я предупредил, что первому, кто коснется меня, я выткну глаз, а потом пусть со мной делают что хотят. Я действительно был готов на это. Ребята поняли это, испугались, расступились, и я ушел своей дорогой. После этой истории обо мне распространился слух, будто я — на все способный бандит, будто связан с шайкой взрослых профессиональных грабителей. Слух дошел до школы. Не в меру усердный комсорг школы по имени Павлик решил устроить из этого «дело». Однажды меня с урока вызвали в кабинет директора. В кабинете, помимо директора и заведующего учебной частью, был тот самый Павлик. На столе лежал финский нож. Павлик заявил, что этот нож был найден в кармане моего пальто — тогда в раздевалке регулярно делали обыски нашей одежды. Я сказал, что у меня в пальто вообще нет карманов. При-

несли мое пальто, перешитое еще в деревне из какого-то старья. В нем действительно не было карманов. Историю замяли. Павлик потом куда-то исчез, но конечно, не из-за меня. Эта история принесла мне также и пользу. После этого было еще несколько мелких стычек, но я до окончания школы чувствовал себя в безопасности.

Стремление занять такое особое положение в коллективе, какое соответствовало моему еще только складывающемуся тогда характеру, не имело абсолютно ничего общего со стремлением приобрести какие-то привилегии и преимущества сравнительно с другими людьми. Мое стремление как раз вредило мне, приносило неприятности, лишало возможности приобрести упомянутые привилегии. Из-за него мне потом не раз приходилось выслушивать упреки в противопоставлении себя коллективу, в «буржуазном индивидуализме» и даже в «анархизме». Но мой индивидуализм не имел ничего общего с «буржуазным». Он был результатом идеального коллективизма. Он был протестом против нарушения норм идеального коллективизма в его реальном исполнении. Он был формой самозащиты индивида, принимающего достоинства коллектива, но восстающего против стремления коллектива низвести индивида до уровня безликой его частички. Некоторые идеи на этот счет читатель может найти в конце книги «Желтый дом».

Не могу сказать, что я легко отделался от влияния улицы. Мне было все-таки одиннадцать лет. Надо мною не было повседневного контроля семьи. Я порою находился на грани падения. Причем мое падение могло произойти из-за пустяка. Достаточно было оказаться замешанным в какую-нибудь хулиганскую или воровскую историю, чтобы попасть в детскую исправительную колонию. Тогда, в начале тридцатых годов, не очень-то церемонились. Однажды старшие ребята из дворовой банды подговорили нас

украсть коляску с мороженым. Операция прошла успешно. В другой раз нас спровоцировали на нападение на пивной ларек. На этот раз нас забрали в милицию. Брату Михаилу пришлось приложить усилия, чтобы выволить меня домой. Я оказался вовлеченным в такие дела не в силу некоей испорченности, а просто из мальчишеского желания показать, что не являлся трусом. Я решительно порвал близкие контакты с улицей после того, как вожаки дворовой банды попытались склонить меня к сексуальным извращениям. Это вызвало у меня глубочайшее отвращение. После этого я вообще перестал проводить время в нашем дворе и в соседних.

Школа

Мне в детстве в семье привили представление о том, что в мире существует нечто чистое, светлое, святое. Сначала воплощением этих представлений был некий религиозный Храм. Но религия была смертельно ранена. Храм был разрушен. А потребность в таком Храме осталась. А такой Храм для меня нашелся сам собой: школа.

Школа, в которой я проучился с 1933-го по 1939 год, была построена в 1930 году и считалась новой. Она не была исключением в то время. Но таких школ было еще немного. Она не была привилегированной. Но вместе с тем она была одной из лучших школ в стране. Она еще не успела стать типичной, но была характерной с точки зрения отношения к школе в те годы и с точки зрения основных тенденций в образовании и воспитании молодежи. В большинстве школ дело обстояло хуже, в некоторых школах — лучше. Но если бы нужно было описать самое существенное в советской школьной системе тридцатых (т.е. предвоенных) годов, я бы выбрал именно нашу школу как классиче-

ский образец. Это дело случая, что я оказался в ней. Но думаю, что я стал тем, чем я стал, в значительной мере благодаря тому, что учился именно в такой школе.

Прежде всего — само здание школы. В предвоенные и особенно в послевоенные годы в Москве были построены сотни новых прекрасных школ. Но моя школа, ставшая к тому времени старой, осталась непревзойденной — так мне показалось, когда я перед эмиграцией на Запад пришел на Большую Переяславскую улицу в последний раз посмотреть на нее. Посмотреть на сохранившееся здание, в котором теперь помещалась школа, абсолютно ничего общего не имевшая с той, в которой я учился. Та школа исчезла навсегда в прошлое. Если здание школы прекрасно выглядело в 1978 году среди новых высоких домов, то как же она должна была восприниматься в тридцатые годы в окружении жалких домишек (в основном деревянных и полуразрушенных), построенных еще задолго до революции?! В особенности для тех из детей, кто жил в тесных и мрачных комнатухах в сырых подвалах и деревянных развалах, школа казалась прекрасным дворцом будущего коммунистического общества.

1933-й и 1934 годы были голодными. Минимум продуктов питания можно было получить только по карточкам. В школе дети из самых бедных семей получали бесплатный завтрак, а прочие могли кое-что покупать по сниженным ценам в буфете. Для меня эти школьные завтраки в течение трех лет были весьма серьезным подкреплением. Были они, конечно, убогими. Но в дополнение к тому, что мне удавалось съесть дома, они сохранили мне жизнь. В школе мне также выдавали иногда ордера на одежду и обувь — особые бумажки с печатями, по которым я мог очень дешево купить рубашку, ботинки или брюки в особых магазинах. Несколько раз мне выдавали рубашки и обувь бесплатно. Для этого требовалось особое решение

родительского и педагогического совета. Физически слабых от недоедания детей иногда направляли в однодневные дома отдыха, где можно было получить еду. Бывал в таких домах и я. В школе постоянно организовывали всякого рода экскурсии — в зоопарк, в ботанический сад, в планетарий, в многочисленные музеи. Часто во время таких экскурсий нас поили чаем с сахаром и давали бутерброды с сыром или колбасой.

Уровень преподавания в школе был чрезвычайно высоким. Я думаю, что к концу тридцатых годов советская школа в той ее части, в какую входила наша школа, достигла кульминационного пункта. В послевоенные годы во многих отношениях началась деградация школьной системы образования и воспитания. В тридцатые годы школьный учитель еще оставался по традиции одной из самых почетных фигур общества. Учителя были высококвалифицированными и энтузиастами своего предмета. И нравственный их уровень был очень высоким: они служили образцом для молодежи.

* * *

Приобщение к культуре на первых порах происходило для меня также через школу. Это упоминавшиеся выше экскурсии, различного рода кружки, коллективные походы в музеи, в кино и в театры. В нашей школе был драматический кружок. Руководил им профессиональный артист одного из московских театров Петр Крылов. Кружок был очень серьезный. На смотрах художественной самодеятельности Москвы он систематически занимал призовые места. В его репертуаре были такие пьесы, как «Борис Годунов» Пушкина и «Горе от ума» Грибоедова. Но преобладали пьесы советских драматургов. Очень успешно была поставлена «Любовь Яровая» Тренева. Одна постанов-

ка (называлась пьеса «Ошибка инженера Кочина») сыграла роковую роль в моей жизни, о чем я расскажу потом. В школе часто устраивались концерты самодеятельности. Помимо членов драматического кружка в них принимали участие дети, обучавшиеся искусству в других местах — в кружках при музыкальных и танцевальных школах, в Доме пионеров (предшественнике Дворца пионеров). На уроках литературы уделялось серьезное внимание художественному чтению. Некоторые ученики хорошо читали Пушкина, Лермонтова, Блока, Маяковского. Один парень из соседнего класса прекрасно сыграл роль Гулливера в кинофильме. Он был убит во время войны. Другой потрясающе играл комические роли в инсценировке чеховских рассказов. Он поступил потом в театральное училище. Но во время войны умер от туберкулеза.

Я тоже попробовал артистическую карьеру, но неудачно. Я принимал участие в постановке пьесы про классовую борьбу в США. Пьеса называлась «Бей, барабан!». Моя роль была без слов: я изображал пионера, которого убивал полицейский. Над моим телом американские юные революционеры произносили речи. Затем меня укладывали на импровизированные носилки и торжественно уносили со сцены под грохот барабана. Однажды я схватил насморк. В тот момент, когда я лежал якобы мертвый и в зале и на сцене наступила гробовая тишина, я громко шмыгнул носом. В зале начался смех, а когда меня уносили, я громко чихнул. На этот раз рассмеялись и артисты. Меня уронили, и я сам ушел со сцены под общий хохот в зале. На этом моя артистическая карьера закончилась.

В школе был кружок рисования. Руководил им студент какого-то художественного училища (по имени Женя). Была специальная комната для занятий кружка. В обязанности этого студента входило также художественное оформле-

ние школы — лозунги, плакаты, стенды к важным датам с композициями фотографий и вырезок из журналов и газет. У нас были также уроки рисования. Учитель рисования также принимал участие в художественном оформлении школы. Наша школа с этой точки зрения была лучшей в районе и одной из лучших в Москве. Десятки способных к рисованию учеников были вовлечены в это дело. В школе, кроме того, была Ленинская комната — небольшая комната, в которой собиралось все, что касалось Ленина. Оформлением ее заведовал также упомянутый студент. Меня в кружок рисования не взяли, так как я не стремился к точному изображению предметов. У меня получались скорее карикатуры на предметы и на людей.

У нас были даже уроки музыки. Учитель, заметив, что у меня не было ни голоса, ни слуха, но что я что-то постоянно рисовал, предложил мне «рисовать музыку», т.е. изображать в рисунках то, как я воспринимал музыку. Я целый учебный год усердно занимался этим. Учитель коллекционировал мои рисунки и рассказывал нам непонятные вещи о соотношении звуковых и зрительных образов. Учитель был стар. На следующий год он умер и уроки музыки прекратились, но появился музыкальный кружок. В него я, конечно, не записался по причине, о которой уже говорил выше.

Наконец, в школе были прекрасно организованы спортивные уроки и спортивные внеурочные секции. Ученики нашей школы неоднократно становились чемпионами страны по гимнастике среди юношей. Я еще в деревне здорово бегал, прыгал и плавал. И в Москве я обнаружил хорошие спортивные способности в легкой атлетике, а также в бегании на лыжах на большие дистанции. Но заниматься в спортивных секциях не стал из отвращения к соревнованиям всякого рода.

Большинству учеников школа давала то, что они не имели в семьях. Родители их были, как правило, плохо образованными. Они испытывали уважение к своим более культурным детям, надеялись на то, что образование выведет их детей на более высокий социальный уровень. Тогда многие делали стремительные взлеты на вершины общества в самых различных сферах. Казалось, что это становится общедоступным. Выпускники школ практически все (за редким исключением) могли поступить в институты. Для них проблемой был выбор института, соответствующего их способностям и желаниям. Хотя нам всячески прививали идеологию грядущего равенства, большинство учеников воспринимали школу как возможность подняться в привилегированные слои общества. Хотя все с почтением говорили о рабочем классе как о главном классе общества, рабочими мало кто хотел быть. Лишь самые неспособные и испорченные улицей дети шли в рабочие. Эта возможность подняться в верхи общества в гораздо большей степени делала жизнь радостней и интересней, чем идеи всеобщего равенства, в которые мало кто верил.

ИДЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Тридцатые годы были самыми мрачными и, одновременно, самыми светлыми в советской истории. Самыми мрачными в смысле тяжелых условий жизни масс населения, массовых репрессий и надзора. Самыми светлыми по иллюзиям и по надеждам. Мы получили широкое общее образование, включившее знакомство с мировой историей и достижениями мировой культуры. Нас воспитывали в духе гуманизма и идей лучших представителей рода человеческого в прошлом. Нам старались привить высокие

нравственные принципы. Что из этого вышло на деле — другой вопрос. Реальность оказалась сильнее прекраснодушных пожеланий и обещаний. И из смещения благих намерений и их воплощения в жизнь родились чудовища и уроды, герои и страдальцы, палачи и жертвы.

Многие представители моего поколения восприняли обрушенный на них поток высоконравственных наставлений и многообещающих идей вполне искренне и серьезно. Большинство идеалистов такого рода погибло на войне или в сталинских лагерях. Кое-кто превратился в бунтаря против той реальности, которая оказалась в вопиющем противоречии с его нравственными и социальными идеалами. Я оказался в числе этих немногих чудом уцелевших бунтарей.

Значительную часть нашего образования составляло изучение революционных идей и событий прошлого, вольнодумства, протестов против несправедливости, бунтов, восстаний, борьбы против мракобесия и т.д., короче говоря — всего того, что было проявлением восстания против существовавшего порядка вещей. Героями нашей юности становились люди вроде Спартака, Кромвеля, Робеспьера, Марата, Пугачева, Разина, декабристов, народников и, само собой разумеется, большевиков. Вся история человечества во всех ее аспектах преподносилась нам как борьба лучших представителей рода человеческого против неравенства, эксплуатации, несправедливости, мракобесия и прочих язв классового общества, как борьба их за претворение в жизнь самых светлых и благородных идеалов.

Нам рекомендовали книги, героями которых были борцы против язв прошлых общественных устройств. И мы читали эти книги с удовольствием. Даже книги о революции, Гражданской войне и о последующей советской истории были построены так, что герои их выдерживали борьбу против каких-то темных сил и вообще морально порицае-

мых явлений. Эти герои создавались по образу революционеров прошлого. Поскольку советское общество считалось конечным результатом всей прошлой борьбы за счастье человечества и высшим продуктом всей предшествовавшей истории, нашим воспитателям даже в голову не приходила мысль о том, что все революционные идеи прошлого могут быть обращены на советское общество, что последнее может само стать предметом протеста и источником бунта. Так что когда я во время допроса на Лубянке в 1939 году высказал следователю, допрашивавшему меня, эту мысль, он просто оторопел от неожиданности.

Легко быть умным и смелым задним числом, глядя на прошлое с высоты наших дней. Теперь многие удивляются, как это люди в те годы позволили себя обмануть. При этом эти умники и смельчаки не замечают того, что сами по уши погрязли в обмане и самообмане иного рода, в современном обмане. И одним из признаков современного самообмана является то, что идейное состояние советских людей прошлого рассматривается ими как обман и самообман. Я утверждаю категорически, что в таком грандиозном процессе, какой пережила страна, имели место бесчисленные случаи обмана и самообмана, но процесс в целом не был обманом и самообманом. Дело обстояло вовсе не так, будто какая-то кучка людей на вершине общества хорошо понимала реальность и преднамеренно вводила людей в заблуждение, будто среди обманываемых было много таких, которые тоже все понимали, но принимали участие в обмане, извлекая для себя выгоду. Реальная история огромной страны не имеет ничего общего с таким взглядом на нее как на результат интрижек, своекорыстных махинаций и криминальных действий.

В реальности происходило формирование нового человека, адекватного новым условиям существования. Когда речь идет о многомиллионных массах людей, бессмыс-

ленно рассчитывать на то, что идеологическое воспитание сделает людей именно такими, как хочется воспитателям, и сделает такими всех. В воспитании масс людей принимает участие множество факторов. Их воздействие на людей различно, порою противоположно по результатам. И лишь какая-то часть людей поддается обработке в желаемом духе. Если не все в людях становится таким, как хотелось бы, и если не все люди становятся такими, как хотелось бы, это не означает, что система воспитания потерпела крах. Эффективность системы воспитания масс оценивается по тому, что она все-таки внесла в общий процесс формирования сознания людей и какую роль этот вклад сыграл в историческом процессе в данную эпоху. Я утверждаю, что система идейного воспитания, сложившаяся в стране после революции и достигшая расцвета в тридцатые годы, блестяще выполнила ту историческую задачу, которая на нее и возлагалась объективно. Благодаря этой системе достаточно большое число людей было сделано таким, как требовалось обстоятельствами, и массы людей были приведены в такое состояние, какое требовалось этими обстоятельствами. То, что в стране было сделано в смысле социальной, экономической и культурной революции, было бы невозможно без идейного воспитания масс людей. И что бы ни говорили о поведении миллионов людей в период войны, якобы свидетельствовавшем о крахе советской системы и идеологии, на самом деле именно война была самой показательной проверкой эффективности мощнейшей системы идейного воспитания тех лет.

* * *

Говоря так, я вовсе не хочу петь дифирамбы этой системе. Я хочу лишь обратить внимание на то, с каким могучим механизмом обработки сознания людей я имел дело в те годы. Перенеситесь мысленно в прошлые годы, в усло-

вия тридцатых годов! И представьте себя мальчишкой, живущим в массе людей, охваченным грандиозными иллюзиями и столь же грандиозным страхом усомниться в них, испытывающим на себе ежечасно и ежедневно действие гигантского механизма идеологической обработки! Это теперь, когда лавина истории уже пронеслась и вы смотрите на прошедшее, находясь в полной безопасности и имея сведения о том, что причинила лавина, можно позволить себе смотреть на все свысока и с насмешкой. А что было бы с вами, если бы вы, ничтожная песчинка, оказались на пути великой лавины истории?! Я был такой ничтожной песчинкой. Я еще не знал, что я сам есть такое, в какой исторической ситуации оказался, что из себя представлял исторический поток, захвативший меня, я был одним из бесчисленных объектов воздействия общества — объектом воспитания и самовоспитания гигантского социального организма с гигантской системой обработки сознания людей.

Механизм идейного воздействия на человека не сводился к специальным учреждениям и людям, к специальным урокам и словам. Дело в том, что он пронизывал все мое социальное окружение, организовывал буквально всех людей на это дело. Этим была пронизана вся жизнь, и уклониться от этого было невозможно даже при желании. Но и желания этого не было. Когда у меня созрело желание пойти против этого всеобщего потока, я все-таки сумел чего-то добиться. Но тогда, в 1933 году и первые годы жизни в Москве, я, как и все, был во власти этого потока. Более того, я был захвачен, может быть, даже сильнее других из-за того тяжелого положения, в каком оказался в Москве. Психологически коммунизм есть идея нищих, не способных избавиться от своей нищеты. А я был нищим среди нищих.

Новое коммунистическое общество мыслилось как воплощение всех мыслимых добродетелей и полное отсутствие всех мыслимых зол. И адекватный этому общественному раю человек представлялся неким земным святым, неким коммунистическим ангелом. Из нас на самом деле хотели воспитать таких коммунистических ангелов. Кто мог тогда знать, что реальностью таких ангелов являются дьяволы?! Кто мог тогда думать о том, что существуют объективные законы социальной организации, независимые от воли и желания высших руководителей?! Их и сейчас-то не хотят признать даже специалисты. Так что уж говорить о миллионах людей, имеющих для этого слишком слабое образование, и об их вождях, не заинтересованных в познании этих законов! А объективные законы жизни коммунистического общества делали свое неумолимое дело, внося свою долю в воспитание людей. Они вынуждали миллионы людей приспособляться к новым условиям бытия, игнорируя призывы вождей и идеологических наставников становиться коммунистическими ангелами. Лишь чудом выживавшие одиночки становились жертвами конфликта между прекрасными идеями и жуткой реальностью, вынуждались на бунт, бунт иррациональный, бунт отчаяния. Таким одиночкой волею судьбы оказался я.

ПРОБЛЕМЫ КОММУНИЗМА

Отменили карточную систему. Регулярно снижались цены на продукты питания. Появились предметы ширпотреба (одежда, обувь, кухонная утварь и т.д.). Жизнь становилась интересной и насыщенной. Мы ходили на демонстрации, участвовали в пионерских сборах и во всякого рода общественных мероприятиях (сбор металлического лома

и макулатуры, посадка деревьев). Нам показывали новые фильмы, которые с пропагандистской точки зрения были сделаны превосходно. Они производили впечатление даже на Западе. А для нас они были праздниками. Я сам посмотрел раз двадцать фильм «Чапаев» и десять раз «Мы из Кронштадта». Нам устраивали чтение новых книг советских писателей. Книга Николая Островского «Как закалялась сталь» стала своего рода учебником коммунистического воспитания молодежи. Все важнейшие события в жизни страны становились событиями нашей личной жизни. Начавшаяся реконструкция Москвы воспринималась нами не как разрушение памятников старины и архитектурное обезображивание города, а как явное улучшение вида города и условий жизни в нем. При мне снесли знаменитую Сухареву башню и башни водопровода у Рижского вокзала, уничтожили бульвары Садового кольца и Первой Мещанской улицы. И даже это мы воспринимали как неслыханный прогресс. Около нашего дома сломали церковь. На ее месте построили здание художественно-промышленного училища. Одним словом, жизнь страны, преподносимая нам в героически-романтическом духе, становилась важнейшим элементом нашей личной жизни и оттесняла куда-то на задний план все реальные ужасы и трудности. И сталинские репрессии мы воспринимали как продолжение революции и Гражданской войны. Впрочем, моего окружения они тогда не коснулись почти совсем. В соседнем доме арестовали инженера, затем — его преемника. Но это никакого эффекта не имело. Политические процессы после убийства Кирова мы воспринимали как спектакли и ждали новых представлений такого рода.

После принятия новой Конституции в 1936 году у нас в школе ввели специальный предмет — изучение Конституции. Учителем у нас был аспирант Московского института

философии, литературы, истории (сокращенно МИФЛИ) по фамилии что-то вроде Яценко.

Автором Конституции решили считать Сталина. На уроках мы изучали доклад Сталина о Проекте Конституции. А с 1937 года мы стали изучать «Краткий курс истории ВКП (б)», точно так же приписывавшийся Сталину. Особенно тщательно мы изучали раздел «О диалектическом и историческом материализме». В качестве дополнительной литературы мы читали «Вопросы ленинизма» Сталина. Я занимался всем этим с большим интересом. Уже в школе я прочитал многие сочинения Маркса и Энгельса помимо «Коммунистического манифеста», который мы были обязаны знать по программе. Этот мой интерес к марксизму был частью моего общего интереса к философии и социально-политическим проблемам. Новым тут было то, что я уже начал искать теоретическое объяснение наблюдаемых мною явлений жизни, а марксизм-ленинизм претендовал именно на это, т.е. на то, чтобы быть самой высшей наукой о реальности. Мне потребовалось два года для того, чтобы понять, что многие вопросы, возникшие у меня, он оставлял без ответа, а на другие давал ответ ложный. Сталинские работы, с одной стороны, облегчали мне вхождение в марксистские тексты, довольно путанные, а порою нарочито заумные. Но с другой стороны, уже тогда я (и не только я) замечал их вульгарность и даже нелепость. В них марксистские идеи доводились до вульгарной абсурдности и давали повод для насмешки и непочтительного отношения к святыням марксизма.

Наш учитель был очень доволен моим интересом к марксизму. Это от него я впервые узнал о существовании МИФЛИ. Он давал мне списки философских книг, изучавшихся студентами философского факультета, разъяснял (конечно, в меру своих познаний) непонятные места. По его совету я прочел самые легкодоступные книги в мар-

ксисте — «Диалектику природы» и «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса. У меня появился вкус к диалектике как к способу мышления, но не в упрощенном сталинском смысле, а в смысле, более близком к гегелевскому и марксовскому. В десятом классе я прочитал первые разделы «Капитала» Маркса. В моих разговорах я постоянно упражнялся в «диалектических фокусах», как шутили соученики. Учитель сказал как-то, что я — прирожденный диалектик, и посоветовал после окончания школы поступить на философский факультет МИФЛИ. Я об этом тоже начал подумывать, но твердого решения у меня еще не было.

Самый главный итог моего первого знакомства с марксизмом заключался в том, что я преодолел священный ужас перед высотами марксизма, сковывавший других. Я увидел, что марксистские тексты ничуть не труднее тех философских произведений, которые мне уже довелось читать, и что в них обнаруживались довольно простые идеи. А главное, я почувствовал в себе способность рассуждать диалектически о реальных проблемах. Такие категории диалектики, как «причины», «законы», «тенденции», «сущность», «явление», «содержание», «форма», «противоположности», «отрицание отрицания» и т.д. вошли в аппарат моего мышления как элементы определенного подхода к проблемам реальности.

* * *

Проблемы коммунизма встали перед моим поколением совсем иначе, чем перед мечтателями, идеологами и революционерами прошлого. И даже совсем иначе, чем перед теми, кто практически участвовал в революции, в защите нового строя от попыток контрреволюции и интервентов уничтожить его и в первых опытах построения этого строя на практике. Особенность нашего положения состояла в том, что мы родились уже после революции и

Гражданской войны. Стали сознательными существами, когда основы нового общества уже были заложены, самая черновая работа была выполнена. Мы явились в мир, в котором коммунистический социальный строй уже стал реальностью. Вместе с тем еще очень свежими были воспоминания о дореволюционном времени, о революции и обо всем том, что происходило непосредственно после нее. Мы встречались и разговаривали с живыми участниками недавнего героического прошлого. У нас в школе, например, побывали легендарная Анка-пулеметчица из Чапаевской дивизии, писатели А. Фадеев и А. Гайдар, герой Гражданской войны комкор Ока Городовиков и другие. Тогда такие встречи проходили повсюду и часто. Участники недавних реальных и легендарных событий вовлекали нас в их прошлую жизнь настолько настойчиво и эффективно, что их жизнь становилась и частью нашей жизни. Мы духовно жили не столько в настоящем, сколько именно в этом прошлом. Мы об этом прошлом получали сведений (информации и дезинформации) больше, чем наши предшественники, активно действовавшие в нем. Осмысление революции и ее итогов достигло масштабов массового осмысления именно к тому времени, когда мы стали способными воспринимать продукты этого осмысления. Лишь к этому времени все средства культуры и пропаганды достигли мощи хорошо организованного аппарата воспитания нового человека. И мы стали объектом беспрецедентного в прошлом действия этой идеологической силы. Не знаю, как на самом деле переживали происходившие события люди в прошедшие годы, в том числе такие, как Фадеев, Маяковский, Гайдар, Островский, Фурманов, Шолохов, Серафимович, Багрицкий и многие другие. Но их литературные герои создавались на наших глазах. Создавались для нас, а не просто как документальные воспоминания о прошлом.

Но осмысление революции и ее первых исторических итогов происходило не как некое академически-беспристрастное познание явлений природы. Это был живой процесс жизни, полный драматизма, конфликтов, жестокостей, насилия, обмана. К началу тридцатых годов было в основном завершено уничтожение или, по крайней мере, нейтрализация фактических деятелей революции и Гражданской войны. Реальное коммунистическое общество стало складываться совсем не таким и не так, как о том мечтали в прошлом. Происходил грандиозный процесс не просто осмысления прошлого, но процесс создания идеологической картины прошлого, которая служила бы интересам настоящего. Прошлое входило в нашу жизнь не только в его романтическом виде, но в идеологически переработанном виде, входило как грандиозная ложь, впитавшая в себя соки правды. Существенно здесь не только то, что прошлое фальсифицировалось и реальность приукрашивалась, но также и то, что фальсифицировалось прошлое определенного рода и реальное прошлое, а приукрашивалась все-таки реальность коммунизма, вышедшая за рамки сказок и мечтаний. Не ведая об этом и не желая этого, наши воспитатели привлекали наше внимание к проблемам коммунизма в самом опасном и неприятном для идеологии власти смысле, а именно в смысле постановки общей и принципиальной проблемы сущности реального коммунистического социального строя, как такового, и его реальных перспектив. Как следствие встала проблема отношения к идеологии коммунизма.

Эти проблемы возникали еще произвольно и неосознанно. Более того, даже для самых скептически и критически настроенных из нас эти проблемы выступали сначала не в форме отрицания идеалов и практики коммунизма, а в форме защиты хороших идеалов и хорошей практики от

ошибок, искажений и уклонений. Отрицание идеалов и дел коммунизма в тех условиях отбросило бы нас назад, в ряды контрреволюционеров и антикоммунистов. Для нас и речи быть не могло о движении назад и о создании в стране капиталистических порядков. Мы родились в коммунистическом обществе. Нас воспитали в духе коммунистической идеологии. Для нас возникала проблема будущего в рамках коммунизма и будущего самого коммунизма.

Оказавшись на Западе, я вел бесчисленные разговоры с моими читателями и слушателями на эти темы. Для западных людей, как я убедился, такой поворот сознания и проблем вообще остается совершенно непонятым. Они мыслят по принципу «либо то, либо другое», т.е. либо коммунистическая система, либо западная «демократия». Они не жили в условиях реального коммунизма как исторически данного факта, причем в его юношеском состоянии. Если же исходить из коммунизма как данности, то критическое отношение к ней не обязательно предполагает сравнение с Западом. Отрицание этой данности не обязательно означает желание заменить ее западной социальной системой. Это новое явление, специфический продукт уже коммунистической жизни. Чтобы понять эти явления хотя бы в первом приближении, надо принять допущение, будто коммунизм победил во всем мире, и вообразить себе людей, отрицающих это общество, но не имеющих шансов и намерений вернуться в прошлое.

* * *

В старших классах школы мы много разговаривали и спорили на темы коммунизма в связи с тем, что нам преподавали в школе и что мы вычитывали из книг. Лишь немногие и в очень малой степени обращались к реальности как к материалу для критических суждений. Но реальность

все-таки вторгалась в наши мысли, слова и чувства. Я вспоминаю два больших диспута в школе, специально посвященные теме социализма и полного коммунизма. Один диспут был в классе, другой — в масштабах всей школы. На школьный диспут отобрали учеников, хорошо проявивших себя на уровне классных диспутов. Это было чистой показухой. Но классный диспут вышел из-под контроля преподавателей. Спор начался из-за того, как понимать принцип полного коммунизма «каждому по потребностям». Любые ли потребности имеются в виду или только некоторые, допустим, самые минимальные? Как определяются эти потребности, кто их устанавливает и как контролируется их удовлетворение? Такие вопросы поставил я, считавшийся лучшим учеником именно в этой дисциплине. Началась беспорядочная перепалка. Как ученики, так и преподаватели запутали ясные вопросы в чисто идеологическое словоблудие. Меня на школьный диспут не допустили.

Герои моих литературных произведений довольно часто разговаривают на темы о коммунистическом обществе и о коммунистической идеологии. Эти места моих книг производят впечатление юмора, сатиры и нарочитого гротеска. Отчасти это действительно так. Но лишь отчасти. В основном же это есть описание реальных разговоров, которые велись тогда и позднее в наших кругах. Они не имели целью насмешку над предметом дискуссий. Но сам предмет был таков, что насмешка получалась неизбежно.

ПРЕДВОЕННЫЙ ПРИЗЫВ

Среднюю школу я окончил в 1939 году с «золотым» аттестатом. В стране началась явная подготовка к войне с Германией. То, что война скоро начнется и что это будет вой-

на именно с Германией, в этом были уверены все. Мальчиков, окончивших школу, которым было уже восемнадцать лет и которые были здоровы, сразу же призывали в армию. По всей вероятности, решение властей было суровым, и мало кому удавалось уклониться от призыва. Кроме того, патриотические настроения среди молодежи были очень сильными, и многие из тех, кто мог уклониться, не использовали свои возможности. Наиболее разумные ребята заранее подали заявление в военные учебные заведения, а также в школы органов государственной безопасности («органов»). Некоторым из них повезло — один со временем (уже после войны) стал генералом, другой полковником, третий — комендантом лагеря строгого режима. Но большинство погибло на фронте.

Провожали призванных в армию очень торжественно. Каждому подарили чемодан и мелкие вещички вроде записных книжек, конвертов и бумаги для писем, кружек и ложек. Произносились речи. На проводах присутствовали участники Гражданской войны, офицеры из Московского гарнизона, отличившиеся пограничники. Вскоре от призванных пришли письма. Все оказались либо на Дальнем Востоке (опасность нападения Японии), либо на западной границе (опасность со стороны Германии)...

Для меня признанные возрастные категории (детство, отрочество, юность, зрелость) имели лишь формальный временной смысл. Мне пришлось начать образ жизни взрослых уже в детстве, участвуя в их труде отнюдь не в качестве ребенка. Уже в одиннадцать лет мне пришлось думать о том, как раздобыть еду и одежду. С шестнадцати лет я оказался в таком отношении с обществом, какое мыслимо лишь в зрелом возрасте, да и то в порядке исключения. В семнадцать лет я стал государственным преступником, разыскиваемым по всей стране могучими карательными

органами. Так что если рассматривать жизнь человека по существу, т.е. с социологической, психологической, педагогической и идеологической точек зрения, то я могу констатировать следующее: у меня не было беззаботного детства, не было переломного отроческого возраста, не было романтически чистой юности. Был какой-то возрастной хаос, отразивший в себе хаос исторической эпохи. И ту жизнь, которая началась у меня 29 октября 1940 года, я никак не могу отнести к категории зрелости. С восемнадцати до двадцати четырех лет я был в армии и не заботился о еде, одежде, ночлеге. Были, разумеется, какие-то тревоги и заботы, я о них расскажу. Но они не были специфически возрастными. В двадцать два года я женился. Но даже это не было действием взрослого человека. Ему нет объяснения в рамках возрастных норм. В 1946—1954 годы я был студентом и аспирантом университета. И даже эти годы, по одним критериям попадая в возраст зрелости, по другим могут быть отнесены к возрасту юности. И потом вплоть до сорока лет я считался молодым человеком.

В 1948—1976 годы мне пришлось работать учителем в школах и профессором в высших учебных заведениях, пришлось растить собственных детей. Передо мною в изобилии был материал для наблюдений за эволюцией людей в нормальных советских условиях. Должен сказать, что, по крайней мере, для значительной части советских людей возрастной хаос стал обычным явлением. В послевоенные годы отпала необходимость для детей разделять образ жизни взрослых. Зато ускорился процесс интеллектуального, психологического и физиологического созревания. Тот возраст, начиная с которого молодые люди осознают себя взрослыми, с одной стороны, стал начинаться раньше, а с другой стороны, отодвинулся для многих далеко за двадцать лет. Значительно раньше люди стали на-

чинать сексуальную жизнь, причем независимо от семейных отношений. Рано стали получать образование, какого раньше не получали и в зрелом возрасте. Вместе с тем люди значительно позже стали начинать самостоятельную жизнь, независимую от родителей. В стране имеются сотни тысяч молодых людей в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти лет, чувствующих себя юношами и поступающих порою даже по-детски. А в некоторых отношениях состояние детскости вообще становится характерным для всего населения коммунистической страны. Аппарат власти, идеологии, пропаганды обращается с людьми до самой их смерти как с материалом для воспитания и просвещения. Положение индивида в коллективе точно так же превращает его в объект воспитательных мероприятий. Миллионы людей всю жизнь чему-то учатся и постоянно выслушивают поучения вышестоящих. Руководители общества вообще претендуют на роль отцов и наставников подвластных детей-сограждан.

Таким образом, написав, что 29 октября 1940 года закончилась моя юность, я не могу сказать, какой возрастной период у меня начался. Да и закончившийся период я с некоторой натяжкой могу назвать юностью.

АРМИЯ

Модель общества

Если бы я имел изначальной целью жизни достижение успехов в науке или искусстве, я счел бы годы, проведенные в армии, потерянными. Но я такой цели не имел. Я имел причины и мотивы для моего поведения. Но они были такими, что исключали ясность цели. Вернее говоря, цель появилась, но по самой своей сущности она была неопределенной и неясной. Я вынуждался на конфликт со своим обществом и на индивидуальный бунт.

У меня появилось желание понять свое общество. Но оно не было желанием ученого, не было чисто академическим. Оно было элементом моего конфликта и бунта. Мой антисталинизм носил весьма символический и бунтарский характер. Я не рассчитывал не то что на какой-то успех в творческой деятельности, но даже на то, чтобы выжить. Я просто жил, как меня вынуждали к тому обстоятельства. Я наблюдал жизнь и размышлял просто потому, что был рожден для этого, но отнюдь не в интересах будущих книг. Лишь постфактум, лишь оглядываясь назад, я могу сказать, что годы армии и войны не пропали для меня даром. Они стали для меня фактически школой (если еще не университетом) будущей философской, социологической и литературной деятельности.

Всякая армия отражает в себе основные свойства своего общества. Не была на этот счет исключением и Советская армия. Но тут имело место одно существенное отли-

чие отношения армии и общества, связанное с тем, что общество является коммунистическим. Самым фундаментальным (базисным) социальным отношением этого общества является отношение начальствования и подчинения, имеющее много общего с армейским отношением начальников и подчиненных. Так что любая армия вообще, а Советская армия в особенности, может служить моделью коммунистических социальных отношении. Прослужив в армии много лет, я чисто опытным путем досконально изучил все аспекты армейской жизни. Впоследствии это облегчило мне изучение специфически коммунистических отношений советского общества и обобщение результатов моих наблюдений. Думаю, что ту же роль для меня мог бы сыграть исправительно-трудовой лагерь, если бы я попал туда и выжил.

Меня всегда поражало то, как же хорошо образованные люди, наблюдавшие грандиозные социальные явления и располагавшие огромным фактическим материалом, ухитрялись делать на этой основе мелкие, поверхностные или заумно-бессмысленные выводы. Я самими обстоятельствами моей жизни и моими взаимоотношениями с моим окружением вынуждался на нечто противоположное этому: на большие и бескомпромиссно четкие обобщения, основанные на наблюдении сравнительно небольшого числа «мелких» явлений. Со временем я открыл для себя, что с социологической точки зрения именно эти «мелкие» пустяки являются грандиозными основами исторического процесса, а внешние грандиозные явления суть лишь его поверхностная пена. Положения диалектики об отношении сущности и явления, содержания и формы тут, как нигде, оказались кстати.

На мою долю выпали также годы войны. Всякая война так или иначе проявляет существенные свойства обще-

ства, ведущего войну. Не является на этот счет исключени-ем и война 1941—1945 годов с Германией. Но опять-таки тут есть одно обстоятельство, сделавшее эту войну поразительно точной моделью поведения советского общества в трудных ситуациях. Коммунистический социальный строй в России сложился в условиях развала Российской империи и краха царизма — в условиях исторической катастрофы. И сложился он как средство выжить в условиях этой катастрофы. В войну с Германией 1941—1945 годов коммунистический социальный строй обнаружил свою удивительную способность выживать и укрепляться именно в тяжелых условиях. Для этого строя, как такового, более благоприятными оказались не условия благополучия, а именно условия преодоления трудностей, близких к состоянию катастрофы. Так что война 1941—1945 годов с социологической точки зрения может служить общей моделью поведения коммунистического общества в исторически трудных условиях. Она обнаружила все достоинства и все недостатки этого типа общества с точки зрения исторического выживания. Мне довелось наблюдать эту модель во всех ее основных аспектах и во все важнейшие ее периоды.

Армия есть организация большого числа людей в единое целое. Но армия ничего не производит. Она лишь потребляет произведенное другими. Она не производит не только материальные ценности, но и культуру и идеологию. Армия сама не воспроизводит человеческий материал. Короче говоря, армия может служить моделью коммунистических отношений лишь в самой абстрактной и упрощенной форме. Но дело в том, что советская армия не была изолирована от остального общества, а во время войны страна вообще превратилась в военный лагерь. Это сделало армию чрезвычайно удобным местом для наблюдения общества в целом.

АРМЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ

С первых же минут новой жизни обнаружилось, что принципы реальной коллективной жизни (впоследствии я их назвал принципами коммунального поведения или коммунальности), которые людям прививаются самим образом жизни, имеют гораздо большую силу, чем принципы идеального коллективизма, которые нам старались привить на словах. Как только появилось начальство и нас стали разбивать на группы, сразу же заявили о себе претенденты на роль начальничков из нашей же среды. Они вертелись на глазах у начальства эшелона, всячески давая им понять, что они суть именно те выдающиеся индивиды, которых следует назначить старшими групп. И удивительное дело, начальство сразу же заметило это, и именно эти рвущиеся к власти (пусть самой маленькой) прохвосты были назначены старшими по вагонам. Они немедленно обросли холуями, всячески угождавшими им и тоже претендовавшими на какую-то мизерную долю власти и привилегий, связанных с властью. Думаю, что наблюдение таких сцен спонтанного социального структурирования множества людей, вынужденных длительное время жить вместе, дало мне неизмеримо больше для понимания реального коммунистического общества, чем многие сотни томов специальной литературы, прочитанных мною в университетские и последующие годы.

Я наблюдал такие сцены вовсе не как беспристрастный социолог, а как человек, уже начавший делать самого себя по определенным идеальным образцам. Я и в школе никогда не лез на глаза учителям, не подлизывался к ним, не тянул руку, чтобы показать, что я что-то знаю лучше других. Этому правилу я следовал не из стеснительности, нерешительности,

тельности, скромности и прочих качеств, занижающих социальную активность человека, а из презрения к мелкой житейской суете. Я просто знал, что потери от моего такого поведения не вели к катастрофе, а выгоды от противоположного поведения не возвышали меня над толпой. Этому правилу я решил следовать и в армии. Только теперь это принимало более серьезный характер. Школа считалась лишь подготовкой к жизни, а тут была сама жизнь. Вознаграждением за поведение здесь были не отметки в дневнике и в аттестате, а нечто более серьезное: кусочки жизненных благ и преимущества перед другими. Тут происходило разделение людей на социальные категории. Пусть это происходило на самом примитивном уровне, но суть этого была та же самая, что и на всех более высоких ступенях социальной иерархии. С этой точки зрения один член Политбюро ЦК КПСС, отпихивавший другого члена Политбюро, чтобы стать Генеральным секретарем, мало чем отличается от солдата Иванова, оттолкнувшего солдата Петрова, чтобы стать старшим по вагону.

В первый же час новой жизни у меня произошло столкновение со старшим по вагону. Увидев, что я не принимал участия в сражении за лучшие места на деревянных нарах, он решил, что я являюсь тьюфяком, т.е. самым податливым материалом для проявления его начальнических амбиций, — ошибка, которую в отношении меня потом делали многие другие. Он начал вести себя по отношению ко мне так, как будто он был всамделишным армейским старшиной: потребовал, чтобы я встал перед ним по стойке «мирно!» и все такое прочее. Я сказал ему, что в командиры его я не выбирал, что присягу я еще не принимал, что он превышает свои полномочия. Он начал кричать на меня и угрожать отправить в арестантский вагон (как оказалось, такой на самом деле был в эшелоне). Я схватил полено, лежавшее

у печки, и сказал этому самозваному «командиру», что, если он еще раз крикнет на меня, я ударю его поленом по голове, что я вообще никому не позволю унижать себя, даже самому Сталину. Ребята одобрили мое поведение. Парень испугался. После этого он умерил свои командирские замашки. А передо мною даже стал заискивать — стремление командовать обычно прекрасно уживается с холуйством.

Такого рода «бешеные» вспышки со мной случались и в дальнейшем несколько раз. Один случай был особенно скверным. Я был дежурным по столовой полка (уже будучи офицером). Поздно вечером, когда уже все было съедено, в столовую заявился основательно подвыпивший капитан, начальник Особого отдела полка (т.е. представитель органов безопасности в полку), и потребовал, чтобы его покормили. Согласно армейским порядкам в таких случаях заранее должно быть заявлено, чтобы «оставили расход», т.е. чтобы оставили в запасе пищу для тех, кто не может прийти в столовую в положенное время. В данном случае это сделано не было. Но пьяный офицер «органов» не хотел слушать моих объяснений и оскорбил меня. Я вспыхнул, выхватил пистолет, сказал ему, что считаю до пяти и, если он не уберется из столовой, я его пристрелю. Он тут же убежал. На другой день он, надо отдать ему должное, извинился передо мной, спросил, выстрелил бы я, если бы он не ушел, и сам же ответил на свой вопрос, что да, я выстрелил бы. Мы договорились, что эта история останется между нами.

* * *

О моем заявлении насчет Сталина в ссоре со старшим по вагону кто-то донес начальству эшелона. Меня вызвали к заместителю начальника эшелона по политической части. Я решил не лезть на рожон и сказал политруку, что доносчик исказил мои слова, что я якобы сказал нечто совсем

иное, а именно что даже сам товарищ Сталин так не разговаривает с подчиненными, как старший по вагону разговаривал со мной. Политрук мои слова одобрил, но по прибытии в полк все же посоветовал начальнику Особого отдела полка взять меня на заметку. Тот припомнил мне эту историю в эшелоне, когда беседовал со мной по поводу ЧП (чрезвычайного происшествия), случившегося уже в полку.

Первые двое суток мы питались тем, что взяли с собой. Мы сразу разделились на «богачей» и «бедняков».

«Богачи» запускали руки в чуть приоткрытые чемоданы, что-то там отламывали или отщипывали вслепую и жевали, закрываясь от соседей. «Бедняки» ели в открытую и делились друг с другом. На третий день нам выдали ведро и концентраты каши. Старший по вагону назначил поваром одного из своих холуев. Другой холуй старшего по вагону стал делить хлеб. Начались привилегии и блат. Я подходил за своей порцией каши и хлеба последним. Я возвел это в принцип поведения. Всегда, когда дело касалось распределения каких-то материальных благ, я из принципа оставался последним. Я при этом имел какой-то ущерб, но зато выигрывал морально и психологически. В условиях дефицита распределение благ всегда является источником переживаний. Я выработал в себе привычку быть к этому равнодушным и беречь себя для дел более важных. А начал я это самовоспитание с пустяков. Впрочем, в условиях недоедания лишние граммы хлеба не пустяк.

Иногда нас водили кормиться в специальные кормежные пункты. Если эшелон останавливался на каких-то станциях, мы воровали на дрова все, что попадалось под руку. Тех дров, какие нам выдавали по нормам, было мало. Мы основательно мерзли.

И еды было мало. Ребята на остановках совершали налеты на базары и станционные буфеты. У кого были деньги,

покупали что-нибудь съестное. У кого не было денег, воровали. Через несколько дней начались поносы, так что эшелон приходилось останавливать специально из-за этого. Но остановки были не такими уж частыми, и нам приходилось справлять нужду на ходу поезда, что в товарных вагонах было не так-то просто. Один парень во время такой операции выпал из вагона. Произошло это так. Его держали двое, когда он делал свое дело. Кто-то посоветовал для надежности держать его за уши. Державшие рассмеялись и уронили его. Падая, несчастный сам еще продолжал смеяться. На другой день старший по вагону доложил начальнику эшелона, что один человек в его вагоне исчез, возможно дезертировал.

Ехали мы таким образом двадцать трое суток. И чем дальше мы отдалялись от Москвы, тем тоскливее становилось. Никакого внимания на красоты Сибири мы не обращали — было не до них. И даже к Байкалу мы остались равнодушны. Было холодно и хотелось есть. И не было никаких намеков на братские отношения между людьми. Я сочинял длинные письма в стихах моему другу Борису. Эти письма он сохранил. Я их уничтожил в 1946 году. Сейчас я об этом нисколько не жалею, но не потому, что стихи были плохими — стихи были как раз слишком даже хорошими, — а потому, что для успехов в поэзии, в чем я убедился в течение многолетних наблюдений, в наше время нужен не столько поэтический дар, сколько другие качества, не имеющие ничего общего с творчеством как таковым. Мир оказался хуже, чем я предполагал.

* * *

Уже во время этого долгого пути в армию я обнаружил способность к балагурству, шуткам, мрачному юмору. В армии таких людей называют хохмачами (от слова «хохма», обозначающего всякие шуточные словесные импровиза-

ции). Я подружился с двумя другими парнями, тоже склонными к хохмам. Мы втроем потешали наш вагон всю дорогу. Я эту способность проявлял и раньше, но не в таких размерах. Эта способность обнаруживается и проявляется в сравнительно больших компаниях, т.е. когда довольно большое число людей вынуждено длительное время проводить вместе. В армии это получалось само собой. Особенность моего шутовства состояла в том, что я шутил с очень серьезным видом, без смеха и даже без улыбок, причем с использованием научной и политической терминологии. Иногда это принимало рискованные формы. Расскажу в качестве примера об одной шутовской ситуации. Было очень холодно. Мы основательно мерзли и прибегали ко всяческим уловкам, чтобы согреться. Один сообразительный парень взял себе сапоги на два размера больше, чтобы оборачивать ноги газетами помимо законных портянок.

Но откуда взять газеты в приморской тайге, если их не продавали даже на железнодорожной станции в десяти километрах от расположения полка? Очевидно, в красном уголке, т.е. в помещении, где политрук хранил газеты и политическую литературу. И вот газеты из красного уголка стали исчезать. В конце концов этого солдата схватили на месте преступления. Преступника решили подвергнуть осуждению на комсомольском собрании. Я не был комсомольцем, но политрук решил восстановить меня в комсомоле, так как я был хорошим солдатом, и я был так или иначе обязан присутствовать на комсомольских собраниях вместе со всеми. Все осуждали провинившегося. Политрук приказал и мне высказать свое мнение. Я сказал, что этот солдат заслуживает снисхождения и даже поощрения. Согласно современной науке, интеллект человека находится не столько в голове, сколько в других частях тела, в особенности в заднице и в пятках. Оборачивая ноги газетами, провинившийся тем самым повышал свой идейно-полити-

ческий уровень. Ведь и мы все в нужнике используем газеты не столько в гигиенических, сколько в воспитательных целях. Сейчас на бумаге эта речь звучит не смешно, а в условиях кавалерийского полка, где интеллигентные люди деградировали до уровня своих лошадей, такая речь произвела ошеломляющее впечатление. Меня сначала хотели наказать за то, что «превратил серьезное мероприятие в балаган». Но слух дошел до высшего дивизионного начальства и вызвал там смех. Меня пощадили. А в полку еще долго потешались над этой историей.

Юмористически-сатирическое отношение к жизненным ситуациям, к окружающим людям и вообще ко всему на свете я распространил на самого себя и на все, что случилось со мною. Это облегчило жизнь, усилило мою способность выживать и не падать духом в самые скверные моменты жизни. Но такое отношение к жизни у меня не было постоянным и исчерпывающим. Периоды сатирически-юмористические сменялись трагически-драматическими, периоды возбуждения — периодами апатии, периоды поэтические — периодами прозаическими, периоды бесшабашности — периодами разумного расчета... И даже в одно и то же время странным образом сочетались грусть и веселость, отчаяние и уверенность, ощущение слабости и силы... Не берусь судить, является это общечеловеческой нормой или нет. Скорее всего, каждому нормальному человеку свойственны разнообразие и подвижность состояний и настроений. Только у меня различные аспекты состояния психики и ее различные периоды выражались очень резко и сильно, превращая мою жизнь в нескончаемую дискуссию и борьбу с самим собой. Я сам себе напоминал тогда того исходящего поносом и хохочущего от комизма ситуации парня, падающего под колеса поезда в пяти тысячах километров от дома.

Мне потом не раз приходилось встречать молодых русских людей, защищавшихся от кошмаров жизни насмешкой и бесшабашностью. Похоже на то, что такое отношение к жизни есть лишь форма проявления отчаяния.

* * *

Была еще одна причина, почему я ухватился за армию как за выход из моего, казалось бы, безвыходного положения: это то, как армия изображалась в книгах, фильмах, пропаганде и рассказах тех, кто уже отслужил свой срок. Сравнительно с тем образом жизни, какой имело подавляющее большинство молодых людей допризывного возраста, служба в армии была на самом деле благом. Сравнительно сытная еда и хорошая одежда, гигиена, спорт, обучение грамоте, политическое просвещение, воспитание, обучение профессиям шоферов, трактористов, механиков — все это имело следствием то, что армия пользовалась в народе уважением и любовью. Многие парни, отслужив положенный срок, оставались на сверхсрочную службу, становились младшими командирами (сержантами и старшинами), выслуживались в средние командиры (лейтенанты), поступали в военные училища. Значительная часть отслуживших срок не возвращалась в свои деревни, оседала где-то в других местах, в основном в городах, на новых стройках. Армия играла огромную роль в осуществлении грандиозной социальной, идеологической и культурной революции в стране.

Разумеется, пропаганда сильно идеализировала службу в армии. Я никогда не верил в пропагандистские сказки о колхозах. Успел разочароваться в пропагандистских сказках насчет заводского рая. Но идеализированный образ армии остался нетронутым. Уходя в армию, я надеялся на то, что начну новый образ жизни, который позволит мне укрепиться физически и восстановить душевное рав-

новесие. Мои ожидания оправдались, но лишь отчасти. Я не ушел от всех тех проблем, какие мучили меня до этого. К старым проблемам присоединились многие новые.

Я попал в армию, может быть, в самый худший момент и, может быть, в самые тяжелые условия. Страна готовилась к войне с Германией. Все прекрасно понимали, что пакт о взаимном ненападении, подписанный с Германией в 1939 году, был лишь отсрочкой начала войны. Военные столкновения с Японией и Финляндией показали, что Советская армия не готова к большой войне. В высшем руководстве, надо полагать, решили усилить подготовку армии к войне. Но исполнили это на советский лад. Начались перетасовки в командном составе, аресты, расстрелы. Для солдат ухудшили питание и одежду, утяжелили службу. Во главе армии поставили кавалериста Тимошенко. В армию призвали молодых людей со средним и даже высшим образованием, но направили их не в подразделение с современной техникой, а главным образом в кавалерию и пехоту. Лишь перед самым началом войны и уже в начале войны образованных ребят стали направлять в артиллерию, танковые войска и авиацию. В кавалерийских частях были целые эскадроны и дивизионы солдат со средним и высшим образованием. Когда я накануне войны попал в танковый полк, я оказался единственным в полку военнослужащим со средним образованием.

В кавалерийском полку, с которого я начал военную службу, вооружение и обучение было такое же, как в кавалерийских частях в Гражданскую войну. К нам в полк поступило новое автоматическое оружие. Но оно было законсервировано в складах. Мы с ним не умели обращаться. Уже в армии нам показали фильм о будущей войне, в котором, с одной стороны, предвосхищалась роль телевидения, а с другой, сохранялось устаревшее представление о главной роли кавалерии. Тимошенко вспомнил лозунг Суворова «Тяжело в учении, легко в бою». И нас нача-

ли так мучить бессмысленными учениями, что мне даже моя кошмарная прошлая жизнь стала казаться раем. Когда в 1962 году появилась повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», она не произвела на меня никакого впечатления, так как первые месяцы моей службы в кавалерии были гораздо более тяжелыми, чем описанная Солженицыным жизнь заключенных.

Я не хочу этим сказать, будто нас специально мучили и унижали. Ни в коем случае! Были, конечно, отдельные командиры, которым доставляло удовольствие мучить и унижать подчиненных. Но они были исключением. И они старались скрывать эти свои качества. В массе же своей командование от мала до велика руководствовалось самыми благородными принципами. Система мучения и унижения возникала вопреки воле и желаниям людей из самой организации армии и условий службы. Я не могу сказать ни одного плохого слова в адрес даже самых свирепых начальников лично. Но одно дело — личные качества и желания начальников, и другое дело — результат совокупной деятельности всей системы начальников и подчиненных, причем как части общества коммунистического типа. Наблюдение этого явления на материале армии способствовало тому, что я этот подход перенес на общество в целом. К концу армейской службы главным объектом моей критики стал не лично Сталин, а сталинизм как явление социальное. Тогда я его воспринимал еще как сущность коммунизма вообще, а не как исторический период.

В КАВАЛЕРИЙСКОМ ПОЛКУ

Хотя был конец октября, все призывники явились на сборный пункт одетыми совсем не по-зимнему. В те годы для большинства молодых людей не было особой разницы

в сезонной одежде. Пока мы тащились двадцать трое суток через всю страну в Приморский край, на Дальнем Востоке начались сильные морозы. Нас выгрузили на маленьком полустанке. Часа два мы топтались на платформе, дрожа от холода. Наконец прибыли представители от полков. Сто тридцать человек со средним и высшим образованием распределили в кавалерийский полк. Из нас там решили создать особый эскадрон с расчетом на то, что в течение двух лет из нас подготовят младших лейтенантов запаса.

В полк мы шли пешком, строем. Ведшие нас старшина и несколько сержантов пытались заставить нас петь строевые песни, но у нас получилось что-то очень жалкое, и старшина приказал нам «заткнуть глотки». Должен заметить, что на нас сразу же обрушился такой поток мата и скабрёзностей, какого я не слыхал даже в самых отпетых компаниях во время моих прошлых странствий. По дороге многие поморозили ноги, руки, носы, щеки. На время карантина (на две недели) нас поместили в здании клуба. Спали мы на соломе, одетые. На улице мы появлялись только для того, чтобы сбегать в нужник. Ночью мы справляли нужду рядом с клубом, что вызывало гнев у старшин и сержантов. Еду нам приносили в ведрах прямо в клуб. Питались мы из котелков, потом вылизывали их языком и чистили снегом. Кормили лучше, чем в эшелоне, и мы были счастливы хотя бы этим. Каждый день с нами проводили политические занятия. Проводили их политрук, не произносивший ни одной фразы без нескольких грамматических ошибок, и его помощник (замполит — до войны был такой чин), делавший ошибок меньше, чем политрук, но достаточно много, чтобы мы точно установили уровень его образования: семь классов деревенской школы.

Наконец нам выдали военное обмундирование. Поскольку из нас формировали особый учебный эскадрон,

нам выдали все новое. Но, несмотря на это, вид у нас был довольно жалкий. Согнутые и деформированные холодом фигуры, синие лица, выступающие скулы, горящие от голода глаза. И никаких следов интеллигентности не осталось. Построивший нас старшина Неупокоев (его фамилию не забуду до конца жизни, как и фамилию командира отделения младшего сержанта Маюшкина) при виде такого зрелища изобразил космическое презрение на своей красной от мороза и от важности рожке и обозвал нас самым непристойным в его представлении словом «академики». Через неделю молодость и армейский режим взяли свое. Мы отошли, повеселели. Стали походить на бойцов Красной Армии. Но это были уже не те бойцы, к каким привыкли командиры. Это были именно «академики».

Командный состав полка, включая командира, его заместителя по политической части (политрука), начальника штаба и начальника Особого отдела, был на сто процентов малограмотным. В полку был всего один лейтенант, окончивший нормальное военное училище. Остальные все выслужились из рядовых, из сверхсрочников, окончивших какие-либо краткосрочные курсы. Удивительно не то, что армия с таким командным составом оказалась плохо подготовленной к боям, а то, что такие люди еще как-то ухитрились держать армию на довольно высоком уровне.

* * *

Полковое начальство надеялось, что наш учебный эскадрон, сплошь состоящий из ребят со средним и высшим образованием, станет образцовым во всех отношениях. Но оно совершило грубую ошибку. Эскадрон превратился в неслыханное доселе в армии сборище сачков. Сачковать — значит уклоняться от боевой и политической учебы, работы или наряда, причем успешно. Сачок — тот, кто регуляр-

но сачкует. Сачки существовали и существуют во всех армиях мира. Существовали они в нашей Красной Армии и до этого. Существовали в умеренных количествах, достаточных для армейского юмора и не нарушающих нормального течения армейской жизни. Но такого количества сачков и таких изощренных методов сачкования, какие обнаружили «академики», история человечества еще не знала. Малограмотное полковое начальство, привыкшее иметь дело с примитивными сачками, пришло в состояние полной растерянности. Сверхопытный старшина эскадрона порою не мог наскрести пятнадцать человек для очередного наряда из сотни с лишним рядовых.

Сачковали за счет художественной самодеятельности, отдельных поручений начальства, болезней, блата... «Академики» оказались все прирожденными плясунами, певцами, музыкантами, художниками, хотя на поверку лишь немногие из них умели мало-мальски терпимо орать старые народные песни, пиликать на баяне и рисовать кривые неровные буквы на лозунгах. Если кого-то из них политрук посылал за почтой, на что требовался от силы час, посыльный исчезал по крайней мере на четыре часа. Его находили где-нибудь спящим за печкой. К обеду он являлся сам. И конечно, раньше всех. Блат «академики» умели заводить так, что выдавшие виды старослужащие блатары только по-свистывали от зависти. Они помогали политрукам готовить доклады и политинформации. Давали адресочки в Москве едущим в отпуск командирам. Получали из дому посылки и подкупали сержантов и старшин пряниками и конфетками, а офицеров — копченой колбасой. В отношении болезней они развернули такую активность, что в санчасти пришлось удвоить число коек. Они ухитрились повышать себе температуру за сорок, терять голос, заводить понос неслыханной силы, натирать фантастические кровавые мозоли,

вызывать чирьи, воспаление аппендицита, грыжу, дрожь в конечностях, желтуху и болезни, которым никто не знал названия. Командир полка хватался за голову и кричал на весь штаб, что его отдадут под трибунал из-за этих симулянтов.

Вторая напасть, обрушившаяся на полк в связи с прибытием «академиков», была вечно голодные доходяги, штурмующие столовую, подьедающие объедки и тянущие все съедобное, что подвернется под руку. Пока командиры не запомнили лица молодых бойцов, в столовой каждый день обнаруживалась недостача нескольких десятков порций. Никакие наказания не могли отвадить доходяг от такого «шакальства». Они как тени бродили в районе столовой. Глаза их лихорадочно горели. Повара, рабочие по кухне, дежурные натыкались на них в самых неожиданных местах.

Условия службы были настолько тяжелыми, что даже я, с детства привыкший к жизненным невзгодам, не устоял. Сначала я решил во что бы то ни стало простудиться и попасть в санитарную часть (полковую больницу), чтобы несколько дней отлежаться и отоспаться. Я ночью выходил раздетым на улицу, снимал сапоги и босиком подолгу стоял на снегу. Но заболеть почему-то так и не смог. Потом я напился ледяной воды и потерял голос. В это время ребят с голосом и слухом отбирали в полковой хор. Их освобождали от нарядов. Мой приятель уговорил меня записаться в этот хор. Несколько дней, пока я хрипел, я посещал занятия хора. Мой приятель уверял руководителя хора, будто я буду петь, как Шаляпин, когда мое горло выздоровеет. Но, увы, когда голос ко мне вернулся, выяснилось, что до Шаляпина мне было далеко. И меня с позором выгнали из хора. С тех пор я больше не предпринимал никаких попыток сачковать.

Почти все время мы проводили на открытом воздухе. Даже политзанятия проводились на улице. Выматывались мы до полного изнеможения. Еды не хватало. Да и еда была скверная. Однажды нам дали совершенно несъедобный суп. Какую-то вонючую и грязную воду. Мы не стали его есть и вылили обратно в кастрюлю. По армейским законам это означало бунт. Но мы дошли до предела и не думали о последствиях. Едва успели мы это сделать, как перед столом вырос «особняк» — начальник Особого отдела полка. Мы встали. Он спросил, в чем дело. Все молча уставились на меня. Я объяснил, в чем дело. Он приказал снова разлить суп по мискам и есть, а мне приказал идти с ним. Мы пришли в его кабинет в штабе полка. Начался длинный разговор. Он напомнил мне о скандале в эшелоне. Сказал, что меня придется передать в военный трибунал. Потом он разделся до пояса, показал шрамы якобы от сабельных ударов басмачей и других врагов советского строя, которые он якобы получил, завоевывая новую счастливую жизнь для таких, как я. Я был почему-то совершенно спокоен. И впоследствии в самые скверные минуты жизни мною всегда овладевало удивительное спокойствие, даже умиротворение. Наконец, решив, что он меня доконал полностью, «особняк» несколько сбавил угрозы наказания. Он учел мое «пролетарское» происхождение и хорошее начало моей службы и предложил такое решение. Меня будут каждый день взвешивать. Если я через неделю похудею хотя бы на один грамм, мне удвоят порцию питания. А если я прибавлю в весе, то пойду под трибунал. Всю неделю я не ел почти ничего. И, несмотря на это, не похудел, а даже прибавил в весе. За это время «особняк» от своих осведомителей узнал, что зачинщиком бунта был

не я. Под суд меня не отдали. Но пять суток ареста я получил. Правда, условно: я должен был их отсидеть в случае какого-либо нового нарушения дисциплины. Но я, наоборот, получил подряд несколько благодарностей. И то наказание с меня сняли.

После этого я избрал для себя свою форму самозащиты и приспособления: я стал образцовым во всех отношениях солдатом. Я быстрее всех вскакивал и одевался по команде «Подъем!». Идеально заправлял койку. Быстро приобрел строевую выправку, хорошо занимался строевой, конной и политической подготовкой. Хорошо чистил коня. Не отлынивал ни от каких нарядов. И результаты сказались. Я стал регулярно получать благодарности. За полгода службы в этом полку я имел более пятидесяти благодарностей и даже пятидневный отпуск за успехи в конноспортивных соревнованиях. Это стало для меня принципом на всю жизнь — на любой работе, на любой должности и в любом месте быть добросовестным исполнителем рабочих или служебных обязанностей. Мне было легче жить именно благодаря тому, что я добровольно и с азартом бросался делать всякое дело, которое другие делали нехотя и по приказу. Дело все равно приходилось так или иначе делать. Например, вставать по подъему было легче, если ты делал это стремительно и энергично, чем если бы ты тянул время и медлил.

Одновременно я познал секреты солдатской службы, благодаря которым мог в самых суровых условиях распорядка и дисциплины устраивать себе маленькие праздники. Например, я научился спать на посту. На посту я спал всегда, спал даже у полкового знамени в штабе. Но спал так, что ни разу не попался. Однажды наш взвод дежурил на границе. Я был в «секрете». И спал, конечно. Но вовремя услышал чуть слышный шорох подползавшего проверяю-

щего и чуть не пристрелил его. За это мне объявили благодарность за бдительность на посту. После этого я написал шуточные стихи в духе стихов о Гавриле в книге И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Я их поместил в «боевом листке», который я сам и выпускал. Стихи были идиотские, но они понравились политруку, и их напечатали в дивизионной газете. За это я тоже получил благодарность. Я всегда вызывался добровольцем выполнять поручения, которые требовали индивидуальных усилий и которые не хотели выполнять другие. Например, надо было ночью нарубить лозу для занятий рубкой на другой день, поскольку должна была приехать комиссия из штаба корпуса, а лозы в эскадроне не оказалось. Это довольно тяжелая работа — ночью ехать на коне в сопки и, утопая по пояс в снегу, рубить шашкой лозовые прутья. Зато на другой день я мог не идти на занятия и до обеда отсыпаться. И кроме того, я получил усиленную порцию еды.

Единственная привилегия, которую я имел, было делание «боевых листков», как назывались армейские стенные газеты. Да и то эта привилегия была относительной: меня освобождали от занятий на час или на два, чтобы я успел сделать очередной БЛ. Иногда я делал их ночью, когда все спали. Я любил такие часы. Хотя я не спал, я в это время чувствовал себя свободным. БЛ укрепляли мою репутацию, и я это воспринимал как своего рода защиту. Я рисовал карикатуры и сочинял к ним сатирические стихи. Эти листки имели успех у начальства. Их возили показывать даже в штаб дивизии.

* * *

В армии мне было трудно лишь первые три месяца. Привычка жить плохо сыграла положительную роль. Я быстро приспособился к армейской жизни и стал бывалым солдатом. Что такое бывалый солдат? Поясню примером.

Однажды потребовались добровольцы для очистки переполненного солдатского нужника. Работа была унижительная и неприятная. Начальство пообещало за нее по несколько пачек махорки и на следующий день освобождение от службы (увольнительную). Мы с одним парнем вызвались на это. Над нами смеялись, но когда узнали, в чем дело, взвыли от зависти. А мы с этим парнем наняли за половину махорки пьяниц, околачивающихся около магазина на станции. И они нам вычистили нужник. На вторую половину вознаграждения мы на другой день доставили вина и закуски. На нас, конечно, донесли завистливые друзья. Нас хотели сначала наказать, но потом похвалили за находчивость.

Самым страшным начальником для рядовых солдат был старшина роты или эскадрона. Старшина нашего эскадрона был ревностный служака. Возможно, он руководствовался добрыми намерениями, но нам от этого было не легче. Тогда рассказывали такой анекдот о роли старшины. Высокий начальник решил своими глазами посмотреть, каково приходится солдатам. Пришел на конюшню и разговорился с дневальным. Минут через пять разговора дневальный сказал генералу, чтобы тот убирался, а то вдруг заявится старшина и им обоим (солдату и генералу) попадет от него. Этот анекдот был явно о нашем старшине Неупокоеве. Став бывальыми солдатами, мы решили «поставить его на место». Для этого мы не сговариваясь стали ночью мочиться в его койку. Он испугался, что заболел моченедержанием. Отбывавший службу резервиста в нашем полку московский врач начал лечить его гипнозом. Но лечение не помогало. Тогда старшина сообразил, в чем дело, и сократил свое усердие. Это помогло лучше, чем гипноз.

Бывалый солдат никогда не теряется. Чтобы как-то заполнить наше время, нас заставляли заниматься бессмыс-

ленной работой, например, долбить в мерзлой земле ямы якобы для землянок и затем эти ямы засыпать. Сначала мы добросовестно работали. Потом приспособились. Мы вместо работы спали, прижавшись друг к другу спинами и дрожа от холода. А когда появлялось начальство, мы вскакивали и делали вид, что засыпаем еще не вырытую яму. Чтобы согреться, мы устраивали игры. Самой популярной была такая. Кто-нибудь отбегал в сторону и кричал: «Рота моя, мочись на меня!» Все остальные кидались на этого солдата, стараясь помочиться на него. В толкучке мочились и друг на друга. Было весело, а главное — становилось теплее.

При всяком удобном случае бывалый солдат старается поспать и урвать что-нибудь поесть. При этом он не теряет и в случаях, когда можно что-нибудь стянуть. Расскажу об одном случае такого рода. У нас в полку проходили службу командиры-резервисты. Их кормили в клубе полка, причем на сцене. Кухонный наряд готовил им еду заранее. Однажды мы решили поживиться за их счет. Когда резервисты шли на обед, один из ребят нашего взвода подбежал к ним и сказал, что их вызывают в штаб. Резервисты двинулись к штабу, а мы за несколько минут съели все, что было приготовлено для них. «Особняк» потом долго пытался узнать, чьих рук было это дело. Любопытно, что на сей раз никто не донес, хотя среди нас было по крайней мере три-четыре осведомителя.

Как только мы оставались без надзора со стороны начальства, мы сбивались в кучу и начинали треп или травить баланду, — рассказывать смешные истории. Во время таких трепов мы импровизировали, выдавая выдумки за реальность. Но это не был обман. Все знали, что это выдумки. Но выдумка выглядит смешнее, если ей придать вид правдивой истории. Вот одна из таких историй. Чтобы сократить время на справление большой нужды, в Ми-

нистерстве обороны решили делать солдатские брюки с разрезом сзади. Решили проделать эксперимент. Московский генерал приказал роте солдат в новых экспериментальных брюках оправиться, не снимая брюк. Засек время. Через тридцать секунд рота готова была двигаться дальше. Но, заглянув за кусты, генерал не увидел кучек. Остановив роту, он потребовал объяснения. Старшина объяснил, что солдаты выполнили приказ. Но в Министерстве обороны забыли сделать для солдат кальсоны с разрезом сзади. Фантазируя в таком духе, мы надрывались от хохота.

* * *

Как один из лучших бойцов (так называли солдат) эскадрона я попал в число тех из нового призыва, кто был допущен до участия в больших учениях. На этот раз я пожалел о том, что был одним из лучших. Правда, эти учения дали мне материал для многих страниц моих книг. Но если бы мне тогда пришлось выбирать, пережить эти учения или не написать упомянутые страницы моих книг, я предпочел бы второе. Даже во время войны мне не довелось пережить такой кошмар, как во время этих пока еще мирных учений. Целую неделю мы спали на открытом воздухе. Мы ломали еловые ветки, устилали ими снег, разводили костер, укрывались тоже еловыми ветками и тряслись всю ночь от холода, тесно прижавшись друг к другу. Любопытно, что никто не простудился при этом. По ходу учений нам пришлось пересечь речку. Лед был слабый из-за быстрого течения. Я провалился в воду. Пока доехали до поселка, чтобы принять какие-то меры, на мне все заледенело. Когда я снял шинель, она так и осталась стоять с растопыренными рукавами. Было очень смешно. Потом по этому поводу потешалась вся дивизия. И опять-таки я не простудился и не заболел. Ели мы сухари, сырые концентраты каши

и копченую колбасу, закопченную до такой степени, что ее нельзя было разгрызть невооруженными зубами.

В «Зияющих высотах» есть места, посвященные кавалерии. В том числе есть описания учений. Это так и было на самом деле. Даже еще хуже и смешнее. И мы действительно много смеялись над своими злоключениями. Роль шутника, которую я начал исполнять уже в эшелоне, тут развернулась, можно сказать, во всю мощь. Послушать наше зубоскальство к нашему костру приходили даже командиры других подразделений. Я делал также «боевые листки», как я уже говорил выше, что несколько облегчило мои муки. Какой-то командир из штаба, посмотрев мой БЛ, спросил, не могу ли я рисовать карты и схемы. В школе черчение было одним из моих любимых предметов, и я сказал, что конечно умею. Тогда меня заставили рисовать всякие схемы в штабе полка. Теперь я значительную часть суток проводил в штабной палатке. И кормился лучше — супом из горохового концентрата, но с мясом.

Такое привилегированное положение не спасло меня, однако, от самой главной операции учений — от штурма укрепленного района «противника», расположенного в сопках. Я попал в подразделение, которому было приказано уничтожить дот (долговременную огневую точку) «противника». Дот был расположен на вершине довольно высокой сопки. Мы должны были действовать как в бою: делать броски, окапываться, ползти. Это-то нас и доконало. Мы выбились из сил. Один ефрейтор сошел с ума в буквальном, медицинском смысле слова: вообразил себя главнокомандующим, вскочил и начал подавать бессмысленные команды. Его куда-то увезли. Солдат, ползший рядом со мной, дошел до такого состояния, что стал умолять меня пристрелить его или заколоть штыком. Я тоже выбился из сил. Временами мне тоже хотелось остаться лежать

и умереть. Но все та же неведомая сила толкала меня вперед. Я слышал внутренние приказы: «Иди!», «Беги!», «Ползи!». И я шел, бежал и полз. Не могу объяснить, почему я тогда решил, что не облегчение, а затруднение задачи было выходом из положения. Я взял винтовку выбившегося из сил солдата, взвалил его на себя и в таком виде продолжал ползти на высоту к «вражескому» доту. Все это наблюдали ходившие повсюду офицеры, инспектировавшие ход учений. Они увидели то, что происходило со мной. Моего солдата сочли раненым, за ним приползли санитары. А я чудом дополз до дота вместе с сержантом из соседнего эскадрона. Мы бросили «гранаты». Дот был признан уничтоженным. Мне с сержантом объявили благодарность. Я был в невменяемом состоянии. Лишь через несколько часов я пришел в себя.

После учения, однако, произошло событие, которое глубоко затронуло меня. В приказе по дивизии благодарность объявили почему-то не мне, как это было сделано ранее «на поле сражения», а тому парню, который просил меня пристрелить его и которому я помог доползти до вершины сопки. Он был комсомолец и отличник политической подготовки. Я же выбыл из комсомола и был на учете в Особом отделе полка. Так я понял, что в советском обществе люди становятся героями не в силу их подлинных заслуг, а отбираются и назначаются на роль героев в соответствии с нормами коммунистической морали и идеологии.

* * *

Самым жестоким испытанием для меня в кавалерийском полку стал мой конь по имени Зарубежный. Это был конь монгольской породы, маленький, с очень длинной шерстью. Он обладал одной особенностью: никогда не ходил шагом, а вечно бежал мелкой трусцой. Меня при этом

трясло так, что все внутренности выворачивались наружу, галифе протирались до дыр и вылезали из сапог, обнажая коленки. Это был добрый по натуре конь, и мы привязались друг к другу, но изменить свой способ передвижения он не мог, как я ни пытался приучить его ходить нормально. Я ему благодарен за то, что после него мне уже никакая служба не была страшна. А достался мне этот Зарубежный из-за моего принципа брать все последним. Когда стали распределять коней, никто не захотел взять Зарубежного добровольно, и он достался мне. Командиры эскадрона хорошо знали характер Зарубежного. Его давали в наказание самым нерадивым солдатам. Поскольку я принял его с покорностью, содержал его в чистоте и терпел его дефекты, ко мне прониклись уважением и предложили поменять его на другого коня. Но он ко мне привязался, как к близкому существу, и я не мог предать его привязанность.

Что касается людей, то я всегда был склонен к устойчивым дружеским отношениям с ними. Эта склонность усиливалась моей бездомностью. Моими друзьями везде становились самые интересные, на мой взгляд, личности. Я много раз испытывал разочарования, но они не истребили сильнейшую тягу к дружбе. В условиях армейской службы, в каких я оказался, потребность в близком друге проявилась особенно сильно. И такой друг у меня появился. Назову его Юрием. Он был москвичом, из интеллигентной семьи (мать и отец оба были врачами), рос в прекрасных домашних условиях, увлекался поэзией и живописью, отлично окончил школу, был романтически настроен, попросился в кавалерию под влиянием романтики Гражданской войны. Армейская служба давалась ему тяжело. Он очень страдал физически и морально. Старшина и командир отделения считали его сачком и нерадивым бойцом. Он испытывал хронический голод, постоянно «шакалил» в столо-

вой, всячески увивал от работ и нарядов. Короче говоря, был настоящим «интеллигентом». Вместе с тем он был самым начитанным во взводе. Разговаривать с ним мне было интересно. Я взял его под свою опеку. Помогал ему в дневальстве на конюшне и иногда подменял его. Делился с ним едой. У меня такой потребности в еде, как у него, не было. Я легче переживал голод, имея за плечами многолетний опыт на этот счет. Он обменялся местами на нарах с моим соседом. Мы стали спать рядом. В казарме было холодно, и мы «объединяли» согревательные средства, спали, прижимаясь друг к другу и укрывшись двумя одеялами. Так делали все ребята в эскадроне.

Мы с Юрой старались всегда быть вместе. Разговаривали о литературе, о московской жизни, о фильмах и живописи. Постепенно наши разговоры стали затрагивать темы политические — положение в колхозах и на заводах, Сталина, репрессии. Я становился все более откровенным. Он разделял мои взгляды. Он был хорошим собеседником. Не активным, а резонером. Но он на лету ловил мои намеки и развивал их так, что я мог в моих импровизациях пойти еще дальше.

Мне политрук предложил заведовать полковой библиотечкой. Это дало бы мне некоторые привилегии — иногда освобождаться от работы и от нарядов. Я отказался и посоветовал ему назначить на это место Юру. Политрук согласился, а Юра использовал свое положение на всю железку: вообще перестал ходить в наряды, и это почему-то сходило ему с рук.

* * *

Нас регулярно вызывали в Особый отдел в связи с какими-то событиями жизни полка. Кто-то украл хлеб из хлебозерки. Кто-то специально расковырял палец, чтобы по-

лучить освобождение от наряда. Кто-то подрался. Кто-то наговорил лишнего. Обо всем этом стукачи информировали Особый отдел, и нас допрашивали для полноты картины и с целью спрятать осведомителей в массу вызываемых для бесед. Вызывали и меня среди прочих. Кроме того, «особняк» помнил мои прошлые проступки и держал меня в поле внимания. То, что я был образцовым бойцом, не ослабляло его бдительности. На политзанятиях политрук приводил нам примеры того, как «враги народа» маскировались под отличников боевой и политической подготовки. В нашем полку были разоблачены сын кулака и сын белого офицера. Однажды в беседе с «особняком» по поводу одного бойца эскадрона, который пускал себе в глаза очистки грифеля химического карандаша (были тогда такие), чтобы испортить зрение и быть отчисленным из армии или хотя бы переведенным в хозяйственный взвод, «особняк» повел разговор в таком духе, что у меня закралось подозрение насчет Юры. Я решил прекратить откровенные разговоры с ним. Но было уже поздно. Однажды уже после отбоя меня вызвали в Особый отдел.

«Особняк» дал мне бумагу и ручку и предложил мне подробно написать мою автобиографию. Мотивировал он это тем, что мне якобы хотят присвоить звание ефрейтора или даже младшего сержанта, а для этого надо, чтобы в моей биографии не было никаких темных мест. Его особенно интересовали вопросы, почему я не был комсомольцем и почему прервал учебу в институте, хотя по закону должен был бы иметь освобождение от армии. Я написал, что учебу прервал из-за переутомления, что в армию пошел добровольно, что из комсомола выбыл механически, из-за неуплаты членских взносов (работал в глуши, взносы платить было негде). По лицу «особняка» я видел, что мои ответы его не удовлетворили. Ему явно хотелось разоблачить кого-либо.

Но «особняк» полка не успел раскрутить мое дело: наш полк, как и многие другие подразделения Особой Дальневосточной Красной Армии, неожиданно расформировали, погрузили в эшелон без коней и срочно направили на запад страны. У нас не было никаких сомнений насчет того, куда нас направили: мы ожидали войну с Германией. Мы все без исключения понимали, что расформирование больших воинских подразделений на востоке страны и переброска их на запад были связаны с подготовкой к войне. Мы понимали также то, что заключение пакта о ненападении с Германией имело целью лучше подготовиться к войне. Мы не знали лишь одного «пустяка»: того, до какой степени мы были не готовы к войне. Наша пропаганда действовала в отношении армии так же, как в отношении колхозов. В отношении колхозов у людей создавали иллюзию, будто где-то есть богатейшие колхозы. В отношении армии создавали иллюзию, будто где-то есть части, вооруженные новейшим оружием и способные в течение нескольких дней разгромить любого врага. Жестокую правду о военных столкновениях с Японией и о войне с Финляндией мы не знали. Нам их изображали как блистательные победы. Войны мы не боялись, даже хотели, чтобы она скорее началась. В случае войны, мечтали мы, отменят строевую подготовку и многое другое. Мы думали, что легко разгромим врага, ворвемся в Европу, мир посмотрим. Многие мечтали о военных трофеях. Полк, в который я попал после переброски на западную границу страны, участвовал в разделе Польши. Меня поразили трофейные одеяла, которые выдавали даже рядовым бойцам. Они казались признаком неслыханного богатства. И вообще кое-какие слухи насчет более высокого жизненного уровня за границей просачивались в нашу среду.

С каждым километром нашего движения в Европу настроение улучшалось. Дело шло к весне. Исчезало тягост-

ное давление отдаленности. Ребята продавали вещи, оставшиеся от гражданки, покупали водку. Пили даже одеколон. Мое настроение, однако, портилось одним обстоятельством «Особняк» передал меня с рук на руки офицеру «органов» в эшелоне. Мне это стало ясно после того, как этот офицер как бы случайно столкнулся со мной на платформе и завел явно провокационный разговор мол, мы поедем через Москву и мне захочется повидаться с «единомышленниками». Шпиономания в это время достигла чудовищных размеров. На Дальнем Востоке нам всюду чудились японские шпионы и диверсанты. Теперь их место стали занимать немецкие. Я боялся, как бы меня не зачислили в немецкие шпионы. Тем более я немного говорил по-немецки. Вся дорогу ко мне подлизывался тот самый бывший друг Юра, который написал донос насчет моего сомнительного прошлого. Я не уклонялся от разговоров с ним, чтобы не возбуждать дополнительных подозрений. Состояние мое всю дорогу было тревожное. Я даже не принимал участия в дорожных солдатских приключениях. Я мучительно искал выход из опасного положения.

Судьба меня хранила. Выход нашелся сам собой. Еще в пути мы узнали об опровержении ТАСС, напечатанном в центральных газетах. В нем говорилось, что распространенные за границей слухи насчет переброски войск в Советском Союзе с востока на запад лишены каких бы то ни было оснований. Мы смеялись над этим опровержением. Мы знали, что все железные дороги, ведущие к западным границам, были забиты воинскими эшелонами. Мы не знали лишь того, что высшее советское руководство и высшее военное командование тем самым готовили многие миллионы потенциальных пленных для Германии. Я, как и все прочие солдаты, понимал, что это «опровержение» было чисто политическим трюком. Но в моем миропонимании оно осело прежде всего как пример лжи на государствен-

ном уровне. Последующие события добавили в это понимание более чем достаточно фактического материала, чтобы оно перешло в принципиальное убеждение. Много лет спустя, обдумывая советскую информационную политику, мне пришлось сделать усилие над собой, чтобы признать некоторую долю правдивости в ней, да и то лишь как средства обмана.

В танковом полку

По прибытии к месту новой службы (это было около старой границы на Украине) нас построили на плацу и стали распределять по частям. Вдруг на штабной машине приехал командир танкового полка с группой офицеров. Спросил, кто из нас может водить мотоцикл. Из строя вышел один парень. Я вышел сразу же вслед за ним, не отдавая себе отчета в том, что я делал, и не думая о последствиях: к мотоциклу я до сих пор даже пальцем не прикасался. Наши документы сразу же передали одному из офицеров, сопровождавших командира танкового полка. Нас посадили в машину и увезли в танковый полк. Там узнали, что я обманул их. Но не наказали и обратно не отправили. В моих документах было записано, что у меня образование неполное высшее (так записали в военкомате с моих слов). Я был первым в этом полку человеком со средним (и даже чуточку больше) образованием! Это обстоятельство тоже дало мне материал для серьезных размышлений. После поражений в первые дни войны я встречал людей, которые усматривали вредительство в том факте, что образованных людей посылали в устаревшие виды войск, а не в части с современной военной техникой. Но я уже тогда на это смотрел несколько иначе.

В танковом полку меня сразу же определили в штаб. Узнав, что я хорошо черчу схемы и знаю немецкий язык, меня тут же взяли в секретный отдел. Кроме того, я сам высказал идею во внеслужебное время заниматься немецким языком с офицерами полка. И как-то незаметно получилось так, что я стал помогать политруку готовить политические информации. Короче говоря, я стал уважаемым человеком в полку. Мне присвоили звание сержанта. Я был наверху блаженства. Полк был небольшой по числу людей и очень дружный. Кормили много лучше, чем в кавалерии. Хлеб выдавали не порциями, а без всяких ограничений. Служба была легкая. Я стал регулярно заниматься спортом и окреп физически. Во мне произошел психологический перелом. Я вступил в оптимистическую и жизнерадостную фазу, которая продолжалась затем до конца службы в армии. Я был сыт, здоров. Появилась бесшабашность. Я все чаще собирал вокруг себя людей, желающих послушать мои шутовские импровизации и повеселиться. И даже война и все связанные с нею злоключения не смогли разрушить и даже ослабить это состояние. Даже наоборот. В обстановке военных лет я почувствовал себя как рыба в воде. К стыду своему, должен сознаться, что, когда кончилась война, я сожалел об этом.

ВОЙНА

Начало

Советская идеология и пропаганда долгое время оправдывала поражение первых лет войны тем, что Германия якобы коварно и неожиданно напала на нас. Это мнение по меньшей мере бессмысленно. Надо различать неожиданность войны и неготовность к ней. Страна готовилась к войне, но не успела подготовиться. К началу войны были, например, уже сконструированы замечательные самолеты-штурмовики Ил-2, на которых мне предстояло летать. А серийное производство их наладили лишь в середине войны. Решение готовить десятки тысяч летчиков было принято еще до войны, а реализовано оно в полной мере было лишь во второй половине войны. Даже первый реактивный самолет был сконструирован и испытан в Советском Союзе до войны. Но советские реактивные самолеты так и не были приняты на вооружение в армии. Это сделали первыми немцы лишь в конце войны (я имею в виду Me-262). Еще до войны стали производить автоматическое оружие, но армия начала войну с чудовищно устаревшими винтовками. Замечательный танк Т-34 был сконструирован тоже до войны. А войну начали с примитивными Т-5 и еще более примитивными бронемашинами Б-10.

Возникает вопрос: почему страна не успела подготовиться к войне? Тут сработал целый комплекс причин. И среди них решающую роль, на мой взгляд, сыграли объективные свойства самого коммунистического социально-

го строя и его системы власти и управления. В этом направлении я стал задумываться уже в то время. Одно дело — принять решение. И другое дело — его исполнить. Речь шла не об отдельном простом действии отдельного человека, а об огромной стране с многомиллионным населением, с определенным человеческим материалом, с гигантской системой власти и управления, с различием интересов различных групп людей и т.д. Одно и то же решение различно интерпретируется различными людьми. Способы исполнения решения могут быть различными. Социальные процессы имеют определенные скорости протекания. На все нужно время. Возникают непредвиденные последствия. Добрые намерения имеют результатом зло. Короче говоря, страна — не рота солдат. А ведь и в роте не все и не всегда идет так, как надо. Именно в период подготовки к войне и в ходе ее коммунистический социальный строй обнаружил все свои сильные и слабые стороны. Сначала слабые. Они обнаружили очевидным образом. Сильные начали сказываться позднее и сначала неявно.

Война оказалась неожиданной. Но для кого и в каком смысле? Она оказалась неожиданной для высшего руководства страной, которое надеялось на большой срок мира с Германией. Она оказалась неожиданной в том смысле, что мы были много слабее, чем думали, а противник оказался много сильнее, чем его нам изображали.

Для нас, солдат, никакой неожиданности тут не было. Незадолго до начала войны наши части инспектировал сам Г.К. Жуков. Тогда он был командующим Киевским военным округом. Я помню, как он с группой генералов и офицеров ворвался в нашу казарму — был мертвый час после обеда. Мы вскочили. Он выругался матом, сказал, что «мы зажрались», что «война на носу», а мы живем «как кисейные барышни». На другой же день части были приведены в боевую готовность. Нам выдали «смертные медальоны» —

медальоны, в которых были бумажки с нашими данными, включая группу крови. Все машины были приведены в боевую готовность. Мы покинули казармы и пару дней жили в полевых условиях («как на войне»). Потом нас снова вернули в казармы, танки и бронемашину законсервировали.

* * *

Войны ждали с минуты на минуту. А когда она началась на самом деле, она разразилась как гром среди ясного неба. Я не могу описать первые дни войны отчетливо и систематично. Да в этом и нет никакой необходимости: общеизвестно, что это была неслыханная паника и хаос. Это была паника не от животного страха, но паника от хаоса и бессмысленности происходившего. Вдруг обнаружилось, что вся система организации больших масс людей, казавшаяся строгой и послушной, является на самом деле фиктивной и не поддающейся управлению. Это была паника самого худшего сорта — паника развала системы, казавшейся надежной. Впавших в панику от страха людей можно было остановить. А тут люди, не знавшие страха, оказались в состоянии полной растерянности. Люди вдруг потеряли какую-то социальную ориентацию в огромной хаотичной массе людей и событий. Ощущение было такое, будто какой-то страшный ураган обрушился на землю, поломал и перепутал все, лишил людей пространственно-временных координат. Куда-то вдруг исчезла вся гигантская командная машина, и командовать людьми стало некому. В этом паническом хаосе мы были предоставлены самим себе.

Наше бегство перешло в отступление с боями — приходилось как-то обороняться. Ожидалась атака немецких автоматчиков. Наше сильно поредевшее подразделение было не способно долго обороняться. Было приказано отступить, оставив прикрытие. Несколько человек вызвались добровольцами, я в их числе. Мы, оставшиеся при-

крывать отступление части, приготовились сражаться до последнего патрона и достойно умереть. Это не слова, а вполне искреннее решение. Я заметил, что активная готовность умереть снижает страх смерти и даже совсем заглушает его. Мне не было страшно умереть в бою. Страшно было умереть, будучи совершенно беззащитным и не имея возможности наносить удар врагу. Это мое состояние идти навстречу смерти было лишь продолжением и развитием моего детского стремления преодолевать страх, идя навстречу источнику страха. Скоро показались немцы. Мы начали стрелять. И они открыли стрельбу.

Мне не раз приходилось читать описания психологического состояния людей в первых боях. Может быть, в этих описаниях была доля истины. Но со мной, так же как и с моими товарищами, ничего подобного не было. Мы начали стрелять так, как будто были старыми солдатами, привыкшими убивать. И дело было не только в том, что враги были на расстоянии, мы не видели их лиц и не знали, в кого именно мы попадали. Потом мне пришлось участвовать в уничтожении группы немецких автоматчиков, оторвавшихся от своей части. Два немца залегли около будки высокого напряжения. Я и еще один солдат встали во весь рост и пошли на них с винтовками. Они не стреляли, может быть, растерялись от неожиданности. Мы прикололи их штыками. Произошло это так быстро, что мы просто не имели времени испытать все те психологические переживания, которые так подробно и вроде бы со знанием дела описывали писатели.

В этой операции я был ранен в плечо. Ранение оказалось не опасным. Но плечо распухло. Я долго не мог двигать рукой. Ни о каком госпитале и думать было нечего. Нечому было даже перевязать плечо. Я был горд тем, что был по-настоящему ранен. И был рад, что уцелел.

Еще до войны я прошел медицинскую комиссию и был признан годным к службе в авиации. Тогда говорили, что по личному приказу Сталина всех молодых людей, годных по здоровью и имеющих среднее образование, послать из частей в авиационные школы. Я служить в авиации не хотел и не воспринял решение комиссии всерьез. А с началом войны я вообще забыл об этом. И вот в самый, казалось бы, критический момент начала войны меня вызвали в штаб полка, выдали мне на руки мои документы, посадили на грузовую машину, где уже сидело несколько таких же счастливчиков, и куда-то повезли. Оказалось, нас направляли в авиационную школу. Явление это заслуживает внимания: в такой критический момент высшее командование думало о том, чтобы начать готовить летчиков для еще не созданной новой авиации, соответствующей требованиям времени. Значит, еще тогда думали о том, что война будет длиться долго. Должен заметить, что даже в самые трудные периоды войны ни у меня, ни у тех, кто окружал меня, не было сомнения в будущей победе. Воспитание, какое мы получили в школе тридцатых годов, давало знать о себе, несмотря ни на что.

Мудрость командования, однако, прекрасно уживалась с великой глупостью. Вместо того чтобы направить нас в тыл, нас направили на тот же фронт, только на несколько сот километров севернее. Когда мы прибыли (со множеством нелепых приключений) под Оршу, немцы уже были там. Авиационную школу уже эвакуировали. Наша армия готовилась к обороне города. Нас включили в особый батальон, составленный из такого же «сброда», как мы. Документы у нас отобрали, и они затерялись где-то. Батальону было приказано занять район, в котором, по данным разведки, предполагалась высадка немецкого десанта.

После выполнения задания остатки батальона двинулись обратно в расположение главных сил дивизии. По дороге нас задержали части НКВД, обезоружили нас и хотели тут же расстрелять как переодетых диверсантов или как дезертиров: мы были одеты в форму тех родов войск, где служили, и выглядели действительно как сброд отбившихся от частей дезертиров. Не знаю, почему они не выполнили это решение.

* * *

После сдачи Орши мы отступали в направлении к Москве. Я тогда установил для себя, что война — это на пять процентов сражения и на девяносто пять процентов — всякого рода передвижения и работы. А из пяти процентов сражений противника в лицо видит лишь ничтожная часть воюющих. Большинство солдат погибали, ни разу не увидев врага, а многие — даже не сделав ни одного выстрела.

Пустяки почему-то часто лучше запоминаются, чем серьезные явления. Я не могу сейчас достаточно точно описать ни один бой, в котором мне пришлось участвовать. Зато до мелочей помню многие нелепые и смешные случаи. Например, помню, как в расположение нашей части въехали два грузовика с деньгами — эвакуировали какой-то банк. Попросили принять эти деньги, так как они с таким грузом вряд ли смогут пробиться из угрожающего окружения. Какой-то интендант в чине капитана (я сейчас вижу его отчетливо) написал на клочке бумаги расписку, что он принял столько-то мешков денег. У интенданта было такое выражение лица, что никаких сомнений относительно его намерений быть не могло. Мы сказали нашему взводному командиру об этом. Он лишь усмехнулся: мол, если этому идиоту жить надоело, пусть бежит с этими деньгами. Только куда?! Нам почему-то было смешно. Я то-

гда выдвинул новую трактовку полного коммунизма: при нем деньги будут выдавать по потребности, только купить на них будет нечего. Ребята смеялись над шуткой. Про возможность доноса все как-то позабыли.

Другой смешной случай произошел с необычайно толстым полковником, решившим сыграть роль полководца. Он вылез на бруствер окопа, чтобы осмотреть позиции немцев, которых на самом деле поблизости не было. Но просвистел шальной снаряд, и полковнику срезало голову. Он, однако, продолжал стоять без головы, широко расставив ноги. Мы хохотали до коликов в животе. Смотреть такое зрелище прибегали люди из соседних полков.

Однажды я решил нарушить свои правила осторожности и написал письмо матери. В письме я написал такие слова: «Противник в панике бежит за нами». Наши письма просматривали особые лица из военной цензуры. Письма просматривали на выбор. Мое письмо случайно оказалось таким. Меня вызвал политрук и потребовал объяснить смысл моей фразы. Я сказал, что противник действительно в панике, но что мы все-таки отступаем из стратегических соображений. Он сказал, что так и нужно написать без выкрутасов: в стратегических целях мы организованно отходим на заранее подготовленные позиции, нанося противнику удары и обращая его в паническое бегство. И упрекнул меня в том, что хотя я студент, а писать грамотно не умею. Письмо я переписывать не стал. Второй раз его не просмотрели, и оно дошло. Мать долго его хранила.

Конечно, война не была развлечением. Были все те ужасы, о которых писали бесчисленные авторы и которые показывались в бесчисленных фильмах. Я их видел и переживал так же, как и другие. Кое-что досталось и мне самому. Я не могу добавить к тому, что уже сказано на эту тему, ничего нового. Кроме того, мое сознание всегда было ори-

ентировано так, что все очевидные ужасы проходили мимо меня стороной. Я видел в происходящем то, на что не обращали внимания другие, а именно нелепость, уродливость и вместе с тем чудовищную заурядность происходившего.

В командных верхах, надо полагать, кто-то все-таки думал о создании авиации, способной конкурировать с немецкой и в конце концов завоевать господство в воздухе. Нас, уцелевших кандидатов в будущие летчики, нашли и направили в Москву, а оттуда — в авиационную школу под Горьким.

Авиация

В последующие годы (1942—1944) я учился в авиационных школах, несколько месяцев был в наземных войсках, служил в различных авиационных полках. Многочисленные мелкие эпизоды, имевшие место со мной в эти годы, дали мне много материала для литературы. Но в реальности они были чрезвычайно прозаичными. И в них не было ничего такого, что сыграло бы принципиальную роль в моей личной эволюции. Я расскажу лишь о некоторых событиях этих лет, чтобы описать мой образ жизни и мыслей в эти годы.

Особыми способностями в летном деле я не могу похвастаться. Но летал я вполне прилично. В эти годы рухнуло представление о летчиках как о существах особой породы, так как летать стали обучаться не исключительные единицы, а массы случайно отобранных людей. Большинству из них пришлось стать летчиками в силу обстоятельств, а не по призванию. Лишение летчиков ореола исключительности сказалось, в частности, в том, что ликвидировали особую авиационную форму и всякие привилегии. Оказа-

лось, что летать могут научиться практически все здоровые люди. Процент неспособных оказался незначительным, причем многие симулировали неспособность из боязни попасть на фронт и быть сбитым.

Другое открытие сделал я сам. Заключалось оно в том, что процесс обучения можно было сократить буквально до нескольких недель и упростить. Я встречал некоторых летчиков, которые как-то ухитрились научиться летать на боевых машинах, минуя всякие предварительные и промежуточные. Процесс обучения растягивался в авиационных школах не из-за человеческих возможностей, а из-за недостатка машин и горючего, а также из-за соображений создания резерва летчиков. Как это и характерно для советской системы, бросающейся из одной крайности в другую, к концу войны в стране образовалось перепроизводство летчиков и из авиации стали увольнять даже опытных и заслуженных офицеров.

Я летал на различных типах самолетов, уже к тому времени устаревших. В конце концов стал летчиком на штурмовике Ил-2. Это была машина замечательная. Скорость ее, правда, была незначительная — немногим более четырехсот километров в час. Зато она имела мощное вооружение, была бронированной в самых важных местах, имела очень высокую степень выживаемости. Машина была предназначена специально для борьбы с танками, для бомбежки мостов, железнодорожных узлов и вообще для уничтожения небольших объектов, когда требовалось точное попадание бомб. Очень скоро Илы стали грозой для немцев. Они их прозвали «черной смертью». Илы сбивались истребителями, зенитным огнем и даже из танков. Средняя продолжительность жизни летчиков на фронте была менее десяти боевых вылетов. В наших наземных частях их называли смертниками. И несмотря на это, Илы сыграли ог-

ромную роль в войне. Они были созданы именно для условий этой войны. После войны они очень скоро были сняты с вооружения.

* * *

В училище мы летали мы с перерывами — кончался «лимит» горючего. В перерывах мы вели жизнь обычных солдат: ходили в наряды, работали, занимались строевой подготовкой и спортом, изучали теорию полетов и историю партии, ходили в самовольные отлучки, пьянствовали, занимались мелкими махинациями. Мы были молоды, не голодали в медицинском смысле, не выматывались физически. На фронтах гибли люди, а мы пока что были в безопасности. Нам предстояло летать, а не ползать в грязи. Моя озабоченность социальными проблемами ослабла и отошла на задний план. Я встречал людей, подобных мне, и вел с ними острые политические разговоры. Некоторые из них были еще более яростными антисталинистами, чем я. Но эти разговоры не имели никакого влияния на наше поведение как обычных курсантов. Я не смотрел на это как на подготовку к какой-то будущей деятельности — о будущем вообще не думалось. Я распропагандировал нескольких курсантов, привив им мои взгляды. Но я не уверен в том, что это влияние было глубоким. Я, конечно, постоянно думал о происходящем, анализировал, обобщал. Но эта интеллектуальная деятельность принимала совсем иной характер, чем в прошлые годы. Она стала более жизнерадостной и литературной. Приведу пример моего шутовства из тех, которые мне запомнились. Инструктор парашютного спорта объяснял нам, как пользоваться парашютом. Сказал, что, если не открылся главный парашют, нужно дернуть кольцо запасного парашюта. Кто-то спросил, что делать, если запасной парашют не открывает-

ся. Я тут же ответил за растерявшегося инструктора: надо пойти в склад и обменять парашют на исправный. Над этой хохмой долго потешались потом в школе. Инструктор парашютного спорта взял эту хохму на вооружение и в своих занятиях с другими курсантами использовал ее для оживления лекции.

Мои шутки принимали порою довольно острый политический характер. Но в те годы критическое отношение ко всему все более распространялось и становилось все более заметным. Так что мои шутки обходились без катастрофических последствий. Я не был единственным хохмачом. Были и другие, имевшие больший успех, чем я. Мои шутки были все-таки слишком интеллигентными. Не все их понимали. В нашем же звене был парень — прирожденный комический актер и импровизатор. Он насыщал свои шутки грубостями, нецензурными выражениями и скабрзностями, имевшими особенно большой успех.

Я выпускал, повторяю, «боевые листки». Помимо сатирических стихов для них и фельетонов я сочинял шуточные и иногда совсем не шуточные стихи просто так, от нечего делать и для развлечения. Все это куда-то потом пропадало. В 1942—1943 годы я сочинил большую «Балладу об авиационном курсанте». Тогда в школе по рукам ходила другая «Баллада», не знаю, кем сочиненная. Она была сплошь из мата и скабрзных выражений. Я несколько отредактировал ее, но устранить скабрзности полностью было невозможно. Тогда-то я и сочинил свою «Балладу». Сочинил я ее одним махом, т.е. за одну ночь в карауле. Она получилась вполне приличной с точки зрения свободы от мата и скабрзности, но зато явно политической. Я прочитал ее своим друзьям, которым мог доверять. Они посоветовали уничтожить ее во избежание недоразумений. В 1975 году я переписал ее заново, припомнив кое-что из

первичного варианта. Отрывки из нее были опубликованы в книге «Зияющие высоты», а полный текст в книге «В преддверии рая» (1979).

«Баллада» была написана в духе народного творчества, которое оживилось в войну. Образцом ее была поэма А. Твардовского «Василий Теркин». В 1942—1943 годы в нашей авиационной школе циркулировала стихотворная поэма, написанная в подражание поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Поэма называлась «Кому в УВАШП жить хорошо» (УВАШП — Ульяновская военная авиационная школа пилотов). Кто был ее автор, не знаю. Может быть, тот же парень, который сочинил хулиганскую «Балладу». Эта поэма была сочинена великолепно. Сюжет ее был такой. На лестнице в учебно-летном отделе встретились семь курсантов и решили выяснить, кому хорошо живется в УВАШП. Они обошли военнослужащих всех категорий, начиная от моториста и кончая начальником школы. Оказалось, что у всех было на что жаловаться. Отчаявшись, курсанты пришли в казарму. И тут они увидели, что, спрятавшись под матрац, прямо на железной сетке спал курсант — сачок Иванов. Увидев его, курсанты поняли, что нашли того, кого искали, — человека, которому действительно хорошо, привольно и весело жилось в УВАШП.

В той замечательной поэме был создан образ армейского сачка. Но это явление стало обычным в советском обществе в послевоенные годы и вне армии. Сачок возник как наследник дореволюционного Обломова, но уже в специфически советских условиях. В моей книге «Желтый дом» есть такой персонаж — младший научно-технический сотрудник Добронравов, ухитрявшийся хорошо (с его точки зрения) жить на самой низшей должности в институте. Это был сачок более высокого уровня, чем тот армейский Иванов.

* * *

Я много занимался спортом. Некоторое время — боксом. В школе была боксерская секция. Тренером был мастер спорта по боксу. Однажды я стоял в группе зевак, смотревших на тренировку команды школы, готовившейся к соревнованиям. Тренер предложил мне попробовать побоксовать. Я надел перчатки первый раз в жизни. Тренер приказал мне ударить его. Неожиданно для меня самого я ударил его левой рукой и нокаутировал. Он не ожидал этого и не успел защититься. После этого меня приказом по школе включили в команду, освободили от полетов и приказали готовиться к соревнованиям. Я быстро освоил основы боксерской техники и на соревнованиях гарнизона занял первое место: мои противники были такие же «мастера», как и я. Но потом начальник команды приказал мне сразаться с парнем из танкового училища, который на две весовых категории был тяжелее меня, рассчитывая на мою «техничность». И тот парень, конечно, побил меня, хотя техникой бокса владел еще хуже, чем я. После этого я боксом заниматься бросил. Меня за это не наказали, так как наш тренер попал в штрафной батальон за воровство и наша команда распалась.

А главное — я научился ценить реальные блага жизни и пользоваться ими. Спать на посту, наворовать картошки и испечь ее в печурке в караульном помещении, ускользнуть в самовольную отлучку к девчонкам, ухитриться получить дополнительную порцию еды, достать выпить какой-нибудь одуряющей дряни, что еще нужно солдату?!

Пустяжковые на первый взгляд явления бытовой жизни давали мне для понимания реального коммунизма неизмеримо больше, чем толстые и заумные тома сочинений теоретиков. Приведу несколько примеров. Один курсант совершил вынужденную посадку — «обрезал» мотор. Чтобы

охранять самолет, создали особый трехсменный пост. Часовые продавали местным жителям бензин, масло, обшивку самолета. Последняя шла на кастрюли, ложки и вилки. Таким путем за несколько дней буквально ободрали самолет до каркаса. Судили тех, кто стоял последним на этом посту. Или другой случай. Один из складов нашей школы был расположен рядом со складом молочного комбината. Часовые, охранявшие склад, проделали дырку в стене склада молочного комбината и через нее воровали сыр. На этом посту и мне довелось стоять. И мне удалось, просунув в дыру винтовку, наколоть штыком головку сыра. Один такой часовой уронил винтовку. Воровство раскрылось. Судили лишь этого парня, хотя было очевидно, что он один не мог сожрать по меньшей мере полсотни килограммов сыра.

Мы относились к подобным историям как к мальчишеским забавам, а не как к преступлениям. Ульи, сыр, самолет и т.п. принадлежали обществу, т.е. никому, с точки зрения отдельных индивидов на нашем уровне. Урвать что-то из этого ничейного источника не означало воровство. Только страх наказания удерживал и удерживает людей от хищений «социалистической собственности». Наше поведение было типичным для советских людей. Потом нам политруки «разъясняли», что преступники воровали из «общенародного котла». Но мы воспринимали это как чисто идеологическую болтовню. Обещания пропаганды и идеологии, будто при коммунизме сознание людей достигнет такого высокого уровня, что люди вообще перестанут совершать преступления, мы воспринимали с презрением и насмешкой.

* * *

Сейчас уже забыли о том, что в сталинские годы производились регулярно подписки на заем. Это была лишь замаскированная форма снижения заработной платы.

Подписывались на заем и мы, курсанты. Поскольку деньги нам платили мизерные и один заем следовал за другим, я решил одним ударом отделаться от них; я подписался на тысячу процентов месячной зарплаты. Это означало, что десять месяцев я вообще не должен был получать денег. Мой поступок начальство оценило как верх патриотизма, так как остальные курсанты подписались кто на двести процентов, кто на триста, самое большое — на пятьсот. Но тут вдруг политрука осенила мысль: ведь если будет новый заем, мне уже не на что будет подписываться и в эскадрилье не будет стопроцентного охвата курсантов подпиской на заем. Дабы избежать такой перспективы, в подписной ведомости политрук сам стер один нолик в моей сумме. В результате я оказался подписанным лишь на одну месячную зарплату, т. е. на сто процентов. Это было меньше всех в эскадрилье. Такого рода «шуточками» я потешался неоднократно. Страх наказания был ослаблен сознанием того, что «дальше фронта не пошлют, больше вышки не дадут» («вышкой» называли высшую меру наказания — расстрел).

На низших уровнях жизни, так же как и на высших, совершается умышленное искажение реальности, которое потом воспринимается как бесспорная истина. В нашем звене был один курсант. Подлиза, наушник, трус. Поскольку служба в авиации стала массовой и принудительной, в ней трусов оказалось не меньше, чем в других родах войск. Но этот парень был трус даже среди трусов. Мы по программе обучения должны были совершить несколько прыжков с парашютом. Этот парень наделал в штаны в прямом смысле слова и облевался от страха уже в самолете. А когда его выбросили из самолета, он умер от разрыва сердца. На землю он спустился уже мертвым. Слух о том, что один летчик погиб, распространился по городу. Наше

начальство решило его похороны использовать в воспитательных целях. В газете напечатали его портрет и статью, в которой он был изображен пламенным патриотом и отличником боевой и политической подготовки. О смерти его написали, что он героически погиб при исполнении задания командования. Похороны его превратились в демонстрацию. Впереди шли мы, курсанты из звена героически обосравшегося пламенного патриота. Шли с полотнищем, на котором большими буквами были написаны слова из «Песни о буревестнике» М. Горького: «Безумству храбрых поем мы славу!». Так и вошел этот трус в «золотой список» школы как образец храбрости. Каюсь, это полотнище было моей затеей. Когда я писал этот лозунг, все присутствовавшие буквально плакали от смеха.

Мы, естественно, жили в атмосфере слезки и доносов. Время от времени какой-либо курсант исчезал. Ходили слухи, что его «взяли за политику». Мы обычно избегали разговаривать в опасном направлении и были осторожны. Выработалось умение сразу определять, с кем и о чем можно было говорить. Кроме того, было ясно, что «органы» работали сугубо формально, т.е. отбирали жертвы более или менее случайно и в соответствии со своими собственными критериями: им надо было «обозначать» свою деятельность перед вышестоящим начальством («щелкать каблучками»), но так, чтобы не вредить подразделению, в котором они работали, и самим себе. Им надо было показать, что они «бдят», но что часть является здоровой в идейно-политическом отношении. Имея в изобилии осведомителей и доносы, сотрудники «органов» производили отбор жертв так, что серьезные идейные враги (вроде меня) оставались порою нетронутыми, а в их сети попадали люди, сдуру сболтнувшие лишнее слово.

В моих личных взаимоотношениях с «органами» все это время не произошло ничего особенного, если не считать случая с аварией самолета, не имевшей никакой связи с прошлым.

* * *

После окончания военной школы я принял решение начать бездумную жизнь «гусара» современной армии — рядового летчика без всяких карьеристских амбиций. Я начал пить водку. Я обнаружил, что могу нравиться женщинам. Мне стало нравиться проводить время в разгульных компаниях, участвовать в рискованных приключениях. Все это создало мне репутацию бесшабашного гуляки и балагура. За это меня любили на самом низшем уровне армейской иерархии.

За боевые вылеты нам давали по сто грамм водки. Мы к ним добавляли еще всякие одуряющие напитки, добытые на стороне. Мой стрелок был большой мастер по этой части. Во время войны на такое «гусарство» смотрели сквозь пальцы: лишь бы человек хорошо летал. Но все же это учитывали, ограничивая присвоение званий, присуждение наград и повышение в должностях. А я к этому и не стремился. Я не был исключением: такими было большинство рядовых летчиков.

С такими пороками я, как и другие, мог бы вполне нормально продолжать службу и даже вознаграждаться за нее, если бы не «политика». В полку уже был летчик, пострадавший за «политику». Хотя он совершил около ста боевых вылетов, у него не было никаких наград и не было никакого звания. Он был разжалован, лишен наград и осужден на десять лет за антисталинские высказывания. Был в штрафном батальоне, кровью искупил свое преступление и был возвращен в полк. Мы с ним почувствовали друг в друге

родственные души и подружились. В моей жизни это был самый глубокий антисталинист.

В книгах и фильмах многократно прославлена фронтовая дружба. Не спорю, общая опасность сближает людей. Но совсем не так сильно, как принято считать. Уже в начале войны я заметил, с каким равнодушием люди относились к гибели товарищей. Погибших забывали очень быстро. Людьями владели другие чувства — страх, стремление к самосохранению, к выгоде хоть в чем-либо. Тяжелые и опасные условия не ослабляли, а усиливали общие принципы поведения людей в массе себе подобных. Героические и самоотверженные поступки люди совершали в порядке исключения. В большинстве известных мне случаев люди, слывшие героями, были отобраны на эту роль начальством. Награды выдавались тоже в зависимости от решений начальства. Настоящие герои обычно погибали и редко вознаграждались. Коммунистические принципы распределения наград, должностей и даже репутации действовали и в условиях человеческой бойни.

Это время было весьма противоречивым. С одной стороны, я все глубже погружался в трясину «гусарства», а с другой стороны, во мне стали усиливаться мои социальные и литературные наклонности. Я принципиально отказался от всяких попыток выслуживаться и делать карьеру, отдавшись с этой точки зрения во власть обстоятельств. Таких, как я, было много. Служба в авиации располагала к этому. С одной стороны — привилегированные условия, уважение к ним как к смертникам. С другой стороны — возможность быть сбитым в ближайшем же бою и готовность погибнуть в любой момент. Считается, что плохие условия жизни способствуют развитию безразличия к жизни и готовности к смерти. Я на основе своих наблюдений убедился, что это далеко не всегда верно. Я не раз видел, как

люди в самом жалком состоянии цеплялись за жизнь любой ценой и как люди с довольно благополучными условиями отважно шли на смерть. Именно хорошие условия авиации развивали в нас готовность к смерти, ибо все равно уклониться было нельзя. Да мы и не стремились уклониться, за редким исключением. Участие в боях делало нас исключительными личностями, уклонение же от этого каралось презрением.

* * *

Я время службы в авиации считаю одним из самых лучших в моей жизни. Самые опасные для штурмовиков годы войны прошли. Советская авиация завоевала господство в воздухе. Нас сбивали, но не так часто, как раньше. Средняя продолжительность жизни летчика увеличилась с десяти до пятнадцати, а к концу войны даже до двадцати боевых вылетов. Кормили нас по тем временам превосходно. Одевали по общеармейским нормам, но мы ухитрились раздобывать щегольское обмундирование. Плюс летное обмундирование тоже придавало нам вид аристократии армии. После полетов нам давали водку официально. Мы добавляли еще. Вечерами проводили время на танцах. В полку было много девушек — радистки, мотористки, механики. Многие из них были красивыми и имели среднее образование. Плюс к тому в зенитных батареях, охранявших наши аэродромы, служили в основном девушки.

Дело шло к победе. В армии назревало состояние ликования по этому поводу. Это было время наград. Летать стало не так опасно, а награды получать стало легче. Началась оргия наград. Причем награды как из рога изобилия сыпались на начальство и на всех тех, кто вообще в боях не участвовал. Я тогда произвел свои измерения и установил, что более семидесяти процентов наград были даны

людям, вообще не участвовавшим в боях в собственном смысле слова. Много лет спустя, когда признали конкретную социологию, я с удивлением узнал, что произвел свои те вычисления военных лет вполне корректно. Вся масса людей, от которых зависела наша жизнь, становилась добрее и великодушнее. Люди стали свободнее себя чувствовать в смысле выражения мыслей.

Я не буду описывать конкретно боевые эпизоды. Это обычно была рутинная работа, интересная только опасностью и приятными последствиями, если ты уцелел. Помню лишь общее психологическое состояние, связанное с ними. Должен сказать, что я, как и другие, с удовольствием принимал участие в боевых вылетах. Настроение было праздничным, приподнятым. Было приятно ощущать себя обладателем мощной боевой машины, было приятно бросать бомбы и стрелять из пушек и пулеметов. Жертвы нашей «работы» мы не видели близко. Они фигурировали в наших отчетах в виде чисел убитых солдат и офицеров противника и уничтоженной техники. Иногда мы летали бреющим, т.е. на малой высоте, расстреливая из пушек и пулеметов мечущихся на земле людей. И это тоже доставляло удовлетворение. По нас, конечно, стреляли зенитки. На нас нападали «мессера». И многих сбивали. В этом было мало приятного, но мы знали, что если тебе суждено погибнуть, то «это только раз». Смерть в штурмовой авиации была быстрой и безболезненной. В случае попадания штурмовик, начиненный бензином, бомбами и снарядами, обычно взрывался в воздухе или при ударе о землю. Кроме того, немцы летчиков-штурмовиков в плен не брали: убивали на месте.

Машина, на которой я летал (Ил-2), была потрясающей во многих отношениях. Я ее считаю самым гениальным изобретением для целей войны. Однажды я должен был фотографировать результаты работы эскадрильи по

бомбежке железнодорожного узла. Я должен был зайти на цель, включить фотопулемет и ни в коем случае не маневрировать, т.е. не уклоняться от зенитного огня. И меня основательно изрешетили. Один снаряд угодил в ящик для пулеметных лент, другой — в мотор. Несколько цилиндров вышло из строя. Но я все-таки дотащился до ближайшего аэродрома, где «сидел» другой полк, и приземлился. Осматривавшие мою машину инженеры заявили, что в таком состоянии самолет теоретически не мог лететь. Но я все-таки долетел.

* * *

Одновременно с нарастанием тех благ, о которых я говорил выше, происходило нарастание явлений противоположного характера. Страна оправилась от шокового состояния поражений и восстановила уверенность в способности выжить. Объективные закономерности отношений между людьми и их поведения стали заявлять все настойчивее и очевиднее. В условиях поражений, растерянности и перестройки страны в ходе разрушительной войны социальный аспект жизни отошел на задний план. Теперь же он снова стал заявлять претензии на главные роли. Например, награды стали самым циничным образом распределяться в соответствии с чинами и формальными принципами оценки людей, а не в зависимости от личных заслуг. Карьеристы, подхалимы и приспособленцы получили преимущества в продвижении по службе и в получении чинов. Фиктивные дела стали занимать место дел фактических, преувеличение успехов в отчетах стало принимать гротескные формы.

Однажды я сказал по этому поводу, что если бы в наших отчетах о военных успехах была бы хотя бы половина правды, то у немцев уже не должно было бы остаться ни од-

ного солдата, ни одного танка, ни одного самолета. О моем высказывании донесли политруку, и я имел с ним неприятную беседу. В результате мою кандидатуру на должность старшего летчика отклонили. Вместо меня назначили только что прибывшего в полк неопытного летчика, который успел стать комсоргом полка и кандидатом в члены партии. Я же был беспартийным. Такого рода случаи, когда «тыловикам» отдавали предпочтение, становились обычными. А что касается наград, то со мной произошел случай, весьма характерный с этой точки зрения. В один из совершенно безопасных боевых вылетов мне вместо стрелка посадили майора из политотдела дивизии. Майору нужно было иметь в своем активе личное участие в боях, чтобы получить высокую награду. Ко мне его посадили потому, что я считался самым «мягким» (или «плавным») летчиком эскадрильи. Полет был фактически прогулкой — мы бомбили какой-то мирный населенный пункт. Я решил проучить майора. Я вел машину специально так, что его стало мутить. К тому же он перед вылетом выпил для храбрости стопку водки. Он облевал всю кабину стрелка и фюзеляж самолета. Когда мы приземлились, он чуть живой вылез из самолета и хотел уйти, но я его заставил вымыть кабину и фюзеляж, угрожая пистолетом. Мне за эту выходку дали двое суток ареста. А майора наградили орденом Красного Знамени за участие в боях и «проявленную при этом храбрость». Кроме ареста, я был наказан тем, что меня отстранили от очередной законной награды.

О том, до какой нелепости дошла наградная система, говорит хотя бы такой факт. К нам в воздушную армию прибыла важная комиссия из Москвы. Я был дежурным по полку, когда комиссия должна была прибыть к нам. Зная по опыту, на что обычно обращают внимание в таких случаях, я мобилизовал всех людей, не занятых на аэродроме, на уборку мусора в расположении полка и в помещениях.

Я попал, как говорится, в яблочко. В других полках комиссия возмущалась именно захламленностью территории, окурками в помещениях, плохой заправкой коек. В нашем полку она была потрясена порядком. За это ряд старших офицеров полка был награжден орденами и медалями, а меня наградили почетным оружием — немецким пистолетом «вальтер».

* * *

Хотя я вроде бы оторвался от прошлого, я не мог оторваться от своей натуры. Она постоянно вылезала наружу в репликах, речах, экстравагантных выходках.

Вместе с тем было общепризнано, что я лучше всех в полку занимался политической подготовкой и знал марксистские тексты лучше самого политрука. Когда политруку требовалось процитировать «Краткий курс истории ВКП (б)», он обращался ко мне, и я читал эти места наизусть. Но иногда я точный текст забывал, особенно после пьянок. Тогда я импровизировал, причем всегда так, что отличить мой бред от сталинского было невозможно. Политрук как-то спросил меня, почему я вел себя так плохо, хотя был хорошо знаком с марксизмом. Я ответил, что именно поэтому. Он сказал, что я опасный человек и что за мной надо смотреть в оба. Но ему это не удалось. На нашем аэродроме приземлился истребительный полк. Некоторое время мы жили вместе. Истребители оказались еще более распущенными и анархичными, чем мы. Вечером на танцы они приходили вдребезину пьяные и устраивали дебоши. Наш политрук однажды приказал одному такому пьяному истребителю покинуть помещение и идти спать. Тот вынул пистолет и пристрелил нашего замполита. В победоносной армии стали замечаться признаки морально-психологического разложения.

Почему меня терпели? Во-первых, потому, что я был не один такой и даже не худший. Были экземпляры и похуже меня. Во-вторых, была война, я добросовестно выполнял обязанности «смертника». В-третьих, я никому не становился поперек дороги, никому не мешал. В-четвертых, на мое поведение смотрели как на мальчишество. Кто мог знать, что я был потенциальным автором «Зияющих высот», если об этом не помышлял и я сам?!

Впрочем, в это время я сочинял много стихов. И начал задумываться над тем, чтобы написать повесть или роман. И даже написал кое-что. Но рукописи пропали при довольно комических обстоятельствах. Мы перебазировались с одного аэродрома на другой. Личные вещи мы погрузили в бомболюки. На новом аэродроме мы не успели разгрузиться, как нам подвесили внешние большие бомбы, не влезавшие в люки, и сразу послали на задание. После обычной бомбежки объекта нам с земли по радио приказали «продублировать аварийно». Мы бомбы сбрасывали всегда с помощью электросбрасывателя. Иногда они застревали в бомболюках. Это было опасно: при посадке бомбы могли вывалиться и подорвать самолет. Чтобы этого не произошло, мы иногда открывали бомболюки на всякий случай еще и механическими средствами — «аварийно». В этот раз нам приказали это сделать с земли. Я выполнил приказание, и мои личные вещи, в том числе шинель, сапоги и рукописи, улетели в расположение разбомбленного противника. Шинель и сапоги было жаль — это были действительно большие ценности. О рукописях я даже не подумал. К тому же хранить их было небезопасно. В то время, когда мы летали, дневальные и дежурные по приказанию Особого отдела осматривали наши вещи. Рукописи мне приходилось прятать, оставляя для осведомителей лишь то, в чем не было ничего криминального.

ГЕРМАНИЯ

Германия ошеломила нас своим сказочным (сравнительно с нашей российской нищетой) богатством. Миллионы советских людей вдруг увидели, что тот уровень жизни, о каком они мечтали как о коммунистическом изобилии, уже был обычным уровнем в Германии, а значит, так думали люди, и в других капиталистических странах. Как мыльный пузырь, лопнул образ капиталистических стран, создававшийся советской идеологией и пропагандой. Достойной насмешки стала марксистская сказка об обществе изобилия в будущем. Еще более убогой стала выглядеть российская убогость. Советские люди, придя в Германию, не увидели того, как добывалось такое изобилие, какую цену люди тут платили за него. Они видели лишь очевидные результаты — дома, дороги, одежду, обувь, посуду и другие вещи, которые до сих пор являются предметом мечтаний и мерилom богатства для советских людей. И то, что они видели, оказывало на них гораздо более сильное влияние, чем слова идеологии и пропаганды об эксплуатации и каторжном труде.

Миллионы советских людей вошли в Германию как победители. Массы населения Германии бежали от Советской армии, бросая все свое имущество. Это усиливало видимость богатства. Причем богатство это было доступно. Оно рассматривалось как военные трофеи. Началось организованное и стихийное разграбление брошенных ценностей. И не только брошенных.

Военнослужащие полка стали стремительно «обарахляться». За трофеями снаряжались специальные машины и команды. Потом трофеи делились в полку в соответствии с чинами и званиями. Началась оргия посылок в Советский

Союз. Опять-таки по нормам. Я категорически отказался участвовать в «обарахлении» и в дележе трофеев. Я сказал себе, что, если даже под ногами у меня будут валяться бриллианты, я не унижусь до того, чтобы нагнуться за ними. Я до сих пор горжусь тем, что не взял в брошенных домах даже зубную щетку. Такое мое поведение вызывало недовольство у прочих офицеров полка. Они чувствовали себя грабителями, глядя на меня. Со мной имел длинный разговор новый замполит полка, убеждая меня в том, что трофеи есть законная плата немцев за ущерб, причиненный ими нашей стране. Я не оспаривал его мнение, но оставался при своем. Я говорил, что не имею ничего против того, что наши солдаты и офицеры подбирают вещи, брошенные немцами. Я лишь сам не хочу это делать принципиально.

Подавляющее большинство солдат и офицеров нашей армии вообще не имели возможности приобретать «трофеи» или получали ничтожные поделки. Грабежом Германии занималось меньшинство. Но все равно этих «барахольщиков» было много, и они влияли на общие настроения «барахольства» в армии. У нас в полку было несколько таких хапуг. Их презирали. Настоящими грабителями, однако, были офицеры, сержанты и солдаты частей, обслуживавших боевые части, специальные трофейные команды, старшие офицеры и генералы. Многие грабили очень практично, умело и со знанием дела. Они вывезли из Германии действительно огромные ценности. Выше я упоминал об офицере, который симулировал потерю ориентировки и стал адъютантом эскадрильи. После окончания войны он сразу же демобилизовался из армии. Уехал он с двенадцатью битком набитыми чемоданами. Не знаю, сумел он довести их до дома или нет. Он увозил вещи на первый взгляд бессмысленные, например швейные иголки и

копировальную бумагу для пишущих машинок. Но в то время такие вещи были дефицитом в России и стоили больших денег. Один из генералов нашей армии, случайно напоротившийся на забытую мину и раненный в ноги, уехал в Союз с двумя вагонами «барахла». В этом «барахле» были дорогие концертные рояли, мотоциклы, зеркала, фарфоровая посуда, серебряные и золотые столовые приборы, картины, рулоны мануфактуры, ящики вин. Уже находясь в резерве, я познакомился с бывшим офицером трофейной команды. Он уезжал домой «налегке»: с мешочком драгоценностей.

У этого офицера сложилась забавная судьба. Он был летчиком-истребителем, успешно летал, сбил несколько немецких самолетов, был награжден многими орденами, был сбит и ранен, после госпиталя допущен к полетам лишь на легкомоторных самолетах, стал летчиком связи при штабе корпуса. Однажды ему надо было доставить политического генерала в штаб армии. Он спяну потерял ориентировку и сел на территорию, занятую немцами. Генерал вылез из самолета. Летчик увидел немцев, бегущих к самолету. И генерал их увидел. Но летчик не стал ждать, пока генерал влезет в кабину, дал газ и пошел на взлет. Генерал успел схватиться за руль глубины. Схватился с такой силой, что прорвал обшивку. Так с генералом на хвосте, то подпрыгивая на несколько метров, то плюхаясь обратно на землю, самолет проскочил линию фронта. Генерал все-таки выжил. Летчик оправдался тем, что все-таки спас генералу жизнь. Из авиации его отчислили. И он через каких-то друзей устроился в трофейную команду.

* * *

Германия поразила нас также обилием общедоступных женщин. Практически доступны были все, начиная от двенадцатилетних девочек и кончая старухами. Сейчас мне

иногда приходится слышать, будто Советская армия насиловала немецких женщин.

В той мере, в какой мне была известна реальная ситуация, могу сказать, что это утверждение абсурдно. Когда мы вошли в Германию, немецкие женщины уже почти все были изнасилованы, если они вообще оказывали сопротивление. И почти все были заражены венерическими болезнями. В нашей армии за изнасилование судили военным трибуналом, а заболевших венерическими болезнями отправляли куда-то на принудительное лечение. Я видел однажды эшелон, полностью набитый такими больными. Вагоны (конечно, товарные) с больными сифилисом были запорты снаружи, окна были затянуты колючей проволокой. В одной деревне нас распределили на ночлег по домам. Хозяин дома, старик, вышел к нам и предложил в наше распоряжение дочь и внучку. В руках у него был лист бумаги, в котором расписывались те, кто пользовался его «гостеприимством». Немцы чувствовали себя соучастниками Гитлера и виновными в том, что немецкая армия творила в Советском Союзе. Они ожидали нечто подобное и со стороны Советской армии. И готовы были услужить чем угодно, и в первую очередь — женским телом. Надо сказать, что советские солдаты эту возможность не упускали. Сколько из них заболело венерическими болезнями, трудно сосчитать.

Моя служба на территории Германии началась с трагикомического случая. Я мог объясняться по-немецки. Поэтому некоторые офицеры, желавшие завести амурные дела с немками, обращались ко мне за помощью. В их числе оказался тот самый майор из политотдела дивизии, о котором я уже упоминал. Я познакомил его с очень красивой женщиной, на которой несколько ребят подцепили гонорею. Потом в дивизии потешались над тем, что «Зиновьев награ-

дил триппером майора К.». Тайну выдал он сам: обнаружив болезнь, он пожаловался на меня в Особый отдел.

Однажды в расположении полка задержали мальчика, прокалывавшего шилом шины наших автомашин и мотоциклов. Много лет спустя я рассказал об этом моим аспирантам из ГДР. Один из них покраснел и сказал, что это был не он. Но я подозреваю, что это был именно он, так как он был родом как раз из этого поселка и по возрасту подходил. Он стал членом компартии и сделал приличную карьеру.

ПОСЛЕДНИЕ БОИ

Хотя война перенеслась на территорию Германии, немцы воевали с ожесточением. Временами нам приходилось туго. Во время одного из боевых вылетов немцы сбили сразу четыре наших самолета. В этот вылет подбили и меня. В моей машине насчитали более тридцати пробоин.

Около Берлина мы впервые увидели в воздухе немецкие реактивные самолеты Me-262. Они вызвали у нас восхищение, а не страх. Война кончалась, и эти чудесные самолеты не могли изменить ее очевидный исход. Мы дважды подвергались их атакам и оба раза успешно отразили их. В 1982 году в Мюнхене мне позвонил человек, назвавшийся доктором Мутке. Он узнал обо мне от швейцарского генерала, читавшего мои книги и приглашавшего меня на конференции. Из разговора с ним я узнал, что во время войны он летал на Me-262 как раз на нашем участке фронта. Мы потом встречались не раз и подружились. Он, как и я, сохранил психологию летчика той войны.

Из-под Берлина наш полк перебросили в Чехословакию, где мы встретили капитуляцию Германии. На радости мы бросились на аэродром и расстреляли весь боевой

комплект в ознаменование победы. Но оказалось, что для нас война еще не окончилась. Нам пришлось воевать еще несколько дней. И эти полеты были не безопасными. Один летчик был подбит, сел в расположении противника. Его со стрелком сожгли живьем вместе с самолетом. У меня был поврежден руль глубины. При посадке тяга руля совсем оборвалась. Если бы я в воздухе сделал резкое движение, то гибель была бы неизбежна.

ПОБЕДА. ТОСТ СТАЛИНА

Война окончилась. Но я и многие другие летчики не испытывали по этому поводу ликования. Наоборот, мы жалели, что война кончилась. Роль смертника меня вполне устраивала. В этой роли я пользовался уважением, мне прощалось многое такое, что не прощалось тем, «кто ползал». С окончанием войны все преимущества смертника пропадали. Мы из крылатых богов превращались в ползающих червяков.

Этот перелом мы почувствовали сразу. Одного заслуженного летчика посадили под арест и затем судили офицерским судом чести за то, что не отдал честь штабному офицеру, старшему по чину. Судили в назидание другим, так как армия на глазах разлагалась. После нелепого и оскорбительного суда летчик застрелился. Узнав об этом, я понял, что мне не место в армии мирного времени, и принял решение при удобном случае демобилизоваться.

На банкете в Кремле в честь победы Сталин поднял тост за русский народ. Он имел в виду этнических русских. По поводу тоста я сочинил стихотворение. В 1975 году я восстановил его и включил в книгу «Светлое будущее». А тогда, в 1945 году, мне пришлось отречься от авторства, когда Особый отдел пытался найти автора.

Вот поднялся Вождь в свой невзрачный рост
И в усмешке скривил рот.

«Поднимаю, — сказал, — этот первый тост
За великий русский народ!

Нет на свете суровой его судьбы.

Всех страданий его не счесть.

Без него мы стали бы все рабы,

А не то, что ныне мы есть.

Больше всех он крови за нас пролил.

Больше всех источал он пот.

Хуже всех он ел. Еще хуже пил.

Жил как самый паршивый скот.

Сколько всяческих черных дел

С ним вершили на всякий лад.

Он такое, признаюсь, от нас стерпел,

Что курортом покажется ад.

Много ль мы ему принесли добра?!

До сих пор я в толк не возьму,

Почему всегда он на веру брал,

Что мы нагло вдали ему?

И какой народ на земле другой

На спине б своей нас ютил?!

Назовите мне, кто своей рукой

Палачей б своих защитил!».

Вождь поднял бокал. Отхлебнул вина.

Просветлели глаза

Отца.

Он усы утер. Никакая

вина

Не мрачила его лица.

Ликованием вмиг переполнился зал...

А истерзанный русский народ

Умиления слезы с восторгом лизал,

Все грехи отпустив ему наперед.

* * *

За время войны моя юношеская «социологическая болезнь» ослабла, но не исчезла насовсем. Время от времени она давала знать о себе, в особенности в связи с наградами, присвоением званий, продвижением по службе и прочими «бытовыми» явлениями, включая даже распределение женщин. Общие законы коммунизма тут действовали с циничной обнаженностью. Конечно, были многочисленные случаи, когда личные заслуги и способности играли роль. Но в общей массе их было не так уж много. Я не знаю ни одного случая, чтобы молодой человек за счет личных достоинств поднялся бы выше полковника. Стремительные карьеры совершались по законам сугубо социальным, а не профессиональным. Василий Сталин быстро стал генералом, будучи полным ничтожеством. Такого рода взлеты в карьере, как в Гражданскую войну, в эту войну были исключены. Тогда унтер-офицеры и младшие офицеры молниеносно поднимались на высшие военные должности. Гражданская война была войной революционной. Война же с Германией была войной уже установившегося коммунистического общества от внешнего нападения. В ней главную роль играли законы утвердившегося коммунизма, а не законы революционной эпохи. Несколько ускорились карьеры внутри каждого из трех (грубо говоря) слоев армейской иерархии — низшего, среднего и высшего. Лейтенанты быстрее продвигались в капитаны, майоры быстрее продвигались в полковники, генерал-майоры быстрее двигались к званиям генералов армий и маршалов. Это происходило за счет потерь, расширения армии и общего повышения людей в чинах и званиях. Но переход из низшего слоя в средний и из среднего в высший в массе почти не ускорился. И в подавляющем большинстве случаев такой

переход происходил не на основе реальных заслуг людей, а на основе социальных взаимоотношений, ничего общего не имевших с героизмом и талантом. Я этой проблемой интересовался специально. И если уж война не поколебала стабильность системы продвижения по служебной лестнице, так думал я, то тем более эта система должна стать стабильной в мирное время. Время Наполеонов прошло.

О ВОЙНЕ

Понимание причин, сущности хода и последствий войны есть один из пробных камней западного способа мышления. Мне приходилось вести сотни разговоров на темы прошлой войны с западными людьми самых разных категорий и национальностей. Я был поражен тем, как мало эти люди знали о войне и как извращенно они ее оценивали. Я не хочу сказать, что все люди на Западе таковы. При желании и тут можно найти знающих и понимающих людей, более или менее объективные книги. Я здесь имею в виду состояние массового сознания, причем в той мере, как мне это удалось заметить. Характерным для него, на мой взгляд, является игнорирование социальной сущности войны, искажение роли западных стран, недооценка роли Советского Союза и его армии, переоценка интеллекта западных политиков и вклада западных стран в разгром Германии. С методологической точки зрения характерным для западного способа мышления обо всем, что касается Советского Союза, является стремление найти некое сенсационное разоблачение неких секретов, одним махом объясняющих все. Одеревенелость и поверхностность суждений, ползучий эмпиризм и прочие явления мышления, которые мы в школьные годы называли «метафизическим»

способом мышления, оказались вполне реальными свойствами западного массового понимания важнейших событий современности.

В мою задачу не входит исследование войны как таковой. Я касался и намерен впредь касаться войны лишь постольку, поскольку она была фактором в моей жизни, конкретнее говоря, в моем жизненном эксперименте и в моем понимании советского общества. Лишь с этой точки зрения хочу обратить внимание читателя на некоторые уроки войны, которые я извлек лично для себя.

Выражение «мировая война» не является научным понятием. Оно обозначает лишь тот факт, что в войну вовлекаются страны, играющие в соответствующее время решающую роль в мировой истории. Но тем самым еще не определяется социальный тип войны. Чтобы охарактеризовать социальный тип войны, нужно охарактеризовать социальный тип стран, участвующих в войне, и их цели. А с этой точки зрения между Первой и Второй мировыми войнами имеется существенное различие. Первая мировая война была войной между социально одностипными противниками. Это была война за передел мира. Классическое описание этого типа войны дано Лениным, и я здесь не хочу повторять общеизвестные истины на этот счет. Что же касается Второй мировой войны, то тут сложилась прочная традиция умолчания относительно ее социального характера. Советская концепция вносит некоторое разнообразие, рассматривая эту войну со стороны Советского Союза как войну отечественную. Но слово «отечественная» несколько не характеризует социальный аспект войны.

Я утверждаю, что Вторая мировая война была социально неоднородной. Она содержала в себе два типа войн: империалистическую войну в ленинском смысле (войну одностипных капиталистических стран за передел мира) и

войну социальную, т.е. войну между двумя социальными системами — между капитализмом и коммунизмом. Война гитлеровской Германии против Советского Союза была, по существу, попыткой стран Запада раздавить коммунистическое общество в Советском Союзе. Причем это не была война одинаково виновных с точки зрения ее развязывания партнеров. Инициатива исходила со стороны Запада хотя бы по той причине, что Советский Союз к войне подготавливаться не успел.

Социальная война как составная часть Второй мировой войны, причем главная и фундаментальная ее часть, показала, что коммунистический социальный строй способен выдерживать трудности и катастрофы эпохального и глобального масштаба. Он родился в результате Первой мировой войны как следствие катастрофальной ситуации в России и как средство преодоления этой ситуации. И в годы после революции, в годы Второй мировой войны и в последующие годы после нее он доказал со стопроцентной очевидностью, что он есть социальный строй, как будто специально приспособленный для самосохранения страны в условиях грандиозных трудностей и для преодоления их. В эти годы стало также очевидно, что этот социальный строй не способен успешно конкурировать с капиталистическим строем в сфере экономики и поднять жизненный уровень населения выше такового в странах Запада. Но это бесспорное обстоятельство несколько не колеблет первое, а именно поразительную способность коммунистических стран выживать в условиях, невыносимых для стран Запада. И с этим объективным обстоятельством Запад должен так или иначе считаться. Поток слов, скрывающих это, можно затуманить сознание людей. Но словами не уговоришь историю эволюционировать в том направлении, как хотелось бы.

Бесспорно, что страны Запада помогли Советскому Союзу разгромить гитлеровскую Германию. Но ведь они это сделали не из любви к коммунизму. Сначала они приложили титанические усилия к тому, чтобы направить гитлеровскую экспансию на Советский Союз. Стать союзниками Советского Союза их вынудили исторические обстоятельства. Важен фактический результат: они помогли. Вторая мировая война переросла в войну социальную. Коммунизм вышел победителем из нее. Инициатива мировой истории перешла к коммунизму. Капитализм оказался в позиции обороны. Проблема реального коммунизма и его исторических перспектив стала главной проблемой современности. И никаких иных, более глубоких, «секретов» во Второй мировой войне нет. Всякого рода «новые» ее концепции касаются лишь хода войны и ее второстепенных событий, а не ее сути, или являются лишь новыми формами фальсификации истории.

* * *

В начале войны несколько миллионов советских военнослужащих оказались в плену у немцев. Многие люди на Западе усматривали и до сих пор усматривают в этом признак отрицательного отношения к советскому социальному строю. Это мнение абсурдно. В плен сдавались целые подразделения, даже армии. Сдавались не из ненависти к коммунизму, а в силу военной безвыходности положения, бездарности командования и других причин, не имеющих ничего общего с отношением людей к своему социальному строю. Под Сталинградом в плен сдалась армия Паулюса вовсе не из-за того, что немцы вдруг невзлюбили национал-социализм. Когда в плен сдается целое подразделение, мнение отдельных солдат не спрашивают. Конечно, многие советские люди сотрудничали с немцами. Но мно-

гие ли из них делали это из ненависти к советскому социальному строю?! Большинство делало это из шкурнических соображений, из желания просто выжить, из страха. Среди советских людей шкурников, трусов, подлецов, приспособленцев, двурушников имеется не меньше, чем среди западных людей. Приписывать массам советских людей поступки в силу ненависти к социальному строю — значит сильно идеализировать их. Можно не любить советский строй и мужественно сражаться на войне за него. Можно любить его и быть при этом трусом и предателем. Генерал Власов стал предателем, потому что ему не повезло. Сложись иначе его военная судьба, он вошел бы в число сталинских холуев. Советская официальная концепция войны утверждает, что война была освободительная и отечественная, что советские люди были охвачены чувством патриотизма и благодаря этому мы победили. Не спорю, в массе народа было много патриотов. Но победа в войне была прежде всего победой социального строя страны и лишь во вторую очередь победой патриотизма, героизма и прочих общечеловеческих качеств.

Абсурдно также мнение, будто советские люди сражались за Родину, а не за советский социальный строй. Ко времени начала войны коммунистический строй для большинства советских людей стал их образом жизни, а не политическим режимом. Отделить его от массы населения было просто невозможно практически. Хотели люди этого или нет, любая защита ими себя и своей страны означала защиту нового социального строя. Россия и коммунизм существовали не наряду друг с другом, а в единстве. Разгром коммунизма в России был равносителен разгрому самой России. Победа России означала победу коммунизма.

Несмотря ни на какие потери в первые месяцы войны, несмотря на превосходство немцев в технике и организа-

ции операций, в моем окружении я не встречал ни одного человека, который не верил бы в нашу победу. Конечно, тут играла роль боязнь людей высказываться откровенно. Но дело не только в этом. Уверенность в победе базировалась на факторах, которые были очевидны для всех нас и общеизвестны. Главные из этих факторов суть способность самого коммунистического социального строя выживать в трудных условиях и неоднородность стран, считавшихся «капиталистическим окружением». Мы знали о том, что западные страны вроде Англии, Франции и США гораздо больше боялись победы гитлеровской Германии, чем нашей. Они были уверены в том, что победа Германии была бы для них катастрофой. Мы были уверены, что страны Запада, враждующие с Германией, рано или поздно присоединятся к нам в борьбе с Германией и помогут нам разгромить ее.

* * *

Считается, что наши слабости суть продолжения наших достоинств. Но в такой же мере верно и другое: наши достоинства суть продолжения наших слабостей. Во всяком случае, война обнаружила, что в отношении Советского Союза было верно как то, так и другое. Нужно было быть слепым, чтобы не заметить, что как сила, так и слабость Советского Союза проистекали из одного и того же источника — из его социального строя.

Поражения начала войны обычно сваливают на высшее руководство страной и на Сталина лично. Но ведь уже перед войной в основном сложилась коммунистическая организация населения страны и система власти и управления, пронизывающая все общество. Уже тогда дала о себе знать низкая степень деловой эффективности коммунистической системы, причем даже в таком деле, как подготов-

ка к войне. Эта система обнаружила способность сравнительно быстро поднимать страну из состояния разрухи до некоторого уровня, высокого сравнительно с уровнем разрухи. Но она при этом быстро достигала потолка, и в действие вступали тенденции к застою, к разрастанию бюрократии, к волоките, к очковтирательству и другие явления реального коммунизма, о которых лишь теперь заговорили в Советском Союзе. Впрочем, и теперь говорят о них как о недостатках, которые явились результатом ошибок прошлого руководства и которые можно преодолеть. Начав «думать по-новому», советские руководители так и не рискнули углубиться до объективных законов своего общества как главной причины уже очевидных всем недостатков.

Поражения начала войны вынудили советское руководство к тому, чтобы использовать преимущества советского строя, позволяющего мобилизовать все силы и все ресурсы страны на оборону и использовать их централизованным образом. При этом не надо думать, что перед войной и в начале войны проявились лишь негативные свойства строя, а потом — лишь позитивные. Во все периоды действовали и те и другие. Просто в различных условиях получали некоторые преимущества те или другие.

В оценке возможностей и способностей коммунистического строя надо быть диалектиком в хорошем смысле этого слова, т. е. проявлять гибкость мышления, избегать односторонности и одеревенелости мысли. Это я заметил уже тогда на массе жизненных примеров. Вот некоторые из них, на которые я обратил внимание еще в годы войны. Перед войной в армии произошла «чистка», было арестовано огромное число командиров всех рангов, особенно высших. Это катастрофически сказалось на состоянии высшего командного состава армии и внесло свою долю в поражения начала войны. Но нет худа без добра. Эти репрес-

сии привели к обновлению низшего и среднего командного состава армии. На место малограмотных командиров пришли люди со средним и высшим образованием. И этот фактор сыграл важнейшую роль в войне. В свое время Бисмарк сказал, что в битве при Садовой победил немецкий народный учитель. О нашей войне можно сказать (разумеется, в том же метафорическом смысле), что в ней победил советский десятиклассник, т.е. выпускник советской школы тридцатых годов.

Тысячи летчиков стали готовить с самого начала войны. Готовили медленно, причем не с сознательным намерением замедлить процесс подготовки, а потому что не могли делать быстрее в силу общих принципов организации всякого дела. Но опять-таки эта медлительность сыграла и свою положительную роль. К концу войны накопили огромные резервы летчиков. Аналогично произошло с самолетами. К концу войны страна имела мощную авиацию.

Война шла долго, а между тем никто из тех образованных и способных молодых людей не поднялся в ряды высшего командования. Последнее так и сохранили за собою люди, ставшие генералами еще до войны и бывшие сталинскими «выдвиженцами». В этом была серьезная слабость Советской армии. Не только слабость, но и сила. Война была не просто решением «технических» задач убийства солдат противника. Это было прежде всего социальное сражение. Главным было удержать армию под социальным контролем, а не «технические» военные проблемы.

Понимало это сталинское командование или нет, оно действовало в духе времени и возможностей.

Вследствие поражений начала войны пришлось самые важные в военном отношении предприятия эвакуировать в глубокий тыл и создавать новые. Волонтаристские сталинские методы сыграли при этом свою положительную

роль в смысле ускорения темпов создания военной промышленности и рационализации ее работы, в смысле преодоления косности бюрократической системы управления. Одновременно сталинистский волюнтаризм становился препятствием в проявлении положительных качеств государственного-бюрократической системы управления.

Одним словом, наблюдая предвоенную ситуацию в стране и ход войны с позиций человека, погруженного в самые недра советского общества, я накопил достаточно материала, чтобы сделать для себя вывод: если я хочу понять сущность, внутренние механизмы, объективные закономерности грандиозного жизненного потока, я должен снова начать учиться.

* * *

Невозможно в деталях проследить, какими путями формируется мировоззрение и характер человека. Хотя я себя в этом отношении делал сам и постоянно занимался самоанализом, все равно многое из того, что когда-то играло роль, испарилось бесследно. Иногда серьезные, казалось бы, события и явления не оказывают никакого влияния на этот процесс. А иногда пустяки производят перевороты в сознании. Еще до войны, работая в секретном отделе полка, дивизии и корпуса, я просматривал немецкие карты и схемы расположения наших войск, составленные немецкой разведкой. Эти материалы наша разведка, в свою очередь, как-то раздобыла у немцев. Эти карты и схемы были сделаны лучше, чем наши собственные. Офицеры отдела подшучивали в связи с этим над немецкой аккуратностью. Меня особенно сильно поразил такой факт. На одной схеме расположения нашего полка была точно обозначена уборная. Уборная эта переполнилась, ее закрыли и засыпали, и на новом месте построили новую. Через ка-

кое-то время мне попалась на глаза новая немецкая схема, и на ней было отмечено, куда переместилась уборная. Прислушиваясь к разговорам офицеров отдела, я узнал, что немцы знали о положении в нашей стране и в армии лучше, чем само наше руководство и командование. Немцы педантично изучали жизнь нашей страны и фиксировали все до мельчайших деталей вроде той, о которой я упомянул выше. И, несмотря на это, они ровным счетом ничего не поняли в сущности советского строя, допустили грубейшие ошибки в оценке жизненного и военного потенциала страны. Для нас это стало ясно уже к концу 1941 года. А еще до войны в тех разговорах о немецкой педантичности я слышал высказывание о том, что немцы «за деревьями не видят леса». Один из офицеров, посмеявшись над историей с уборной, рассказал историю с немецкой энциклопедией, в которой педантично проверили весь текст, но проглядели ошибку на обложке: там было написано «Энциклопудия». Не знаю, насколько этот анекдот верен исторически. Но он оказался по существу пророчески верным.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ

Бесспорно, окончание войны было огромной радостью для всего населения страны. Но плодами победы и достоинствами наступившего мира воспользовались далеко не все. Для большинства русских наступил период, может быть, еще более трудный, чем во время войны. Плодами победы воспользовались прежде всего самые ловкие приспособленцы и те, кто по своему положению в обществе попадал в привилегированные слои. Это ощущалось и в армии. Я уже говорил выше об иерархии в распределении наград и трофеев. Теперь эта оргия продолжалась с удвоенной силой. После войны те, кто не принимал участия в боях, но числился находящимся на фронте, был в чинах или был близок к ним, получили во много раз более наград, чем во время войны. Боевые критерии оценки людей, еще имевшие силу на низших уровнях армии, стали уступать место критериям мирного времени. Теперь главным становилось не то, как ты маневрировал в разрывах зенитных снарядов, как ускользал от «мессеров», как стрелял и бомбил, а то, как ты выглядел внешне, как заправлял койку, как вытягивался перед начальством и щелкал каблуками, как обращался с подчиненными.

Меня должны были назначить старшим летчиком. Но командир звена, считавшийся моим другом во время войны и сразу же «перестроившийся» теперь, написал мне в характеристике, будто я не работаю с подчиненными, зло-

употребляю алкоголем и имею контакты с местным населением. С подчиненными я не работал в том смысле, что продолжал сохранять дружеские отношения, какие были приняты во время войны, но стали рассматриваться как «запанибратские» теперь. Пил я не больше моего командира звена, причем обычно в компании с ним. Мои контакты с местным населением заключались в том, что я служил переводчиком для офицеров полка, желавших познакомиться с немецкими «бабами». Как бы то ни было, характеристика сработала, и старшим летчиком назначили недавно прибывшего в полк летчика, который был инструктором в УТАПе (учебно-тренировочный авиационный полк), но в боях не принимал участия. Я, разумеется, не мог не реагировать на такую несправедливость и стал еще более явно демонстрировать свое пренебрежение к тем порядкам, которые теперь начинали господствовать.

Открылись возможности для поступления в военные академии, в школы высшего пилотажа и летчиков-испытателей. Места в эти учебные заведения распределялись по полкам. Первые счастливицы, однако, как правило, не смогли сдать вступительные экзамены даже на подготовительный курс. В полку организовали своего рода курсы по подготовке к поступлению в академии (в летную и в инженерную). Я стал натаскивать намеченных кандидатов по математике. В награду за это и меня решили было послать учиться в Академию имени Жуковского в Москву, считая, что я единственный из кандидатов полка могу сдать экзамены сразу в академию, а не на подготовительный курс. Но и тут вступили в силу неписанные коммунистические правила жизни в мирное время. На меня поступил рапорт командира эскадрильи, в котором сообщалось, что я не изучал опыт Великой Отечественной войны и даже отвергал это в принципе. В доносе была большая доля истины. Опыт вой-

ны я не изучал, поскольку я его имел. А то, что считалось изучением этого опыта, было пустой формалистикой для отчетов начальству. Что касается принципиального отношения к опыту войны, то я действительно однажды открыто высказал следующее. После Гражданской войны мы до начала войны с Германией изучали опыт первой. А к чему это привело? Только отказавшись от этого опыта, мы остановили немцев. Надо думать не о прошлой войне, а о будущей. Опыт прошлых войн, как правило, бывает негативен. Наши Илы скоро снимут с вооружения. Кстати сказать, и на самом деле вместо наших же устаревших машин появились новые штурмовики Ил-10. Хотя скорость у них была несколько больше, чем у Ил-2, они тоже были уже прошлым авиационной техники. Немецкие Me-262 показали, в чем состояло будущее авиации. Вот эти мои слова, очевидные для всех, но лицемерно считавшиеся ложными и вредными («непатриотичными»), и были теперь инкриминированы мне. В академию меня в этот раз не послали. Я был этому рад. Но факт сам по себе подействовал на меня все в том же направлении. Общество проявляло свое враждебное отношение ко мне не какими-то грандиозными действиями, а мелкими укусами со стороны моего ближайшего окружения. Когда мой бывший друг командир звена сказал как-то, что он действовал из дружеских чувств ко мне, я ответил ему старой пословицей: «Избави меня, Боже, от моих друзей, а от врагов я избавлюсь сам».

По окончании войны усилилось моральное разложение участвовавшей в боях армии. Упала дисциплина. Заставить людей, видавших смерть в лицо, безропотно подчиняться начальству и выполнять уставные требования, было невозможно практически. Стало расти число всякого рода мелких и крупных преступлений. Попытки удержать людей от контактов с местным населением потерпели сокру-

шительный крах. Началась буквально эпидемия венерических заболеваний. Но самое главное — началось идейное разложение армии. Миллионы людей посмотрели, как живут в Европе, сравнили с тем, как живут в России, и сделали свои выводы. О тяжелом положении в России и о пропагандистской лжи стали говорить открыто. Усилилась оргия доносов. Усилилась деятельность «органов». Такую армию, однако, уже нельзя было привести в «нормальный» вид никакими мерами. Началась массовая демобилизация, отвод боевых частей в Союз и замена их другими, не воевавшими, замена боевых офицеров тыловиками. Стали демобилизовывать и боевых офицеров, сделавших во время войны успешную карьеру, привыкших к войне, ставших кадровыми офицерами и надеявшихся на продолжение службы в армии. Это добавило свою большую долю в моральную, психологическую и идеологическую атмосферу того времени. Стали учащаться случаи самоубийств и серьезных преступлений (вплоть до убийств) на почве психических срывов.

* * *

В начале мая 1946 года в связи с празднованием 1 Мая и затем годовщины взятия Берлина, капитуляции Германии и Дня Победы началась вспышка пьянства. Летали мы вследствие этого довольно плохо. В полк приехало высокое начальство во главе с командиром корпуса стружку снимать, т.е. читать нотации. Командир корпуса сказал, что если мы не хотим летать, то нас в армии держать не будут, и поставил угрожающий вопрос: «Кто не хочет служить в армии?». Я поднял руку. Это произвело на высокое начальство совсем не то впечатление, на какое я рассчитывал. Начальство было взбешено. Оно не ожидало, что кто-то из нас осмелится на это. Оно предполагало, что мы все будем цепляться за армию, так как тут была райская жизнь,

а на гражданке был голод. Мне приказали подать рапорт с просьбой об увольнении из армии. Подать, как положено, по инстанциям. Я так и поступил. Пока мой рапорт двигался по инстанциям, началось расформирование многих частей оккупационной армии и массовая демобилизация офицеров. Расформировали и наш полк. Демобилизовали большинство летчиков, включая самого командира полка. Для многих это была неожиданная трагедия. А меня вопреки моей просьбе не демобилизовали. Именно потому, что я не хотел служить в армии, меня не хотели отпустить из нее. Мои сослуживцы сильно возмущались по этому поводу. Особенно возмущался мой бывший друг, командир моего звена, написавший на меня подлую характеристику-донос.

Мой рапорт об увольнении из армии достиг наконец-то самого командующего воздушной армией генерал-полковника (вскоре он стал маршалом авиации) Красовского. Было приказано откомандировать меня в распоряжение штаба армии. Я решил, однако, уйти из армии, чего бы это мне ни стоило. Но, чтобы жить в Москве, я должен был передать документы в тот военкомат, в котором я призывался в армию в 1940 году. Но это был военкомат не того района, где я был прописан в Москве. Кроме того, в моем личном деле накопилось много такого, что могло мне повредить после демобилизации. Поэтому мне пришлось приложить усилия к тому, чтобы подчистить мой послужной список. В результате моя военная биография стала сильно обедненной, но зато из нее было изъято все то, что могло насторожить заинтересованных лиц в Москве. Предосторожность оказалась не напрасной. Это был все-таки 1946 год. «Органы» занялись основательной проверкой поведения людей во время войны. В моем окружении несколько бывших заслуженных офицеров попали в сталинские лагеря за проступки, которые теперь кажутся смехотворными и неправдоподобными.

Надеюсь, читатель не сочтет меня уголовником за те мошеннические проделки, к которым мне приходилось прибегать неоднократно. От них никто не страдал. А без них я просто не выжил бы. Я их считал и считаю до сих пор морально оправданными.

В конце мая меня вызвал командующий воздушной армией генерал Красовский. Он уговаривал меня остаться в армии, обещая назначить командиром звена. Это он сделал не потому, что я был выдающимся летчиком — я таковым не был, — а потому, что я сам хотел покинуть армию. Я от предложения генерала отказался.

После встречи с Красовским меня отчислили в резерв. Жил около Вены. Жил на частной квартире вместе с бывшим летчиком-истребителем Ш-м. Его уволили из армии за пьянки и дебоши. Никто нас не контролировал, и мы все время проводили в Вене, переодевшись в гражданскую одежду. Я полюбил этот город всей душой. У нас завелись хорошие знакомые. Один раз мы попали в облаву в американском секторе. Узнав, что мы советские офицеры, нас отпустили и даже подвезли до нашей зоны. Если бы об этом узнали наши, нам дали бы, как минимум, по десять лет лагерей.

* * *

Наконец нас демобилизовали. На границе у меня отобрали почетное оружие, полученное за образцовый сбор окурков и битых бутылок. Это был перст Судьбы. Если бы этого не случилось, моя жизнь закончилась бы значительно раньше. Василий, на свою беду, провез трофейный пистолет. В моем наградном свидетельстве он вытравил мое имя и вписал свое. В то время, кстати, подделка документов приняла такие масштабы, каких еще не знала история России.

В конце июля 1946 года мы с Василием прибыли в Москву с Киевского вокзала и... нас сразу же остановил военный патруль и отправил в военную комендатуру: оказалось, что мы одеты были не по форме — на наших гимнастерках были пластмассовые пуговицы. Военная комендатура находилась на проспекте Мира, в десяти минутах ходьбы до дома, где я жил до войны и намерен был жить теперь. В комендатуре таких, как мы, собралось больше ста человек. Настроение было отвратное. Открыто ругали все на свете, включая власть и даже самого Сталина. Многие срывали погоны и бросали их под ноги. Мы с Василием поступили так же. Часа через два к нам явился офицер комендатуры с приказанием военного коменданта города заниматься с нами строевой подготовкой. Мы все единодушно отказались. Все собранные тут были боевыми офицерами, награжденными многими орденами и медалями за настоящие бои. Многие имели ранения. Так что справиться с такой массой готовых к бунту людей было не так-то просто. Нас до вечера держали во дворе комендатуры без еды и воды. Когда возмущение достигло предела, нас отпустили. Самое большее, чем мы могли отомстить за такое унижение, это было то, что мы загадили весь двор и даже коридоры комендатуры. Когда там хватились и хотели было заставить нас убирать за собой, было уже поздно: мы прорвались на улицу. Расходясь, офицеры громко кричали, что «этот социалистический бардак надо взорвать к чертовой матери». Они открыто высказали общее настроение демобилизуемой армии — «перевернуть все дома», «начать жить по-новому». Но эти умонастроения оказались еще не настолько сильными, чтобы осуществить этот переворот сейчас же. Да и условий для переворота еще не было...

Вечером мы с Василием пришли в подвал дома номер 11 на Большой Спасской улице. Наш подвал был в еще бо-

лее ужасающем состоянии, чем до войны. В нашей комнатухе жили отец и сестра с мужем. Ночь мы не спали. Рано утром отец, сестра и ее муж ушли на работу, и мы смогли пару часов поспать на их кроватях. Спали не раздеваясь и даже не снимая сапог.

Еще по дороге в Москву мы выработали планы будущей жизни. Василий едет к себе домой в свою деревню около Орла, оформляет документы (вернее, «делает» их) и через некоторое время приезжает в Москву. Я должен был за это время найти ему «бабу», т. е. какую-нибудь женщину, готовую за взятку выйти за него замуж и вследствие этого дать ему московскую прописку. Потом Василий нашел бы подходящую работу в Москве. Главное — зацепиться за Москву хотя бы одним пальцем, а там он приспособится. Выражение «зацепиться» хотя бы одним пальцем» для нас имело образный смысл: в армии мы научились вскакивать в кузов быстро мчащегося грузовика, цепляясь за борт сначала буквально одним пальцем. Мне о московской прописке думать не надо было. Но это упрощало мои проблемы лишь в ничтожной мере. Я проводил Василия на вокзал. Как демобилизованный он мог достать билет на поезд, простояв в очереди всего-навсего часа два. Простые смертные стояли в очередях сутками.

Несколько дней у меня ушло на мои дела — военкомат, милиция, продовольственный пункт. Выполнив все формальности, я отправился в Московский университет. Я решил поступить на заочное отделение философского факультета и попытаться устроиться на работу по моей военной профессии. После университета я направился с письмом генерала Красовского в управление ГВФ. Там было столпотворение. Не только коридоры здания, но и прилегающие улицы были забиты сотнями военных летчиков, жаждавших получить хоть какую-то работу в ГВФ.

Многие еще были в погонах, особенно старшие офицеры. Все были в военной форме и во всех регалиях. Мои шансы были близки к нулю. Но я еще надеялся на письмо Красовского. Я с большими усилиями протиснулся внутрь помещения, поймал какого-то служащего и попросил его передать письмо Красовского его другу, занимавшему тут высокий пост. Через час меня вызвали к этому человеку. Разговор был короткий.

Он обещал меня устроить вторым пилотом на небольшом транспортном самолете в отряд, формируемый в Москве и предназначенный для работы на севере России. Но за это я должен был дать ему приличную сумму денег. Денег у меня было немного, но они все же были: во время войны и службы за границей заработная плата летчиков накапливалась в расчетной книжке.

И теперь я эти деньги мог использовать. Пришлось дать взятку. В тот же день мне дали направление в авиационный отряд.

* * *

Карьера гражданского летчика мне, к счастью, не удалась. Работать предстояло в Коми, севернее Сыктывкара. Условия были кошмарными. Летчики беспробудно пьянствовали и резались в карты. Ни о какой учебе и речи быть не могло. Уже через неделю я уволился и вернулся в Москву. Перевелся на очное отделение факультета. И уехал в деревню к матери.

Встречу с матерью я описал в стихотворении, которое много лет спустя (в 1982 году) включил в книгу «Мой дом — моя чужбина» в качестве послесловия:

Есть Родина-сказка.

Есть Родина-быль.

Есть бархат травы.
Есть дорожная пыль.
Есть трель соловья.
Есть зловещее «кар».
Есть радость свиданья.
Есть пьяный угар.
Есть смех колокольчиком.
Скрежетом мат.
Запах навоза.
Цветов аромат.
А мне с этим словом
Упорно одна
Щемящая сердце
Картина видна.
Унылая роща.
Пустые поля.
Серые избы.
Столбы-тополя.
Бывшая церковь
С поникшим крестом.
Худая дворняга
С поджатым хвостом.
Старухи беззубые
В сером тряпье.
Безмолвные дети
В пожухлом репье.
Навстречу по пахоте
Мать босиком.
Серые пряди
Под серым платком.
Руки, что сучья.
Как щели морщины.

И шепчутся бабы:
Глядите, мужчина!
Как вспомню, мороз
Продирает по коже.
Но нет ничего
Той картины дороже.

Мать готовилась к отъезду в Москву с последними оставшимися с ней двумя детьми. Наша деревня, как и многие другие, прекратила существование. От нашего некогда богатого дома осталась лишь часть сруба. Мать жила в соседней деревне в старом, полуразвалившемся доме. Встречу с матерью я описал в эпилоге к поэме «Мой дом — моя чужбина». Я готов был увидеть нищету русских деревень. Но то, что я увидел в реальности, превысило всякие мрачные предположения. Сборы были короткими. Уже через день мы навсегда покинули наш Чухломской район. Билеты на поезд пришлось приобретать за взятку, с черного хода. Да нам еще повезло: начальник станции был наш знакомый. Ехали в Москву целые сутки, хотя расстояние было всего шестьсот километров.

В конце августа 1946 года наша семья окончательно перебралась в Москву. Теперь в подвале на Большой Спасской улице поселились отец, мать, сестра Анна с мужем, я и мои младшие брат и сестра. Сестре Антонине было одиннадцать лет, брату Владимиру пятнадцать. Вскоре к нам присоединился брат Николай, демобилизовавшийся из армии. Два брата (Василий и Алексей) служили в армии. Василий был в офицерской школе, Алексей отбывал воинскую повинность. Он присоединился к нам в 1948 году. У сестры скоро родился сын.

Начались годы жизни, которые я называю сумасшедшими.

СУМАСШЕДШИЕ ГОДЫ

Положение в стране оказалось много хуже того, как мы его представляли по слухам, живя за границей в сказочном благополучии. Годы 1946—1948-й были в истории страны, может быть, такими же трудными, как годы Гражданской войны и послереволюционной разрухи. Война все-таки вымотала страну до предела. Миллионы людей были оторваны от нормальной жизни и привыкли к военной, в некотором роде беззаботной жизни. Переход к мирной жизни оказался весьма болезненным. Мы выстояли эти годы только благодаря тому, что собрались вместе.

Мне как демобилизованному офицеру были положены кое-какие продукты питания на целый месяц — хлеб, мука, крупа, сахар. Случилось так, что я смог отовариваться (т.е. получить эти продукты) лишь после переезда матери с детьми в Москву. Когда я принес это сказочное богатство домой, у нас началось буквально опьянение от еды. За все годы колхозов и войны мать, младшие братья и сестра даже мечтать не могли о таком хлебе, какой я принес, и о таком сладком чае. Да и остальные члены семьи поголодали основательно.

Моя стипендия была мизерная. Так что я должен был подрабатывать. Я работал грузчиком, землекопом, вахтером, маляром, лаборантом на кирпичном заводе, инженером в инвалидной артели детской игрушки. Подрабатывать приходилось по вечерам и по ночам — днем я должен был посещать университет. Хотя на посещаемость бывших фронтовиков смотрели сквозь пальцы, пропуски занятий все же были нежелательны с точки зрения интересов учебы. Программа была чрезвычайно напряженная. Мы изучали математику, физику, биологию, историю, литературу

и т.д. И ко всему прочему, надо было выкраивать время на «культурное» времяпровождение, т.е. на пьянство и развлечения.

Эти годы дали мне массу материала для литературной деятельности, но если бы мне предложили пережить их снова, я отказался бы. Это были годы бытовой нищеты, разочарований и вынужденной преступности. Не хочу лишний раз говорить о том, в каких бытовых условиях мы жили. Чтобы как-то улучшить их, мы начали изнурительную борьбу за то, чтобы превратить в жилую комнату для сестры с мужем и ребенком часть подвала площадью в 6 кв. м, использовавшуюся до войны под склад для дров и картошки. Практически эта часть подвала пустовала. Тут не было пола. И вместо окна была отдушина, через которую лазили кошки. Битва продолжалась почти два года. Мы писали заявления во все органы власти, писали письма депутатам всех уровней, писали Ворошилову, Буденному и самому Сталину. Участие в нашем сражении принял агитатор с избирательного участка, бывший офицер-фронтовик. Тогда он донашивал военную одежду, ютился в комнатухе вроде нашей, работал на какой-то маленькой должности в каком-то министерстве. Со временем он сделал карьеру и стал очень важной персоной (кажется, заместителем министра). Но в 1946—1948 годы он был одним из таких, как мы, и оказал нам помощь огромную. Разрешение на комнатку мы получили.

* * *

Я сказал, что это были годы вынужденной преступности. Вообще в годы войны и в послевоенные годы (особенно в эти, сумасшедшие) неслыханных размеров достигла подделка и изготовление всякого рода документов. За большие деньги можно было купить даже документы на

звание «Героя Советского Союза», включая изготовление фальшивых газет с Указом Президиума Верховного Совета СССР о присвоении этого звания. По знакомству и за взятки можно было приобрести любые справки. Техника подделки справок и вообще документов была обычно примитивной. Хлором, который в изобилии находился в общественных туалетах, вытравливали один текст и вместо него вписывали другой — документы обычно заполнялись чернилами или химическим (чернильным) карандашом от руки. Печати делались на бумаге химическим карандашом или чернилами, переводились на круто сваренный яичный белок и затем переводились на нужную бумагу. Такие подделки, как правило, не разоблачались потому, что их было слишком много и разоблачение их не имело смысла. Они немного облегчали жизнь людям и фактически выполняли работу, которую, по идее, должно было бы выполнять государство. Разумеется, бесчисленные жулики наживались на этом. И многие из них разоблачались, судились и пополняли ряды заключенных. После войны число репрессированных стало стремительно расти.

Помимо махинаций с документами люди совершали массу других преступлений, включая спекуляцию, обман и просто воровство. Я приведу несколько примеров из моей личной жизни. Эти примеры далеко не самые худшие. Но они достаточно наглядно характеризуют вынужденную преступность в массе обычных людей, совсем не склонных к преступности. Преступность уголовная и преднамеренная выростала на основе этой безобидной бытовой преступности, была ее крайней формой.

Вечерами я вместе с другими студентами ходил довольно часто на железнодорожные станции разгружать вагоны с картошкой, с каким-то оборудованием в ящиках, с дровами и иногда с фруктами и съедобными в сыром виде

овощами. С нами часто расплачивались не деньгами (деньги оставляли себе бригады и более высокие начальники), а картошкой, яблоками, морковью.

Картошку мы уносили домой, а яблоки и морковку поштучно продавали у вокзала. Приходилось часть выручки отдавать милиционерам, дежурившим у вокзала. Если бы нам платили за работу в соответствии с государственными нормами, работать никто не стал бы. Поэтому наши бригады преувеличивали в отчетах сделанное нами во много раз, порою в десять раз. Мы невольно становились участниками обмана. Об этом обмане знали все. Он был нормой. Ненормальными были сами нормы оплаты. Конечно, на этой основе вырастали и серьезные преступления. Однажды мы вдесятером, согласно бумагам, разгрузили за четыре часа целый эшелон бревен, так и не дошедший до Москвы. Дельцы продали эти бревна налево, заработав огромные деньги. Их разоблачили и судили. Мы ускользнули от правосудия: мы в таких случаях никогда не называли свои настоящие фамилии и адреса.

Несколько месяцев я работал лаборантом на кирпичном заводе под Москвой. Работал точно так же ночами. Я описал эту работу в «Зияющих высотах». Туча паразитов из научно-исследовательского института решила усовершенствовать безнадежно устаревшую и фактически неподдающуюся улучшению технологию изготовления кирпича. Для этого на заводе установили множество приборов. Задача лаборантов заключалась в том, чтобы записывать показания приборов. Если бы мы это делали так, как от нас требовали московские паразиты-ученые, мы должны были бы всю ночь напролет бегать, высунув язык, по цехам завода.

А мы все были студенты. К тому же некоторые из нас прошли войну и выработали в себе находчивость. Мы ско-

ро установили, что показания приборов колеблются около устойчивых величин, и стали записывать показания приборов, не глядя на сами приборы. На это уходило не более получаса. Остальное время мы занимались и спали. Так мы заполняли фиктивными данными сотни томов. Эти данные затем изучали десятки кандидатов и докторов наук в Москве, строя столь же фиктивные теории. Причем эти их теории вообще не зависели от того, какие данные лежали в их основе. Это был коллективный обман, устраивавший сотни людей в самых различных учреждениях. Уголовно он был ненаказуем и не разоблачен.

* * *

Участвовал я и в съемках фильма «Сказание о земле Сибирской» — бегал в толпе «татар» в полосатом халате и с деревянной саблей в эпизоде покорения Сибири Ермаком.

Был донором — у меня была какая-то очень ценная кровь. Меня подкармливали и платили неплохо, но надо было прекратить пьянство. Я на это пойти не мог не из-за безволия, а из принципа. И от выгодной «работы» пришлось отказаться.

Был подопытным кроликом в Институте авиационной психологии. В мою задачу входило решать математические задачи в барометрической камере. Думаю, что эти исследования были связаны с подготовкой к космическим полетам. Платили очень хорошо. Но от моих услуг скоро отказались: я задачи решал одинаково быстро и верно в любых условиях.

Был еще один источник средств существования — спекуляция хлебом. Делали мы это с университетским приятелем так. Он имел связь с женщиной, работавшей в канцелярии факультета. Она давала нам бланки справок, а так-

же бланки отпускных и командировочных свидетельств. Мы их заполняли на вымышленных лиц. Я делал штампы и печати, причем достиг в этом деле большого совершенства. Мы покупали на черном рынке хлебные карточки, со справками факультета и отпускными свидетельствами шли в булочную, где отоваривали карточки, т.е. покупали по карточкам хлеб на целый месяц вперед, — это было разрешено при наличии отпускного свидетельства. Документы оставались в булочной как оправдание. Затем мы с буханками хлеба отправлялись на рынок и продавали хлеб. Выручка получалась довольно значительная.

С фальшивыми печатями у меня произошла анекдотическая история. Один мой армейский друг, хороший музыкант, решил поступить в консерваторию. Но сдать вступительные экзамены он не смог бы. Тогда я изготовил ему фальшивые справки о том, что он в 1946 году поступил на заочное отделение философского факультета с такими-то оценками на вступительных экзаменах и что теперь, в 1947 году, был студентом второго курса, его приняли без экзаменов. Прошло много лет. Мой знакомый начал делать карьеру, но не в музыке, а по партийной линии за счет музыки. К ужасу своему, он обнаружил, что сделанные мною печати со справок исчезли — выцвели. На этот раз мне пришлось приложить усилия, чтобы поставить на эти старые справки новые настоящие печати. Этот мой знакомый стал работником аппарата ЦК КПСС и важной фигурой в Союзе композиторов СССР.

Это время было насыщено множеством мелких приключений. Каждое из них могло стать сюжетом для занимательного рассказа. Некоторые из них я пережил с моим другом Валентином Марахотиным. Он тоже демобилизовался из армии, стал доучиваться в вечерней школе, работал простым рабочим. Он стал характерным для России

искателем некоей правды и справедливости. Принципиально не вступал в партию и игнорировал всякие общественные мероприятия, включая выборы в советы всех уровней. Однажды из-за этого у нас с ним произошла забавная история. В день выборов мы с ним загуляли, основательно напились и заявились домой поздно вечером. Дома нас ждали агитаторы с избирательного участка. Они стали нас уговаривать пойти проголосовать, так как иначе у них не будет стопроцентного охвата избирателей. Мы согласились после того, как они нам пообещали устроить по стопке водки. Когда мы пришли на участок, там было все подготовлено для киносъемки... первых избирателей! Утром это было сделать неудобно, так как энтузиасты-избиратели заблаговременно заполняли избирательные участки и прилегающие к ним дворы и улицы. Так мы с ним попали в кинохронику в качестве первых избирателей. Наши знакомые, увидев нас в этой роли, долго потешались над нами. А разгневанный Валентин написал куда-то по этому поводу разоблачительное письмо.

Пьянство

Моральная деградация общества началась еще во время войны. Но в войну она прикрывалась и даже сдерживалась высокими целями защиты Родины. После войны этот сдерживающий фактор исчез. Коррупция, карьеризм, приспособленчество, пьянство, сексуальная распущенность и прочие негативные явления стали с циничной откровенностью доминирующими факторами психологической, моральной и идеологической атмосферы тех лет. Я принципиально отверг все это для себя лично, за исключением пьянства. Пьянство я считал морально оправданным. Бо-

лее того, я относился к нему как к явлению неизбежному в условиях России, причем как к явлению социальному, а не медицинскому. В моих книгах есть много страниц на эту тему, в особенности в «Евангелии для Ивана» и в «Веселии Руси». Приведу для примера одно стихотворение:

Напрасно на нас, словно зверь, ополчилось
Наше прекрасное трезвое общество.
Полвека промчалось. А что получилось?
С чего оно начало, там же и топчется.
Нас крыли в комиссиях. Били в милиции.
С трибуны высокой грозили правители.
А мы устояли, не сдали позиции.
Мы клали с прибором на их вытрезвители.
Чтоб строить грядущее им не мешали мы,
Рефлексы по Павлову выправить тщилися.
И все ж по звонку перегаром дышали мы,
А не слюною, не зря ж мы училися.
Уколы кололи. Пугали психичками.
Даже пытались ввести облучения.
И само собой, нас до одури пичкали
Прекрасными сказками Маркса учения.
Но пусть эта муть хоть столетие тянется.
Нас не согнуть никакой тягомотиной.
Друзья-алкаши! Собутыльники! Пьяницы!
Зарю человечества встретим блевотиной!
Иначе строители нового рьяные
Во имя прогресса совсем перебесятся.
И трезвые даже, не то что мы, пьяные,
Завоют с тоски и от скуки повесятся.

Физиологической склонности к алкоголю у меня никогда не было. Мой отец, мать и все братья и сестры были

трезвенниками. Я начал употреблять алкоголь потому, что это было принято, и потому, что нам выдавали спирт и водку за боевые вылеты. Я пил с отвращением, заставляя себя пить. Это отношение к алкоголю у меня было неизменным всю жизнь. Оказавшись на Западе, я получил возможность пить лучшие алкогольные напитки мира. И мне иногда приходилось их пробовать. Но я всегда это делал через силу и с отвращением. В мои «пьяные» годы я без всяких усилий прекращал пить на несколько месяцев, а иногда на год и более. В 1963 году я вообще перестал пить и почти двадцать лет не выпил ни капли спиртного. С 1982 года я начал вновь выпивать, но очень редко и исключительно ради компании. Так что я никогда не был медицинским алкоголиком. Я был чистым примером пьянства как явления социального и национального русского.

* * *

В России алкоголь никогда не был элементом обычной пищи, как во многих других местах планеты. Он был всегда элементом государственной политики. Главными причинами пьянства всегда были бедность и убожество жизни, а также психологические драмы, порожденные безвыходностью положения и отчаянием. В первые послевоенные годы пьянство приняло такой размах, какого не было за всю прошлую историю России. Не было средств на хорошую еду и одежду. А на пьянство хватало. Оно было дешевле. Люди пережили неслыханные лишения и горе. В пьяном виде это на время забывалось. Жизнь становилась немного красочнее и веселее. Отношения с людьми становились душевнее. Власти умышленно поддерживали пьянство как средство отвлечь внимание людей от их тяжелого положения. Алкогольные напитки продавались повсюду. На вечерах отдыха, которые регулярно устраивались во всех учреждениях и предприятиях, непременно работал буфет.

Больше половины студентов нашего курса оказались бывшими военнoслужашими. Первый же день занятий мы отметили тем, что направились в забегаловку, расположенную между университетскими зданиями. Мы ее называли «Ломоносовкой» в честь Ломоносова, который, как известно, «был выпить не дурак». Эта «Ломоносовка» была большим соблазном для студентов. По настоянию университетского начальства ее закрыли и снесли с лица земли в 1948 году. По поводу ее закрытия мы устроили поминки по ней в скверике, сделанном на ее месте. Кончились эти поминки тем, что половина участников оказалась в милиции за дебош в общественном месте, а другая половина — в вырезвителе.

Наши пьянки принимали мальчишески увеселительные формы. Мы как будто бы вернулись обратно в нашу раннюю юность и спешили таким варварским путем наверстать потерянное. Вспоминаю некоторые забавные случаи. Идя на демонстрацию 1 Мая 1947 года, мы решили выпивать по сто грамм водки у каждой питейной точки, которые были в большом числе на всем маршруте нашей колонны вплоть до подхода к центру города. Закуска была бедная, а водка — в изобилии. Когда мы дошли до того места, где собирались строить Дворец Советов, мы дружно легли посредине улицы. Милиция оттащила нас за забор, где была заброшенная стройка Дворца Советов. Мы там отоспались до вечера. А вечером продолжали пьянствовать в праздничной компании, какие тогда были обычными. Другой случай — соревнование по пьянству в кафе на углу улицы Горького и проезда Художественного театра. В соревновании участвовало человек двадцать от разных факультетов университета. Наш факультет представляли Владимир Семенов, бывший штурман бомбардировочной авиации, и я. Зрелище было грандиозное. Мы просили не убирать пус-

тые пивные и водочные бутылки. Масса народа толпилась вокруг наших столов и у окон на улице. Заключались пари, как на ипподроме. Первое место занял парень с геологического факультета, даже не служивший в армии. Он был действительно большой, прирожденный талант по части выпивки. Второе место занял Володя Семенцов, отставший от него всего лишь на бутылку пива. Я занял пятое или шестое место.

Этот Володя был на редкость хорошим собутыльником, добрым, щедрым и умным. Ритуальное пьянство на всю жизнь стало его призванием. Хотя он окончил университет, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, стал профессором и заведующим кафедрой, он в душе остался пьяницей тех послевоенных лет.

Мы с ним довольно часто организовывали массовые попойки, а также пьянствовали вдвоем. Он организовывал выпивки со вкусом, как говорится, «со смаком», с маленькими приключениями и длинными разговорами. Его страстью были проходные дворы. Их тогда в Москве было много. И они действительно порою были очень интересными. Однажды мы с ним в поисках таких приключений забрались во двор какого-то секретного учреждения с железными дверями и решетками на окнах. Нас задержали на много часов, выясняя, кто мы такие. Во время наших попок мы вели разговоры о сущности нашего общества и о сталинизме. Он понимал мои убеждения и добавлял от себя кое-что. У него не было никаких иллюзий. Но он не принимал происходящее близко к сердцу. Он хотел лишь комфортно устроиться в жизни и продолжать поведение пьяницы по призванию.

Во время наших попок постоянно велись разговоры о войне, о загранице, о положении в стране. Аналогичные разговоры происходили в тысячах других аналогичных

компаний. В этих разговорах проскальзывали критические реплики, рассказывались острые анекдоты, высказывались невольно откровенные затаенные мысли. Шла незаметная и вроде бы незначительная работа многих тысяч людей по подготовке базы для будущего антисталинистского движения и десталинизации страны.

Из моих собутыльников тех лет хочу упомянуть также Василия Громакова, бывшего капитана и командира батальона, и Владимира Самигулина, бывшего старшего лейтенанта и командира роты. Громаков впоследствии стал секретарем партийного бюро факультета, защитил диссертацию по работам Сталина о Великой Отечественной войне. Вместе с тем он был отличным товарищем и собутыльником и самым лучшим знатоком политических анекдотов, за которые полагался срок.

ОЖИВЛЕНИЕ АНТИСТАЛИНИЗМА

В эти годы началось усиление репрессий не только за бесчисленные мелкие и крупные уголовные преступления, но и за «политику». Возвращалась обстановка конца тридцатых годов. Летом 1948 года я ездил на работу в колхоз со студенческой бригадой факультета. Положение в колхозах было еще хуже, чем до войны. По возвращении из колхоза один член нашей бригады, бывший офицер-фронтовик Том Тихоненко высказал несколько критических фраз о колхозах. Его осудили на десять лет по 58-й статье. Тихоненко учился на курс старше меня. Свои мысли о колхозах он высказал в своей группе. О его осуждении я узнал лишь постфактум. Если бы он был на нашем курсе, я бы не удержался и поддержал его из солидарности. Уже после того, как Тихоненко отбыл срок и был освобожден

в хрущевские годы, он сказал, что донос на него написал сокурсник и что последний выступал свидетелем на суде. В этом же году был осужден на большой срок только что поступивший на факультет Виктор Красин, впоследствии ставший диссидентом. Его осудили вместе с группой других студентов за занятия буддизмом. Многочисленные случаи арестов происходили в нашем непосредственном окружении. Сталинизм с новой силой проявлял свою натуру. Мой несколько ослабевший в годы войны антисталинизм тоже возродился и стал осмысленнее. Я начал вести систематическую антисталинистскую пропаганду.

Я с моим антисталинистскими умонастроениями не был исключением. Такие настроения в то время были у многих. Дело тут было не в знании каких-то негативных фактов сталинизма и не в способности иронизировать по их поводу, а в том, как человек переживал эти факты, какое влияние знание о них оказывало на его идеологическое и нравственное состояние и на его поведение. Мы в наших компаниях издевались и потешались над «научным коммунизмом» Маркса так, как его не критиковали никакие враги марксизма и коммунизма. Но у многих ли из нас это превращалось в смысл и в программу нашей жизни?! Другой мой университетский друг уже тогда коллекционировал антикоммунистические анекдоты. Но он не стал антикоммунистом. Он стал даже специалистом по «научному коммунизму». Организаторы сталинских репрессий лучше, чем кто бы то ни было, знали правду о сталинских концентрационных лагерях. Но они от этого не стали антисталинистами.

Я не могу утверждать, что мне уже тогда была ясна сущность сталинизма. Я еще не был подготовлен для этого профессионально. Да и сам феномен сталинизма еще не изжил себя как исторически преходящее явление. Он был

еще в расцвете сил и казался вечным. Для меня, как и для других, он еще был социализмом (коммунизмом) как таковым, а не историческим периодом и исторической формой эволюции социализма (коммунизма). Мне это стало ясно лишь после смерти Сталина.

Война, как мне стало ясно впоследствии, нанесла удар по сталинизму в самих основах общества, удар по существу. Она обнаружила дефекты сталинизма и создала условия для развития в стране феноменов, сделавших его со временем излишним и даже опасным для существования общества. Но война вместе с тем укрепила сталинизм в его поверхностных проявлениях, укрепила по форме. Страна победила в войне отчасти благодаря сталинизму, но отчасти вопреки ему. Сталинизм же все отнес на свой счет. Да и население страны в массе своей полагало, что победили благодаря Сталину и всему тому, что он олицетворял. Сталин и сталинисты во всей стране торжествовали победу. Возродились все довоенные ужасы сталинизма. Потребовалось еще почти десять лет, прежде чем сталинизм сошел со сцены истории.

Проходят годы. Исчезают конкретные исторические обстоятельства. И многое в прошлом начинает казаться бессмысленным. Сейчас, через тридцать пять лет после смерти Сталина, многие критикуют его и выглядят героями. А ведь критиковать сейчас Сталина — все равно как критиковать Чингисхана, Ивана Грозного или Гитлера. А в 1946—1948 годы это было смертельно опасно. Я встал на путь активного антисталинизма не из расчета прослыть героем. Я не надеялся выжить. Я лишь хотел как можно больше причинить ущерба сталинизму. А репутацию героя на этом тогда нельзя было приобрести даже в глазах тех, с кем я вел опасные разговоры. Разговоры же я вел бесчисленные. Они на много лет стали фактически глав-

ным делом моей жизни. В основном это были импровизации. В них я не столько убеждал моих собеседников в чем-то, сколько вырабатывал для самого себя понимание явлений, о которых шла речь. Конкретное содержание разговоров, конечно, не запомнилось. Оно никак и нигде не фиксировалось. В них делались важные открытия без претензии на авторство и без всякой возможности удержать его за собой. Авторство сохранялось лишь в одной форме — в форме доносов.

* * *

Я учился, зарабатывал на жизнь, вел вроде бы обычную жизнь. Но эта жизнь имела стержень: это была нелегальная агитационная деятельность. Основное ее содержание составляла антисталинистская агитация, переходившая в критику всех аспектов нашего общества. Ко мне, очевидно, перешли какие-то способности от матери разговаривать с людьми. Только эти способности обратились на проблемы идейные. Я распропагандировал многие десятки моих собеседников. Они, конечно, помалкивали о том влиянии, какое на них оказывали разговоры со мною. Когда стало возможным признать это влияние, они это не сделали уже из других соображений. Лишь очень немногие признавали, что эволюцией своего мировоззрения были обязаны мне. Таким оказался Карл Кантор. Осенью 1947 года он демобилизовался из армии и поступил на наш факультет. Карл стал одним из тех, с кем я мог говорить с полной откровенностью, причем, как говорится, «на полную железку». И это несмотря на то, что он был искренним сталинистом. В разговорах с ним я оттачивал свои собственные взгляды. Наши разговоры были полемикой, но такой полемикой, которая лучше любого согласия. Карл родился в семье революционеров-марксистов и вырос искренним марксистом-ленин-

цем. Думаю, что и остался таковым до конца. И я уважаю его за это. Со временем он стал одним из крупнейших советских теоретиков искусства. Очень много работал в области технической эстетики, тогда еще совершенно новой в Советском Союзе области эстетики. Разговоры с людьми вообще в моей жизни играли роль огромную. В России в силу обстоятельств в те годы появлялось довольно много людей, для которых разговоры становились чуть ли не призванием. Были мастера разговоров. Мы могли разговаривать часами, испытывая интеллектуальное наслаждение от самого процесса разговора. В этих разговорах я вырабатывал для себя принципы и опыт моей интеллектуальной эстетики — эстетики мысли.

Ведя свою агитацию, я вовсе не имел целью побуждать людей на какие-то активные действия. Я просто разговаривал с людьми, как они того и хотели, и высказывал им все то, что знал сам и что надумал. Я просто раздавал людям содержание своего интеллекта и души. А к каким последствиям в их эволюции это вело, я об этом вообще не думал. Более того, я даже не имел сознательной целью определенного рода агитацию. Последняя получалась сама собой, произвольно, просто потому, что я людям отдавал то, что имел, а иного у меня не было.

...Студенческие годы были для меня веселыми, несмотря ни на что. Шутками и хохмами было заполнено все время, включая самые серьезные лекции и семинары. Приведу два характерных примера на этот счет.

Во время одной лекции, в которой речь шла о теории условных рефлексов Павлова, я предложил мою интерпретацию этой теории, перевернув отношения собак и экспериментатора. Преподаватель растерялся, так как теория Павлова считалась приложимой и к человеку. Тогда же я пустил в оборот другую шутку, сказав, что Павлов изгнал

идеализм из его последнего убежища с помощью собак. Это была словесно незначительная переделка официально принятого утверждения.

Я быстро усвоил алгоритм сочинения марксистских текстов, так что мог их воспроизводить сам, даже не читая их, зная их по намекам. На одном из экзаменов мне попался вопрос о работе Сталина «О трех особенностях Красной Армии», которую я не читал. Отвечая, я изобрел десять особенностей и мог бы изобрести еще десять, если бы меня не остановили. Мой ответ был оценен как лучший в группе.

СТАЛИНСКИЕ КАМПАНИИ

В 1951 году я окончил философский факультет с дипломом «С отличием». Мою дипломную работу оппоненты рекомендовали опубликовать, а ученый совет принял решение рекомендовать меня в аспирантуру. Хотя я был беспартийным и аполитичным, хотя имел репутацию «политически неустойчивого», меня все же приняли в аспирантуру на кафедре логики. Поворот страны в сторону «оттепели» уже ощущался в массе мелочей. На мою беспартийность смотрели сквозь пальцы. Как отличник и участник войны, я входил в «золотой фонд» университета. Репутация человека, критически настроенного по отношению к сталинизму, кое-кому даже импонировала. Плюс ко всему формальная логика была признана наукой второстепенной и беспартийной.

Важную роль сыграл мой тогдашний друг Василий Громаков, ставший к этому времени секретарем партбюро факультета. Он был прекрасно осведомлен о моих умонастроениях. Он не разделял их, но и он был захвачен нарастающим стремлением к переменам и свободомыслию. Он

был вполне ортодоксальным марксистом-ленинцем, членом партии еще с войны, специализировался по «научному коммунизму». Еще будучи студентом, стал секретарем партбюро факультета. Это много значило в сталинские годы. От него зависело, примут меня в аспирантуру или нет. И несмотря ни на что, он высказался в мою пользу. Наши отношения — характерный пример тому, что психологическая, моральная и идейная ситуация в те годы была не такой уж простой. Не было тех резких разграничительных линий, которые стали примысливать потом. Этот же человек, которого потом кое-кто зачислил в «недобитые сталинисты», дал мне рекомендацию в партию, зная меня как антисталиниста.

Всеобщее стремление к обновлению, к переменам проявлялось в стране не в прямых требованиях социальных реформ, а в бесчисленных мелких делах, которые казались локальными и частными. О радикальных переменях в системе власти и в образе жизни коллективов открыто не говорил никто. Да и вряд ли кто осознавал необходимость и возможность таких перемен. Потребность в них ощущалась именно в частностях. И в частностях они казались возможными. Те, кто стремился к ним и ратовал за них, делали это целиком и полностью в рамках принятых норм жизни и идеологии. Все ратовали за лучшее исполнение воли высшего руководства и лично товарища Сталина.

На нашем факультете эта общая тенденция проявилась в своеобразном бунте студентов, аспирантов и молодых преподавателей против низкого уровня философской культуры и против застоя в философии, в борьбе за дальнейшее развитие марксизма-ленинизма. Тем не менее это был бунт. Дух бунтарства захватил и ряд профессоров старшего поколения. Заседания кафедр и ученых советов стали превращаться в очень острые баталии. Они продолжались затем во всякого рода забегаловках.

* * *

Темой моей диссертации был метод восхождения от абстрактного к конкретному на материале «Капитала» К. Маркса, т.е. логический анализ структуры «Капитала». Этот метод был открыт и в общей форме описан Гегелем и затем Марксом как «технический» (логический) прием, удобный для исследования и понимания таких сложных и изменчивых предметов, каким является человеческое общество. Этот метод и был не чем иным, как логическим аспектом диалектического метода.

В моей диссертации я осуществил анализ этого метода и описал его составные элементы, такие, например, как изолирующая и конкретизирующая абстракции, абстрактные модели, клеточка целого, переход от отдельного явления к множеству однородных взаимодействующих явлений. Короче говоря, я в диссертации установил, что диалектический метод мышления есть просто научное мышление в условиях, когда, по словам Маркса, приемы эмпирического и экспериментального исследования должна заменить сила абстракции, а также теоретических допущений и дедукции применительно к сложному, изменчивому переплетению связей и процессов. В прошлой истории философии еще до Гегеля попытка описания такого метода была предпринята Дж. С. Миллем, но ее почему-то никто не ставил в связь с диалектикой. В России об этом методе писал Чернышевский, переведивший сочинения Милля на русский язык.

На многих студентов и аспирантов моя диссертация произвела сильное впечатление. Диссертацию размножали во многих копиях. Это организовал Г. Щедровицкий, который в те годы был моим последователем. Но она была враждебно встречена руководителями советской философии. И это не случайно. Превращение марксизма в гос-

подствующую государственную идеологию сопровождалось превращением диалектики из орудия познания сложных явлений действительности в орудие идеологического жульничества и оглубления людей. Всякая попытка описать диалектический метод мышления как совокупность особого рода логических приемов (а именно такой была ориентация моей работы) была обречена на осуждение в силу сложившегося в советской философии понимания диалектики как некоего учения об общих законах бытия. На основе идей моей диссертации образовалась небольшая группа. В нее, помимо Г. Щедровицкого, входили Б.Г. Грушин, М. Мамардашвили и другие, но через пару лет группа распалась.

* * *

Сталинские кампании (против космополитизма, например) коснулись моих мыслей и чувств лишь как материал для шуток и анекдотов. Мое отношение к сталинизму имело место совсем в ином разрезе жизни. Все эти кампании казались мне явлением на поверхности, а не в глубине потока жизни. Но все же и меня они зацепили. На одной студенческой вечеринке я потешал собравшихся шуточными импровизациями, которые зашли слишком далеко. В результате я удостоился вызова в деканат факультета. В беседе участвовали руководители факультета и активисты курса. Я вспылал и наговорил много такого, за что тогда следовало исключение из университета и еще более суровое наказание. Но как это ни странно, меня выручила именно моя резкость и искренность. Кроме того, мой друг Василий Громаков был секретарем партбюро курса и членом партбюро факультета, а один из студентов нашей группы (Петр Кондратьев) стал даже секретарем парткома университета. С ним я вместе поступал в МИФЛИ в 1939 году. Он помнил мою скандальную историю. Во время войны он стал полит-

руком, затем заместителем начальника политотдела крупного авиационного подразделения (не то дивизии, не то корпуса), получил чин майора. Мы бывали в одних и тех же дружеских компаниях. Он был осведомлен о моих умонастроениях, но солидарность бывших фронтовиков оказалась сильнее. Оба они поручились за меня лично, и меня оставили в университете. Случай этот характерен для общей ситуации в стране: репрессии имели место одновременно с явным сопротивлением им со стороны бывших фронтовиков.

По моим наблюдениям, сталинские кампании не вызывали особого энтузиазма у населения страны и породили множество анекдотов, чего раньше не было. Мы в стенной газете факультета рисовали карикатуры по поводу раздувания русской философии, по поводу поисков основных законов в различных сферах природы и общества (в подражание «открытому» Сталиным «основному закону социализма»), по поводу превращений одних видов животных в другие (сатира на идеи Лысенко). И как это ни странно, нам все это сходило с рук.

Кампания против космополитизма, имевшая целью возродить русское национальное самосознание, обнаружила бесперспективность русского национализма. Ему сразу же придавали уродливые формы, и потому он становился предметом нападок как со стороны представителей других национальностей, так и властей.

СМЕРТЬ СТАЛИНА. ЕГО ЭПОХА

Умер Сталин, Но я не был этому рад. Исчез мой эпохальный враг, делавший мою жизнь осмысленной. Мой антисталинизм терял смысл. Мертвый Сталин не мог быть

моим врагом. Состояние было такое, как после окончания войны. Ведя антисталинистскую пропаганду, я чувствовал себя как на войне. Каждый острый разговор угрожал доносом и арестом. Я переживал его, как боевой вылет. И вот ничего подобного теперь не будет. Конечно, на место Сталина придет другой вождь. Но у меня к нему не может быть такого отношения, как к Сталину.

Прощаться со Сталиным я не пошел. И в Мавзолей, куда на короткое время поместили труп Сталина, я не пошел принципиально. Большинство моих знакомых переживали смерть Сталина как искреннее горе. Мой тогдашний друг Э. Ильенков рыдал, возлагал надежды на Мао. При этом он готовился разоблачить вместе со всеми сталинскую вульгаризацию марксизма. Его реакция была характерной. Со Сталиным сжились настолько, что он стал не только символом эпохи, но и частью личной жизни. Все чувствовали, что эта эпоха окончилась. И горевали поэтому. Все чувствовали, что эта эпоха навечно ушла в прошлое. И радовались этому.

Моя мать вырезала из газеты фотографию Сталина и вложила ее в Евангелие. Я спросил ее, зачем она это сделала. Ведь Сталин был злодей! Она ответила, что Сталин взял на свою душу грехи всех других, что теперь его все будут ругать и что кто-то должен за него помолиться. И вообще нельзя знать, чего больше вышло из его дел — добра или зла. И неизвестно, что сделал бы на его месте другой...

* * *

Сталинская эпоха есть явление чрезвычайно сложное и многостороннее. К ней можно подходить с самых различных точек зрения и с самыми различными критериями. Но не все подходы равноценны. Я прочитал множество сочинений на эту тему. Но ни одно из них не могу считать

адекватным предмету. И сочинения А. Солженицына в том числе. Во всех этих сочинениях выделяются лишь отдельные аспекты эпохи, раздуваются сверх меры и подгоняются под априорные установки. Чаще всего это борьба Сталина за личную власть и массовые репрессии. Однако при этом целостность исторического процесса исчезает и невольно получается односторонне ложная его картина. Историческая эпоха рассматривается либо со стороны, т.е. в том виде, как она представляется западному наблюдателю, либо сверху, т.е. в том виде, как она представляется с точки зрения деятельности партий, групп, отдельных личностей. И потому получается поверхностное и чисто фактологическое описание. Основное содержание эпохи, т.е. все то, что происходило в массе населения и послужило базисом для всех видимых сверху и со стороны явлений, почти не принимается во внимание. Главным объектом описания становится не глубинный поток истории, а его поверхностные завихрения и пена. Явления прошлого вырываются из их конкретно-исторического контекста. К ним применяются чуждые им понятия и критерии оценок, взятые из нашего времени. В результате сталинизм представляется лишь как обман масс населения и как насилие над ними, а вся эпоха — как черный провал в истории и как сплошное преступление. Поведение вождей представляется как серия глупостей и своекорыстных поступков. Это удобно многим. Не нужно большого ума, чтобы понимать банальности «мыслителей». И любой дурак чувствует себя мудрецом в сравнении со сталинскими недоумками, а любой прохвост — образцом моральности.

Не составляет на этот счет исключения и советская наука и идеология. Они вынуждаются на полуосуждение и полупризнание эпохи, в лучшем случае — на признание «отдельных ошибок» Сталина и фактов репрессий, а в худ-

шем случае на бессовестные спекуляции за счет безответного и безопасного прошлого. Горбачевские «смельчаки», размахивающие кулаками после окончившейся давным-давно драки, заслуживают лишь презрения. И еще большего презрения заслуживают те люди на Западе, которые восхищаются кривляньями горбачевских клоунов. В наше время настоящее мужество нужно для того, чтобы судить о сталинской эпохе по ее фактическому {вкладу} в эволюцию человечества.

Сталинская эпоха прошла. И если я не хотел заостряться в моей внутренней эволюции на уже сыгравшем свою роль прошлом, если я хотел двигаться вперед, я должен был с полной ясностью отдать самому себе отчет в том, что на самом деле было, что исчезло навсегда, что осталось в силу исторической инерции и что осталось навечно. Когда эта проблема встала передо мной, я уже имел профессиональную подготовку для ее решения.

Понять историческую эпоху такого масштаба, как сталинская, — это не значит (так думал я) описать последовательность множества ее событий и их причинно-следственную связь. Это значит понять сущность общественного организма, созревавшего в эту эпоху. Сталинская эпоха была эпохой становления нового, коммунистического общества. В эту эпоху сложился социальный строй нового общества, его экономика, система власти и управления, идеология, культура, образ жизни миллионов людей. Это была юность нового общества.

Первым делом я отбросил оценку сталинской эпохи как преступной. Понятие преступности есть понятие юридическое или моральное, но не историческое и не социологическое. Оно не применимо к историческим периодам, к целым обществам и народам. Сталинская эпоха была страшной. В ней совершались бесчисленные преступления. Но

нелегко говорить о ней в целом как о преступлении. Нелепо также рассматривать как преступное общество, сложившееся в эту эпоху, каким бы плохим оно ни было.

* * *

Новое общество строилось из данного человеческого материала и в рамках исторически данных возможностей. Оно строилось людьми, а не богами. Строилось методами, которые были доступны в то время. Эти методы отчасти достались в наследство от прошлого, отчасти навязывались обстоятельствами, отчасти явились продуктом свободного творчества масс и воли вождей. Многие из того, что изобреталось и использовалось при этом, изжило себя, было отброшено и стало достоянием истории. Но многое сохранилось, вошло в самое тело нового общества, превратилось в постоянно действующие методы производства общественного организма. Что считать сталинизмом? То, что отброшено ходом истории, или то, что сохранилось? Но и это еще не все. Как в том, что отброшено, так и в том, что сохранилось, имеется два аспекта: то, что связано с личными особенностями Сталина, и то, что от них не зависело, но что точно так же ассоциировалось с именем Сталина. Как тут произвести разграничение? Что отнести к сталинизму и что нет? Когда над такими вопросами задумаешься, то обнаруживаешь, что выражение «сталинизм» оказывается не таким уж ясным, каким оно кажется на первый взгляд. Плюс к тому сталинизмом можно называть и определенную совокупность идеологических принципов, причем не только высказанных публично, но и замалчиваемых по тем или иным соображениям. За долгие годы после смерти Сталина никакой ясности в определение этого понятия не было внесено. Наоборот, было сделано много, чтобы превратить его в идеологическую пустышку, слу-

жащую средством замутнения мозгов, запугивания и дискредитации неудобных.

Аналогично обстоит дело с выражением «сталинист». Этим словом называют человека из сталинской правящей группы, типичного руководителя сталинской эпохи, активного проводника сталинской политики, сталинского идеолога и апологета. Сталинистами называют также партийных и государственных руководителей, склонных к методам руководства сталинских времен.

К какой категории, например, отнести Хрущева, бывшего верным соратником и подручным Сталина, а после смерти последнего возглавившего десталинизацию страны и проводившего ее сталинскими методами? Как называть с этой точки зрения горбачевцев, нападающих на Сталина на словах, но на деле во многом следующих сталинским образцам руководства и поведения? К какой категории отнести человека наших дней, который положительно оценивает какие-то действия Сталина? Можно ли его считать сталинистом? Можно ли считать сталинистом человека, который оценивает Сталина как великого исторического деятеля?

Соответственно неопределенны и выражения «антисталинизм», «антисталинист», «антисталинский», «антисталинистский». В употреблении их доминирует субъективное отношение ко всему, связанному с именем Сталина, и это усиливает неопределенность словоупотребления. Например, человек может считать виновником зол сталинского периода самого Сталина, хотя Сталин был тут ни при чем. Человек может быть противником лишь того, что специфически связано со сталинизмом. Так что, называя человека антисталинистом, мы тем самым еще не определяем его позицию достаточно точно. Я был антисталинистом, но

я счел бы оскорблением для себя, если бы меня зачислили в одну категорию с нынешними «антисталинистами».

* * *

Терминологическая неопределенность, о которой я говорил, не есть лишь результат отсутствия общепринятого соглашения. Тут действуют факторы, исключающие мирное соглашение. Возьмем, например, горбачевскую критику Сталина. Она служила средством маскировки тенденции самих горбачевцев к волюнтаризму сталинского типа и к сталинским методам обращения с массами. Горбачевцы обвинили в сталинизме брежневское руководство и нынешних «консерваторов». А между тем, если разобраться по сути дела, именно брежневизм явился самозащитой советской системы власти от хрущевской тенденции к сталинскому волюнтаризму. Именно консерваторы в горбачевском руководстве были противниками сталинских методов управления, а не реформаторы. Так что рассчитывать на терминологическую ясность тут не приходится. Ее избегают умышленно. В кругах теоретиков, пишущих на темы, связанные со Сталиным, действуют другие многочисленные причины, точно так же исключающие четкость и однозначность терминологии.

Чтобы избежать недоразумений, я здесь буду употреблять такие выражения. Сталинизмом историческим (или просто сталинизмом) я называю ту историческую форму, в которой новое коммунистическое общество создавалось в Советском Союзе в результате сознательных и волевых усилий самого Сталина, его соратников и вообще всех тех, кто исполнял их волю и действовал в духе их идей и распоряжений (этих людей можно назвать историческими сталинцами). Коммунистическое общество не является произвольным изобретением Сталина и сталинцев. Оно

формировалось в силу объективных социальных закономерностей. Но эти закономерности действуют и проявляются в субъективной деятельности людей, влияющей на то, в какой форме они реализуются. И в этом смысле Сталин и сталинцы наложили свою печать на исторический процесс. Если бы Ленин прожил еще двадцать лет и удержался бы у власти, историческая форма построения нового общества была бы несколько иной, хотя суть дела была бы та же самая. И эта форма вошла бы в актив ленинизма. Если бы на месте Сталина оказался другой человек, он дал бы ей свое имя. Сталинским или сталинистским типом (или методом) руководства процессом построения коммунистического общества и руководства построенным обществом я называю тип руководства, обладающий существенными чертами исторического сталинизма. Этот тип руководства можно наблюдать и в других коммунистических странах. Попытки его повторения имели место и у Хрущева, и у Горбачева. Говорить о сталинистском типе руководства обычно избегают, одни — претендуя на то, что они «сами с усами», другие — желая избежать аналогий со Сталиным (Горбачев, например). Но первооткрывателем этого типа руководства был Сталин. Приверженцев такого типа руководства можно было бы назвать сталинистами, если бы имела место историческая справедливость в отношении признания авторства. Ниже я кратко охарактеризую основные черты сталинской эпохи, исторического сталинизма и сталинского типа руководства.

* * *

При Ленине произошла политическая революция, расчистившая путь новому обществу. Но само это общество сложилось при Сталине. Социальная революция в собственном смысле слова, т.е. изменение социального положе-

ния и социальной структуры многомиллионных масс населения, произошла при Сталине и под его руководством. Это исторический факт. Отрицание и замалчивание его, как это делалось во все послесталинские годы и делается теперь, есть фальсификация истории, какими бы благородными намерениями при этом ни руководствовались. Социальная революция заключалась не в том, что были ликвидированы классы капиталистов и помещиков, что была ликвидирована частная собственность на землю, на фабрики и заводы, на средства производства. Это были лишь условия для социальной революции. Это был лишь негативный, разрушительный аспект политической революции. Сама же социальная революция, как таковая, в ее позитивном, созидательном содержании означала создание новой стандартной структуры, новой организации масс населения. Это был грандиозный и беспрецедентный процесс объединения миллионов людей в коммунистические коллективы с новой социальной структурой и новыми взаимоотношениями между людьми, процесс образования многих сотен тысяч социальных клеточек, объединенных в единое социальное целое. Причем этот процесс заключался не столько в переорганизации того, что досталось в наследство от прошлого, но в создании новых социальных ячеек, по сравнению с которыми перестроенные из прошлого материала оказались в незначительном меньшинстве. Какими бы целями ни руководствовались строители нового общества, их политика коллективизации и индустриализации в огромной мере способствовала этому процессу и составляла его часть. Главный результат деятельности Сталина и всех тех, кто под его руководством строил новое общество, заключался именно в создании новой социальной организации населения. И он совершенно выпал из поля внимания всех, кто писал на тему о Сталине и

сталинизме. Этот главный результат оказался заслоненным ужасами и нелепостями коллективизации, индустриализации, массовых репрессий.

Легко творить воображаемую историю, сидя в кабинете в окружении сотен и тысяч томов ученых книг. Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны, сказал поэт. Реальная история — не Невский проспект, писал Н.Г. Чернышевский. В реальной истории обычное дело, когда люди не ведают того, что творят, когда получается не то, что хотели, когда добрые намерения оборачиваются злом. Верно, что во всем том, что делалось в сталинские годы, было много нелепого, ошибочного, преступного. Но во всем этом неуклонно совершался один великий исторический процесс — процесс образования клеточек нового общества, процесс роста их числа, процесс объединения их в более сложные группы, процесс обучения и тренировки людей на жизнь в этих новых объединениях. Сталинские годы были прежде всего годами создания коммунистических коллективов и годами обучения людей правилам жизни в этих коллективах. Причем сами эти правила в подавляющей части выработывались заново. Это были годы грандиозного исторического творчества миллионов людей, а не исполнением злых и коварных замыслов тиранов.

* * *

В отношении к прошлому любой дурак может выглядеть умником и любой трус смельчаком. В представлении умников и смельчаков нашего времени прошлая советская история выглядит так. Был добрый и умный Ленин. Он ввел НЭП, и люди стали хорошо жить. Власть захватил злой и глупый Сталин, отменил НЭП, загнал крестьян силой в колхозы, велел арестовать миллионы людей. Эти умники и смельчаки (задним числом) создали такую идейную

атмосферу, что всякий протест против такого идиотизма в оценке русской трагической истории изображается ими как апологетика сталинизма. Но в реальности ленинский НЭП вовсе не был тем, как его изображают его нынешние поклонники и запоздалые антисталинисты. НЭП не был отменен, он отмер сам, не дав желаемого результата. Колхозы выдумал не Сталин и даже не Ленин. Идеи такого рода возникали в России уже до революции в связи с проблемами крестьянской общины. Коллективизация была не злым умыслом, а трагической неизбежностью. Процесс бегства людей в города все равно нельзя было остановить. Коллективизация ускорила его. Без нее этот процесс стал бы, может быть, еще болезненнее, растянувшись на несколько поколений. Дело обстояло вовсе не так, будто высшее советское руководство имело возможность выбора пути. Для России в исторически сложившихся условиях был один выбор: выжить или погибнуть. А в отношении путей выживания выбора никакого не было. Сталин явился не изобретателем русской трагедии, а лишь ее выразителем. Сейчас реабилитировали Бухарина и заговорили о его идеях, противопоставляя их как мудрость сталинской глупости. Бухарин не был «врагом народа». Но это не значит, что он был мудр. Он был такой же исторический кретин, как и его нынешние поклонники, стремящиеся возвыситься за счет фальсификации истории в дискредитации предшественников, действовавших в реальной, а не воображаемой истории.

Моя мать, действительно пострадавшая от коллективизации и пережившая все ее кошмары, чувствовала разницу между глубинным потоком и пеной истории гораздо правильнее, чем все критики Сталина и его эпохи, вместе взятые. Она хранила в Евангелии портрет Сталина. Но она же благословила меня, когда я встал на путь бунта про-

тив Сталина, угрожавший мне гибелью. Сталин стал моим принципиальным врагом. Но я этого врага все-таки уважаю неизмеримо больше, чем всех нынешних умников и смельчаков, воюющих против призраков уже неуязвимо прошлого. Он был для меня врагом эпохальным и историческим, а не конъюнктурно выгодной темой, как для нынешних «антисталинистов».

Индустриализация советского общества так же плохо понята в советской и западной литературе, как и коллективизация. Важнейший аспект ее, а именно аспект социологический, совсем выпал из поля зрения как апологетов, так и критиков советского общества. Вот что говорил мне один из деятелей сталинских времен, осужденный при Сталине, реабилитированный при Хрущеве, но оставшийся убежденным сталинистом до конца жизни.

«Возьмем любое, казалось бы, бессмысленное мероприятие тех времен, — говорил он, — и я вам покажу, что оно оправдало себя, несмотря ни на какие потери. Вот мы строили завод. Экономически и технически стройка оказалась нелепой. Ее законсервировали и потом о ней забыли совсем. Но это был грандиозный опыт по преодолению трудностей, по организации больших масс людей в целое, руководству. Сколько людей приобрело рабочие профессии! Многие стали высококвалифицированными мастерами. Сколько инженеров и техников! А ликвидация безграмотности многих тысяч людей! И уроки, уроки, уроки. Знаете, как нам все это пригодилось в войну? Не будь такого опыта, мы, может быть, не выиграли бы войну. Какое руководство без такого опыта рискнуло бы эвакуировать завод, имеющий военное значение, прямо в безлюдную степь! И через несколько дней завод стал давать продукцию, важную для фронта! Буквально через несколько дней! Что же — все это не в счет?! Игнорировать это не-

справедливо по отношению к людям той эпохи и исторически ложно».

Этот сталинист, как и многие другие, понимал, что политика индустриализации была прежде всего формой организации жизни людей и лишь во вторую очередь явлением в экономике, в индустрии. Он не употреблял, конечно, понятий социологии. Но социологически он был неизмеримо ближе к истине, чем нынешние образованные спекулянты за счет безответного прошлого.

* * *

В эти годы происходило, с одной стороны, объединение разбросанных по огромной территории различных народов в единый социальный организм, а с другой стороны, происходили внутренняя дифференциация и структурное усложнение этого организма. Этот процесс с необходимостью порождал разрастание и усложнение системы власти и управления обществом. А в новых условиях он породил и новые функции власти и управления. Именно в сталинскую эпоху была создана та система партийно-государственной власти и управления, которая существует сейчас в Советском Союзе. О ней я специально буду говорить дальше. Сейчас же остановлюсь лишь на одной особенности сталинской эпохи с этой точки зрения.

Современная советская система власти и управления появилась на свет не сразу после революции. Нужны были многие годы на ее создание. Но страна нуждалась в управлении с первых же дней существования нового общества. Как же она управлялась? Конечно, до революции существовал государственный аппарат царской России. Но он был разрушен революцией. Его обломки и опыт работы потом использовались для создания новой государственной машины. Но опять-таки нужно было что-то еще другое, что-

бы это сделать. И этим другим средством управления страной в условиях послереволюционной разрухи и средством создания нормальной системы власти явилось рожденное революцией народовластие.

Употребляя выражение «народовластие» или «власть народа», я не вкладываю в них никакого оценочного смысла. Я не разделяю иллюзий, будто власть народа — это хорошо. Я имею здесь в виду лишь определенную структуру власти в определенных исторических обстоятельствах и ничего более. Вот основные черты народовластия. Подавляющее большинство руководящих постов с самого низа до самого верха заняли выходцы из низших слоев населения. А это миллионы людей. Вышедший из народа руководитель обращается в своей руководящей деятельности непосредственно к самому народу, игнорируя официальный аппарат. Для народных масс этот аппарат представляется как нечто враждебное им и как помеха их вождю-руководителю. Отсюда волюнтаристские методы руководства. Потому высший руководитель может по своему произволу манипулировать чиновниками нижестоящего аппарата официальной власти, смещать их, арестовывать. Руководитель выглядел народным вождем. Власть над людьми ощущалась непосредственно, без всяких промежуточных звеньев и маскировок.

Народовластие есть организация масс населения. Народ должен быть определенным образом организован, чтобы его вожди могли руководить им по своей воле. Воля вождя — ничто без соответствующей подготовки и организации населения. Были изобретены определенные средства для этого. Это прежде всего всякого рода активисты, зачинатели, инициаторы, ударники, герои... Масса людей в принципе пассивна. Чтобы держать ее в напряжении и двигать в нужном направлении, в ней нужно выделить

сравнительно небольшую активную часть. Эту часть следует поощрять, давать ей какие-то преимущества, передать ей фактическую власть над прочей пассивной частью населения. И во всех учреждениях образовались неофициальные группы активистов, которые фактически держали под своим наблюдением и контролем всю жизнь коллектива и его членов. Руководить учреждением без их поддержки было практически невозможно. Активисты были обычно людьми, имевшими сравнительно невысокое социальное положение, а порою — самое низкое. Часто это были бескорыстные энтузиасты. Но постепенно этот низовой актив перерастал в мафию, терроризировавшие всех сотрудников учреждений и задававшие тон во всем. Они имели поддержку в коллективе и сверху. И в этом была их сила.

Характерным для народовластия было непосредственное обращение руководства к массам, возбуждение энтузиазма масс и провоцирование всякого рода «починов» снизу. При этом массам в качестве врагов противопоставлялись некие «бюрократы» и «консерваторы», засевшие в бесчисленных управленческих учреждениях. Вожди всех сортов и рангов выступали в роли защитников «народа» в борьбе против этих актуальных и потенциальных врагов. Хотя в сталинские годы репрессиям подвергались миллионы «простых» людей, главное острие репрессий как средства управления было направлено именно против всякого рода начальников и начальничков.

Для сталинского периода было характерно своеобразное двоевластие. Наряду с народовластием, под его защитой и вместе с тем в борьбе с ним выростала система партийно-государственной (государственно-бюрократической, нормативно-законной) власти и управления. Она выростала из самой социальной организации населения. Тут имело место живое историческое противоречие. Ста-

линизм способствовал созданию ее, использовал ее, укреплялся на ее основе. Вместе с тем он боролся против нее, стремился сдержать ее разрастание и рост ее силы. Постепенно народовластие с его системой вождей и активистов, с волюнтаризмом, призывами, массовым энтузиазмом, насилием, репрессиями и прочими атрибутами стало уступать решающую роль официальной, нормативно-законной, партийно-государственной власти с ее бюрократизмом, иерархией начальников и подчиненных, рутинной, профессионализмом и прочими чертами. Народовластие было эффективно в условиях полной разрухи и бедности, когда все заводы, стройки, учреждения можно было запомнить одному человеку, когда функции управления и контроля были сравнительно примитивны. Развернув грандиозное строительство и начав великую культурную революцию, сталинизм тем самым подписал себе смертный приговор, создаваемое им детище не могло уместиться в его утробе и функционировать по его примитивным правилам. Сыграло роль и изменение человеческого материала. Тот человеческий материал, на котором держался сталинизм и который сам держал сталинизм, в значительной мере был уничтожен, поредел, постарел, утомился, переродился. Конечно, были пополнения из молодежи. Но это уже было не то. Все равно это были уже другие люди по психологии, образованию, условиям жизни. Хотя масса новых людей была послушна и делала все то, что нужно (одобряла, клеймила, разоблачала, аплодировала), это все-таки в самой основе была другая масса. И сказалось это, в частности, в том, что был нанесен сокрушительный удар по роли самостоятельного актива, о котором я уже говорил. Над активистами стали открыто издеваться. Доносы утратили былую эффективность. Многих самых заядлых и активных сталинистов

стали проваливаться на выборах в комсомольские и партийные бюро.

К концу сталинского периода государственно-бюрократическая система власти и управления разрослась до такой степени и приобрела такую фактическую силу, что народовластие оказалось излишним и даже опасным для существования социального строя страны. Ослабление его и превращение в подсобное орудие «нормальной» власти явилось актом самосохранения общества.

* * *

В системе власти и управления советского общества уже в сталинские годы можно было различить два аспекта: 1) отношение власти и управления к подвластному и управляемому обществу; 2) внутреннее расчленение самой системы власти и взаимоотношений внутри нее. Во втором аспекте речь идет о таком элементе в самой системе власти, который позволяет контролировать самую систему власти и заставлять ее функционировать как единое целое, — о сверхвласти или о власти над самой системой власти. Последняя здесь разрастается до такой степени, что превращается в своего рода сверхобщество, в свою очередь нуждающееся в управлении. Эти аспекты переплетаются самым причудливым образом. Отношение их меняется в смысле изменений личного и институционального состава сверхвласти и их взаимоотношений с прочими членами и институтами системы власти. Функционирование сверхвласти внутри системы власти переплетается с функционированием последней в обществе. В сталинские годы аппарат сверхвласти сложился из сочетания элементов народовластия и партийно-государственного аппарата. Он образовался из личной канцелярии Сталина, группы близких ему помощников и сообщников (правлящей мафии), так

называемой номенклатуры и органов государственной безопасности.

Органы государственной безопасности в сталинские годы играли исключительно важную роль, выходящую за пределы карательных функций. Они были инструментом сверхвласти, связывавшим вождя и массы и позволявшим держать в своих руках аппарат государственной власти. Органы государственной безопасности пользовались высшим доверием народных масс. Им верили безусловно. Им помогали.

Одной из задач «органов» было поддержание такого орудия народовластия, как система разоблачений врагов (обычно воображаемых), открытых и тайных доносов, репрессий. Сейчас много критикуют тайное доносительство в то время. Но открытое доносительство и разоблачительство было распространено еще более, приносило еще больший эффект. Причем эти доносы и разоблачения не могли оставаться без последствий, иначе они утратили бы силу. Эта система доносительства и разоблачительства была естественной формой проявления подлинно народной демократии. Это была самодеятельность масс, поощряемая свыше, поскольку высшая власть была властью народной и стремилась остаться ею. Эта система ослабла в теперешнее время, поскольку кончилась эпоха расцвета народовластия.

Хотя советское общество является самым интересным, самым значительным и вместе с тем самым трудным для понимания социальным феноменом нашего времени, на Западе до сих пор преобладает стремление отделаться на этот счет несколькими универсальными словечками, одним махом и без всяких усилий объяснить все происходящее в советском обществе. О чем бы ни зашла речь, вездесущие и всеведущие словечки вроде «тоталитаризм», «ре-

прессии», «ГУЛАГ», «партократия» немедленно появляются в разных комбинациях, претендуя на исчерпывающее объяснение. К их числу относится и словечко «номенклатура», якобы раскрывающее секрет советской системы власти. Что такое номенклатура на самом деле? В сталинское время это был один из рычагов системы управления обществом. В номенклатуру входили особо отобранные и надежные с точки зрения центральной власти партийные работники, осуществлявшие руководство большими массами людей в различных районах страны и различных сферах жизни общества. Ситуация руководства была сравнительно проста, общие установки были ясны и стабильны, методы руководства были примитивны и стандартны, культурный и профессиональный уровень руководимых масс был низок, задачи деятельности масс и правила их организации были сравнительно просты и более или менее единообразны. Так что практически любой партийный руководитель, включенный в номенклатуру, мог с одинаковым успехом руководить литературой, целой территориальной областью, тяжелой промышленностью, музыкой, спортом. Главная задача руководства такого рода состояла в том, чтобы создать и поддерживать единство и централизацию руководства страной, приучить население к новым формам взаимоотношения с властью, любой ценой решить некоторые проблемы общегосударственного значения. И эту задачу номенклатурные работники сталинского периода выполнили.

В послесталинский период, когда завершилось формирование современной советской системы власти, институт номенклатурных работников в сталинском смысле почти полностью исчез. Осталось слово «номенклатура». Но теперь оно обозначает важные должности в системе власти и управления, назначение на которые контролируется

и утверждается партийными органами власти различных уровней (общесоюзного, республиканского, краевого, областного, районного). Номенклатурой данной партийной инстанции являются не определенные люди, а посты в органах власти и управления, которые находятся вне этой инстанции и назначение на которые контролируется и утверждается этой инстанцией. Теперь от лиц, назначаемых на посты, требуется некоторый уровень профессиональной компетентности. Категория номенклатурных работников, профессия которых быть в номенклатуре, практически уже не существует как важный элемент системы власти советского общества. Слово «номенклатура» теперь играет роль средства дезинформации, скрывающей реальную структуру советского общества и его системы власти.

* * *

На тему культа Сталина написаны тонны книг. Скажу лишь несколько слов. Культ Сталина был элементом народо-властия. Он рос главным образом снизу, хотя насаждался и сверху. Сталин был народным вождем в самом строгом смысле слова. Гораздо более народным, чем Ленин и все преемники Сталина. Все культы вождей после него создавались аппаратом власти и средствами пропаганды сверху, без поддержки в массах населения. Они все были карикатурными с самого начала. Замечу также, что Запад в огромной степени способствовал культу Сталина.

Пару слов о доносах. Ходили слухи, будто после хрущевского доклада было решено уничтожить архивы «органов». Я готов в эти слухи поверить: хозяевам общества надо было уничтожить следы своих прошлых преступлений. Во всяком случае, Хрущев сам ухитрился ликвидировать все материалы, касающиеся его деятельности в качестве одного из активных сталинских палачей. Те, кто помог

Хрущеву в этом, были щедро вознаграждены. В частности, в Киеве, где самые страшные репрессии проводились под руководством Хрущева, было широко известно, что этим делом занимался заведующий партийным архивом, награжденный за это Ленинской премией и избранный в члены-корреспонденты Академии наук, хотя он был полным ничтожеством в науке даже по украинским критериям.

Но я очень сожалею о том, что доносы и вообще документы такого рода были уничтожены. Дело в том, что они имели колоссальную ценность с социологической точки зрения. Мне случайно повезло в течение целой недели просматривать десятки папок с доносами перед тем, как их должны были уничтожить (так мне сказали). Тут я в концентрированной форме и в огромных масштабах увидел, чем на самом деле живут люди в фундаменте общества, каковы мотивы и цели их деятельности. Я буквально почувствовал, какую роль играют так называемые ничтожные явления. Уничтожение доносов — огромная потеря для науки. Тысячи людей, не подозревая об этом, в течение многих лет собирали уникальный материал для научных обобщений. И все впустую...

О сталинских репрессиях сказано также достаточно много. Ограничусь лишь краткими замечаниями в духе моей концепции сталинизма.

В систему насилия были вовлечены миллионы людей. Сваливать вину за это на горстку сталинцев, на органы государственной безопасности и на Сталина лично есть грубая фактическая и историческая ошибка. В основе насилия сталинской эпохи лежала массовая добровольность. Насилие явилось средством организации стихии добровольности. Точнее говоря, насилие сверху явилось организацией стихии насилия, поднявшейся снизу.

Считается, что в сталинские годы имело место систематическое нарушение некоей законности. Это мнение есть исторический абсурд. В те годы происходило формирование специфических коммунистических правовых отношений. Нарушать какие-то правовые нормы было просто невозможно, поскольку они еще не вошли в практическую жизнь. Написанные на бумаге правовые нормы еще нельзя считать реальными правовыми нормами. Они скорее играли роль средств идеологии, пропаганды, а не роль норм, практически регулировавших жизнь людей. Лишь к концу сталинского периода сложились более или менее устойчивые правила поведения людей, допускавшие интерпретацию в понятиях права, да и то лишь отчасти.

Бессмысленно рассматривать судебные процессы тех лет в юридических понятиях. Они были явлениями вне правовых отношений. Они лишь принимали видимость правовых, чтобы произвести нужное впечатление на Западе и воздействовать на свое население в желаемом для правящей клики духе. Эти явления имели свои нормы, ритуалы и процедуры, похожие на правовые, но мало что общего имевшие с последними.

Обвинения людей сталинского периода в аморальности точно так же лишено смысла. Дело тут не в том, что они были моральными (они, как правило, не были такими) или руководствовались какой-то другой моралью. Дело в том, что они были поставлены в условия, в которых для принципов морали просто не осталось места. Правила морали вообще не всеобъемлющи. Часто ли политики, бизнесмены, генералы и другие категории людей на Западе следуют правилам морали?! Так что можно требовать от людей на низших уровнях иерархии, оказавшихся к тому же в жутких и непривычных обстоятельствах?!

* * *

В сталинскую эпоху обнаружили огромные возможности коммунистической власти манипулировать массами. Власть присвоила также те функции, которые раньше выполняли частные владельцы и предприниматели. Это привело к беспрецедентной гипертрофии волюнтаристского аспекта власти. Кроме того, коммунизм обнаружил способность быстро поднимать общество из состояния разрухи на сравнительно высокий уровень. Возникла иллюзия неограниченных возможностей в развитии общества и способности власти использовать их, заставить общество стремительно прогрессировать во всех отношениях. Стремление высшей власти заставить общество жить и развиваться так, как того хочет высшее руководство во главе с вождем, стало характерной чертой сталинизма как типа власти. Сталинизм еще не успел столкнуться в ощутимых масштабах с тем, что как само общество, так и его власть ограничены объективными закономерностями самого социального строя страны. Лишь Хрущев испытал на себе границы системы власти, а Брежнев — социальной организации населения.

Вторая важная черта сталинского типа руководства — создание аппарата сверхвласти, стоящего над аппаратом партийно-государственным. Благодаря ему вождь с его кликой мог обращаться к массам непосредственно, минуя партийно-государственный аппарат и изображая его в глазах масс как одну из причин недостатков и трудностей...

Сталинский период советской истории был периодом беспрецедентной в истории человечества культурной революции, коснувшейся многомиллионных масс всего населения страны. Это был сложный, многосторонний

и противоречивый процесс. Культурная революция была абсолютно необходимым условием выживания нового общества. Человеческий материал, доставшийся от прошлого, не соответствовал потребностям нового общества во всех основных аспектах его: в производстве, в системе управления, в армии. Требовались миллионы образованных и профессионально подготовленных людей. В решении этой проблемы новое общество продемонстрировало свое колоссальное преимущество: самым легкодоступным для него оказалось то, что было самым труднодоступным для прошлой истории, — образование и культура. Оказалось, что гораздо легче дать людям хорошее образование и открыть им доступ к вершинам культуры, чем дать им приличное жилье, одежду, пищу. Доступ к образованию и культуре был самой модной компенсацией за бытовое убожество.

Люди переносили такие бытовые трудности, о которых теперь страшно вспоминать, лишь бы получить образование и приобщиться к культуре. Тяга миллионов людей к этому была настолько сильной, что ее не могла остановить никакая сила в мире. Всякая попытка вернуть страну в до-революционное состояние воспринималась как страшная угроза этому завоеванию революции. Быт играл при этом роль второстепенную. И казалось, что образование и культура автоматически принесут бытовые улучшения. И это происходило на самом деле для многих, что вселяло надежды на будущее.

Культурная революция шла по трем основным направлениям: 1) ликвидация безграмотности и повышение образовательного уровня взрослого населения;

2) создание колоссальной сети учебных заведений всякого рода для новых поколений; 3) централизованная и систематическая просветительская деятельность, созда-

ние публичных библиотек и читален, издание книг для массового читателя, кинофильмы, театры, концерты, радио. Заслуга сталинизма в организации этого процесса бесспорна. И до сих пор не сделано ни одного фундаментального исследования этого процесса. За кратчайший срок было подготовлено такое огромное число образованных людей и всякого рода специалистов, что Советский Союз провел войну с Германией, не испытывая острого дефицита в людях в этом отношении. В частности, после сталинских «чисток» в армии и после первых поражений в войне с Германией удалось удовлетворить потребности в офицерах. Выпускники школ буквально за несколько месяцев благодаря образованию становились гораздо лучшими офицерами, чем их малограмотные предшественники, прослужившие много лет в армии.

* * *

Все пишущие о сталинской эпохе много уделяют внимания коллективизации, индустриализации и массовым репрессиям. Но в эту эпоху произошло еще одно событие грандиозного масштаба, о котором пишут мало или умалчивают совсем, а именно — идеологическая революция. С точки зрения формирования нового общества эта революция, на мой взгляд, не менее важна, чем все остальное.

В сталинские годы определилось содержание идеологии, определились ее функции в обществе, методы воздействия на массы людей, наметилась современная структура идеологических учреждений и выработались правила их функционирования. Кульминационным пунктом идеологической революции был выход в свет работы Сталина «О диалектическом и историческом материализме». Существует мнение, будто эту работу написал на самом деле не

сам Сталин, а кто-то другой или другие. Возможно, что это так и было. Но если даже Сталин присвоил чужой труд, в появлении этого идеологического сочинения он сыграл роль неизмеримо более важную, чем сочинение довольно примитивного с интеллектуальной точки зрения текста: он дал этому тексту свое имя и навязал ему историческую роль. Эта сравнительно небольшая статья явилась идеологическим шедевром в полном смысле этого слова. И все те, кто обвинял Сталина в вульгаризации марксизма-ленинизма и стремился вернуться к более совершенному марксизму прошлого или уйти дальше вперед, так или иначе следовали сталинскому образцу. Этому образцу будут следовать и все последующие реформаторы идеологии. Почему? Отнюдь не из уважения к Сталину и не из-за неспособности сочинить нечто лучшее. Людей, которые способны сочинять лучше, чем Сталин, миллионы и миллионы. Но есть законы идеологии как особого социального феномена. И дело тут не в том, чтобы сочинить лучше, а совсем в ином: дело в адекватности идеологических сочинений условиям и потребностям своего общества.

После революции и Гражданской войны перед паршой, захватившей власть, хотела она этого или нет, создала она это или нет, встала задача навязать свою партийную идеологию всему обществу. Иначе она у власти не удержалась бы. А это практически означало идеологическое «воспитание» широких масс населения, создание для этой цели армии специалистов идеологических работников, создание постоянно действующего аппарата идеологической работы, проникновение идеологии во все сферы жизни. А с чем приходилось иметь дело сначала? Малограмотное и безграмотное население, процентов на девяносто религиозное. В среде интеллигенции преобладали

всякие формы «буржуазной» идеологии. Партийные теоретики — недоучки и болтуны, начетчики и догматики, запутавшиеся во всякого рода старых и новых идейных течениях. Да и свой марксизм они знали так себе. Как признавал сам Ленин, через пятьдесят лет после опубликования «Капитала» его понимало всего несколько десятков человек, да и то неправильно. А теперь, когда возникла задача переориентировать основную «идеологическую» работу на массы, да еще массы низкого образовательного уровня и зараженные старой религиозно-самодержавной идеологией, партийные теоретики оказались совершенно беспомощными.

Нужны были идеологические тексты, соответствующие возникшей задаче. Нужна была идеология как таковая, с которой можно было бы уверенно, настойчиво и систематично обращаться к массам. Те люди, которые создавали сталинский идеологический шедевр и сами писали тексты того же уровня, были историей поставлены в положение, аналогичное положению студентов, которым предстояло в кратчайшие сроки подготовиться к экзамену по малознакомому предмету. Главной проблемой для них стало не развитие марксизма как явления культуры, а отыскание наиболее простого метода создания марксистскообразных фраз, речей, текстов, статей, книг. Сталинистам надо было занизить уровень исторически данного марксизма настолько, чтобы он фактически стал идеологией интеллектуально примитивной и плохо образованной массы населения. Занижая и вульгаризируя марксизм до логического предела, сталинисты тем самым вышелушивали из него его рациональное ядро, сущность, единственно стоящее, что в нем вообще было. А то, что они отбросили, оказалось пустой словесной шелухой, пригодной лишь для словоблудия некоторой части умствующих философов.

Короче говоря, задача состояла не в том, чтобы поднять интеллектуальные хижинки до уровня интеллектуальных дворцов, а в том, чтобы низвести дворцы до уровня хижин. То, что в этих хижинах нельзя было жить, не играло роли. Они строились не для жилья, а лишь для подobia жилья. Они казались общедоступными. Они возвышали ничтожества из интеллектуальной грязи сразу на божественные вершины сверхгениальности. С такой задачей академические невежды и бездарности могли справиться лучше, чем академические эрудиты и гении.

«Есть марксизм догматический и марксизм творческий, — говорил Сталин. — Я стою на позициях последнего». Это заявление Сталина было затем истолковано как лицемерное теми, кто относился к марксизму как к вершине премудрости, как к самой научной науке. А между тем именно Сталин, а не его противники, отнесся к марксизму творчески.

Сталин обошелся с марксизмом с точки зрения интересов идеологии наилучшим образом. Он вроде бы сохранил в марксизме абсолютно все, лишив это все действенной силы. Он выжал из марксистской словесной массы ее идеологические соки. Роль сталинистов заключалась именно в том, что они отделили чисто идеологическую часть (ядро) марксистских текстов от прочих словес. В марксистской писанине зародилось и вызрело идеологическое учение. Сталинисты очистили идеологическое учение коммунизма от шелухи марксистской писанины. Потом началось попятное движение. Но оно уже не способно было фактически выйти за заданные ими рамки. Оно производило лишь новую шелуху, не затрагивая ядра учения.

Работа Сталина «О диалектическом и историческом материализме» была фокусом, ориентиром, острием идеологической революции в Советском Союзе. Она была своего рода главнокомандующим и одновременно знаменосцем армии прочих идеологических текстов и речей. Но она не исчерпывала собою всю идеологическую революцию и всю порождаемую ею идеологическую массу. Идеологическая революция охватила все сферы жизни общества и все слои населения. Идеологическая масса заполнила все социальное пространство страны. К концу сталинского периода идеологическая революция завершилась. Советская идеология появилась на свет как целостное социальное явление и как неотъемлемый элемент советского образа жизни.

После смерти Сталина в среде марксистов стало модным свысока смотреть на Сталина как на вульгаризатора марксизма. А между тем именно Сталин обнажил суть марксизма. Он внес в марксизм некоторую фундаментальную ясность. После разоблачения Сталина опять расцвело словоблудие, хотя, по существу, за все послесталинские годы десятки тысяч философов не прибавили к марксизму ни крупицы нового. То, что сделал Сталин, примитивно, убого, нелепо. Это так. Но это необходимая предпосылка создания жизненной идеологии. Сейчас наступил идеологический спад. Причин тому много. И одна из них — возврат марксизма к досталинскому словоблудию. Идеология растворилась в научно-популярной и псевдонаучной болтовне.

Предметом насмешек также стал язык Сталина. А между тем его языком говорила эпоха. Идеологическое учение должно быть изложено именно как идеологическое. Не обязательно его излагать так, чтобы любой смог его по-

нять. Не обязательно даже излагать его так, чтобы его нельзя было не понять. Его надо изложить так, чтобы никто не осмелился его не понять!..

* * *

Общеизвестно, какая настойчивая и ожесточенная борьба против религии и церкви велась в Советском Союзе после революции. Почему? По меньшей мере наивно рассматривать это просто как проявление беспричинной злобности, глупости и прочих отрицательных качеств деятелей революции и строителей нового общества. Причины для этого были, причем самые глубокие и серьезные с точки зрения хода истории. Это была не криминальная операция группы злодеев, а грандиозный исторический процесс. Указать на эти причины — не значит оправдать историю. История не нуждается ни в каком оправдании. Она проходит, игнорируя всякие морализаторские оценки ее событий и результатов. И нам остается лишь ломать голову над тем, как и почему это случилось.

Было бы также недостаточно объяснять эту борьбу против религии и церкви тем, что последние оказались на стороне контрреволюции и что вожди революции организовали эту борьбу в угоду марксистской доктрине относительно религии. На религию и церковь действительно были обрушены репрессии сверху. Марксистская доктрина действительно сыграла какую-то роль в деятельности отдельных людей. Но дело не столько в этом и даже в каком-то смысле совсем не в этом. Это лишь поверхность исторического процесса, его пена, а не глубинный поток. Дело тут главным образом в том, что массы населения, совершенно незнакомые с марксистской или иной доктриной, сами с ликованием ринулись в безбожие как в новую религию, сулившую им рай на земле и в ближайшем будущем. Более

того, они ринулись в безбожие даже не ради этого рая, в который они в глубине души никогда не верили, а ради самого безбожия как такового. Это была трагедия для многих людей. Но для еще большего числа людей это был беспрецедентный в истории человечества праздник освобождения от пут религии. Какую бы великую историческую роль религия ни играла, она играла эту роль, накладывая на людей тяжелые обязательства и ограничения на их поведение. Религия действительно давала людям то, на что она и претендовала, но она при этом взваливала на людей тяжелый груз и служила средством их порабощения. Подобно тому как многомиллионные массы населения в революцию и в Гражданскую войну сбросили путы социального гнета, игнорируя все их позитивное значение и не имея ни малейшего представления о том социальном закреплении, которое их ожидало в будущем, они в последующий мирный период сбросили путы религиозного духовного гнета, даже не подозревая о том, какого рода духовное закрепление идет ему на смену. Новое закрепление приходило к ним прежде всего как освобождение от старого, которое, согласно законам массовой психологии, воспринимается как наихудшее. Массы населения сами шли навстречу насилию и обману сверху. Они стимулировали его, становились его носителями и исполнителями. Без поддержки населения власти не смогли бы добиться такой блистательной и стремительной победы над религией, прораставшей в душах людей в течение многих столетий. Репрессии и обман «сверху» означали в тех условиях организацию самих масс на эти репрессии и этот обман.

Но это было не только насилие и самонасилие, не только обман и самообман. Чтобы новое общество, рожденное революцией, выжило и укрепилось, оно должно было определенным образом перевоспитать и воспитать много-

миллионные массы населения, оно должно было породить многие миллионы более или менее образованных людей, способных хотя бы на самом минимальном уровне выполнять бесчисленные и разнообразные функции в обществе, начиная от простых рабочих и кончая государственными руководителями всех рангов и профилей. Коммунистическая идеология должна была в этом беспрецедентном в истории социальном, культурном и духовном перевороте сыграть решающую роль. Религия и церковь, доставшиеся в наследство от прошлого, разрушенного революцией социального устройства, встали на пути этого переворота как одно из главных препятствий. Началась битва за души и умы масс населения. Коммунистическая идеология должна была занять в обществе то место, какое до революции занимала религия, причем всемерно и всесторонне расширить и усилить эту роль.

* * *

Как это ни странно на первый взгляд, жестокость в отношении миллионов людей в сталинские годы сочеталась с поразительной заботой о миллионах других людей. Причем число таких, кто чувствовал эту заботу, намного превосходило число тех, кто становился жертвами насилия и репрессий. Забота о людях проявлялась в организации просвещения, образования, развлечений, обучения профессиям, спорта и в улучшении бытовых условий. Хотя последнее было незначительным по нынешним понятиям, людьми той эпохи они воспринимались как грандиозные. Каждое снижение цен проводилось по всей стране как массовое мероприятие и переживалось как праздник. А главное, люди освободились от пут собственности и ото всего того, что вносила в их жизнь власть денег. Люди на самом деле почувствовали себя во многих отношениях

свободными. Уже в сталинские годы стали ощущаться такие блага коммунизма, как гарантия удовлетворения минимальных жизненных потребностей и уверенность в завтрашнем дне. Пропаганда умело использовала это и усиливала эффект достоинств коммунистического образа жизни. Для миллионов людей жизнь в их трудовых коллективах на первых порах компенсировала все их потери. Коммунизм приходил в мир прежде всего как искушение. За блага коммунизма приходилось платить. Но эта плата еще воспринималась как временные трудности. И опять-таки тут мы имеем пример реальной диалектики: чем лучше становились условия жизни, тем слабее становились соблазны коммунизма. В послесталинские годы уровень жизни населения поднялся сравнительно со сталинским периодом настолько, что, если бы в тридцатые годы нам рассказали об этом, мы не поверили бы. Но люди уже изменились. Изменились их претензии к жизни и представления о хороших условиях. И соблазны коммунизма утратили свою силу...

Ко времени смерти Сталина первый в истории человечества коммунистический эксперимент в основных чертах завершился, причем завершился успешно во всех основных аспектах жизни советского общества. Несмотря на сталинский террор и несмотря на кошмарные события этого периода, советское население приняло новый социальный строй и оценило его достоинства. Оно почувствовало и недостатки нового строя. Но оно смотрело на них как на исторически преходящие и чуждые самому новому строю, а не как на неизбежную плату за его достоинства. Сталинизм не потерпел крах. Он одержал блистательную историческую победу, подготовив тем самым условия своего ухода со сцены истории. Он сошел со сцены истории, исчерпав себя и сыграв свою роль. Сошел осужденный, осмеянный, окарикатуренный, но непонятный до сих пор. Непонятный

не в силу недомыслия, а в силу умышленного стремления к фальсификации истории и сущности реального коммунизма как в Советском Союзе, так и на Западе.

Сталинская эпоха была великой по масштабам событий и мероприятий. Последние измерялись миллионами участников. Вступление в партию — миллионы. Образование слоя начальников — миллионы. Ликвидация класса единоличного крестьянства — миллионы. Репрессии — миллионы. Стройки — миллионы. Ликвидация безграмотности — миллионы. Армия — миллионы.

Потери в войне — миллионы. И так во всем. Страна превращалась в единый социальный организм в муках и с потерями, но в муках грандиозных и с потерями грандиозными. И с результатами грандиозными. Страна стала коммунистической, выстояла в годы великого строительства и великого террора, победила в беспримерной в истории войне, вынесла послевоенные трудности. И все это было связано с именем Сталина. Хрущевский «переворот», сыграв свою историческую роль, вместе с тем унизил и опозил самый великий период советской истории. Брежневизм создал карикатуру на него. Горбачевизм, имея скрытую тягу к нему, соединил в себе пошлость, карикатурность и неблагодарность хрущевизма и брежневизма.

Карлики становятся судьями деяний великанов. Карлики убивают великанов, чтобы самим выглядеть великанами. Великая историческая эпоха становится предметом смеха и демагогии для ничтожеств...

Я был антисталинистом и не превратился в сталиниста. В результате многолетних размышлений я пришел к такому выводу. Сталинский путь в условиях краха бывшей Российской империи и послевоенной разрухи был самым эффективным путем построения коммунизма, а может быть, и единственным. Дело не в том, что Сталин был злодей. Дело

в том, что натура нового общества проявила себя наиболее ярко именно на этом пути. Сталин был сыном своего времени, наиболее полно и четко отразившим в себе сущность реального коммунизма. Сталинский период пока что остается самым значительным в советской истории. Этот период заслуживает, конечно, критики. Но в гораздо большей мере он заслуживает объективного понимания. Сталин был, есть и навечно останется главной личностью в истории реального коммунизма.

Негативное отношение к Сталину объясняется тем, что он обнажил сущность марксизма-ленинизма как идеологии и сущность реального коммунизма. Сталин сыграл свою историческую роль. И теперь на него можно сваливать все те негативные явления, которые на самом деле суть неотъемлемые атрибуты коммунизма. Его сделали козлом отпущения за грехи истории и за непредвиденные следствия реальности коммунизма. Советское руководство и его холуи проявляют свою собственную натуру, «разоблачая» Сталина, а не натуру сталинизма. Они поступили со Сталиным нечестно, подло, коварно, как это и соответствует их собственной сущности.

Поистине верно: мертвого льва может лягнуть даже осел.

ХРУЩЕВСКАЯ «ОТТЕПЕЛЬ»

ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

Сталин умер. Но в стране ничто не изменилось как непосредственное следствие его смерти. Те изменения, которые происходили в стране, были независимы от Сталина и его смерти. Они начались при Сталине. Формальные преобразования высших органов власти еще при жизни Сталина несколько не меняли существа власти. После смерти Сталина они были ликвидированы, была восстановлена прежняя структура высших органов власти, что тоже не изменило ничего по существу.

На Западе этим ничтожным, на взгляд советских людей, изменениям в органах власти придали огромное значение, как сейчас здесь преувеличивают значение горбачевской суеты. Но даже среднеобразованные советские люди понимали (как они понимают и теперь), что все махинации в высших органах власти были связаны с борьбой за власть в правящей верхушке, и вообще игнорировали их. От того, что высший орган власти стал бы называться Президиумом ЦК КПСС, а не Политбюро ЦК КПСС, его статус и роль в системе власти не изменились бы.

Вскоре после смерти Сталина у меня состоялся разговор с В. Громаковым, тогда секретарем партбюро факультета. Он сказал, что мне следовало бы вступить в партию, что начинается такое время, когда мои антисталинские настроения могут быть полезными для страны, что, находясь в партии, я могу сделать более, чем оставаясь беспартий-

ным. Его слова мне показались убедительными. Он был одним из тех, кто дал мне рекомендацию. Другую рекомендацию дал мне друг-враг Э. Ильенков. Не помню, кто дал третью. Осенью 1953 года я был принят кандидатом в члены КПСС.

Громаков оказался прав в том смысле, что после смерти Сталина в партийных организациях учреждений и предприятий началась острая борьба. В этой борьбе приняли активное участие миллионы членов партии.

Сталин умер, но остались сталинисты и образ жизни, сложившийся при нем. А сталинисты — это не горстка высших партийных руководителей, а сотни тысяч (если не миллионы) начальников и начальничков на всех постах грандиозной системы власти, сотни тысяч активистов во всех учреждениях и предприятиях страны. Годы 1953—1956-й превратились в годы ожесточенной борьбы с этим наследием Сталина. По форме это не была борьба, открыто направленная против сталинизма. Никакой определенной линии фронта и никакого четкого размежевания лагерей не было. Борьба проходила в форме бесчисленных стычек по мелочам — по поводу кандидатур в партийные и комсомольские бюро, назначения на должности, присвоения званий и т.д. Но по существу это была борьба против негативных явлений сталинского периода и сталинского режима. Вот некоторые особенности этой борьбы. Бывшие сталинисты, все, за редким исключением, перекрасились в антисталинистов или, по крайней мере, перестали заявлять о себе как о сталинистах. Лишь немногие потеряли посты и власть или были понижены. Большинство осталось. Многие даже сделали дальнейшие успешные шаги в карьере. Эта борьба происходила главным образом как перерождение массы сталинистов в новую форму, соответствующую духу времени. Но происходило это под давлением мас-

сы антисталинистов, которые отчасти открыто стали проявлять свои прежние тайные настроения, но главным образом появились теперь, в новых условиях, когда исчезла острая опасность быть антисталинистом и когда роль борца против сталинизма становилась более или менее привлекательной. Это не значит, что эта роль не имела своих неприятных последствий. Но эти последствия уже не были такими, какими они могли быть ранее. Антисталинистское давление снизу становилось таким, что с ним нельзя уже было не считаться. Никакой четкой линии фронта в борьбе, повторяю, не было. Она была распылена на бесчисленное множество стычек по конкретным проблемам, каждая из которых по отдельности была пустяковой, но сумма которых составила проблему грандиозного исторического перелома. В этой борьбе порою бывшие сталинисты поступали как смелые критики отживших порядков, а антисталинисты выступали как реакционеры. Имела место мешанина слов, действий и настроений. Но в ней вырисовывалась определенная направленность, результировавшаяся потом в решениях XX съезда партии. Борьба шла внутри партийных организаций и органов власти и управления, что было не делом случая, а проявлением сущности самого социального строя, его структуры, роли упомянутых феноменов.

* * *

О том, насколько еще силен был сталинизм, говорил тот факт, что ближайшие соратники Сталина оставались на высотах власти. Сталина набальзамировали и положили в Мавзолее рядом с Лениным. Но уже ощущалось, что сталинизм изжил себя и потерял былую силу. Репрессии прекратились. По поводу помещения Сталина в Мавзолей рассказывали анекдоты. Например, такие. Один журналист

посетил Мавзолей и спросил Ленина, как он себя чувствует после того, как Сталина положили рядом с ним. Ленин ответил: «Не думал, что ЦК подложит мне такую свинью». Другой анекдот. Два грузина пришли в Мавзолей. Сталина они, конечно, узнали. Один из них спросил другого, указывая на Ленина, кто это такой лежит рядом со Сталиным. А другой ответил, что это — сталинский орден Ленина. За эти анекдоты не сажали. Начали появляться многочисленные «правдивые» рассказы о Сталине, имевшие характер анекдотов.

Борьба, о которой я говорил, послужила основой и подготовкой хрущевского «переворота». Десталинизация страны началась еще до доклада Хрущева на XX съезде партии. Доклад Хрущева был итогом этой борьбы. Фактическая десталинизация страны произошла бы и без этого доклада и без решений XX съезда партии, произошла бы явочным порядком. Хрущев использовал фактически начавшуюся десталинизацию страны в интересах личной власти. Придя к власти, он, конечно, отчасти способствовал процессу десталинизации, а отчасти приложил усилия к тому, чтобы удержать его в определенных рамках. Ему не удалось до конца довести ни то ни другое, что потом послужило одной из причин его падения. Десталинизация страны была сложным историческим процессом. И нелепо приписывать ее усилиям и воле одного человека с интеллектом среднего партийного чиновника и с повадками клоуна. И тем более нелепо сравнивать роль Хрущева с ролью Горбачева. Хрущевский и горбачевский периоды имели противоположную социальную направленность. Хрущев осуществлял десталинизацию страны, приведшую к брежневизму. Горбачев осуществляет дебрежневизацию страны, ведущую к новой форме волюнтаризма сталинского типа.

Но Громаков оказался не прав в отношении моего личного участия в этой борьбе. Я оказался человеком беспар-

тийным по натуре, абсолютно непригодным к внутривнутрипартийной борьбе. И в моих услугах и поддержке, как выяснилось, никто не нуждался. Но я не жалею о том, что вступил в партию. Это открыло мне возможность лучше наблюдать жизнь советского общества, ибо наиболее активная социальная жизнь в этом обществе протекает именно в партийных организациях. Благодаря пребыванию в партии я смог лучше разобраться в том, как устроена и как функционирует специфически коммунистическая система власти и управления. Я говорю так, глядя назад с точки зрения того, что мне удалось сделать много лет спустя. А тогда, в пятидесятые годы, я рассматривал вступление в партию как ошибку. Впрочем, я скоро к этому привык и рассматривал свое пребывание в партии как чистую формальность. На мою научную карьеру это не оказало существенного влияния.

Я был не единственным антисталинистом, вступившим в партию после смерти Сталина. После смерти Ленина масса людей вступала в партию с намерением продолжать дело Ленина. Это был «ленинский призыв» в партию. Люди, вступившие в партию в «ленинский призыв», стали затем опорой сталинизма. После смерти Сталина масса людей вступила в партию с сознательным намерением бороться против сталинизма. Трудно сказать, в какой мере они способствовали десталинизации страны.

* * *

Летом 1953 года я проходил очередные военные сборы. На этот раз они продолжались целых три месяца. В середине сборов вдруг отобрали летчиков, которые были кандидатами или членами партии, и на военном транспортном самолете доставили на военный аэродром под Москвой. Формально мы должны были летать в отряде са-

молетов, которые должны были образовать в небе слова «Слава КПСС!» во время предстоявшего воздушного парада. Я должен был летать в букве «П» в слове «КПСС». Но потом выяснилось, что это был лишь предлог сосредоточить вокруг Москвы надежных военнослужащих, которых можно было бы использовать против попытки захвата власти Берией. Последний начал стягивать к Москве подчиненные ему войска МВД. В это время мой брат Алексей служил в Кантемировской (или в Таманской, точно сейчас не помню, в какой из них именно) дивизии, располагавшейся в восьмидесяти километрах от Москвы. Их дивизию подняли ночью по тревоге и ввели в Москву. Они окружили все здания МВД, включая Лубянку. Все это было сделано быстро, так что москвичи почти ничего не заметили.

О событиях в высшем руководстве ходили всякие слухи, в частности — будто Молотов или Жуков лично застрелили Берию в Кремле. Мы не верили в их надежность и были в общем и целом равнодушны к ним. Это были верхушечные, «генеральские» дела. А у нас были другие интересы, другая жизнь, другая ориентация сознания. Солдаты не знают забот генералов.

В наших идеологических и философских кругах характер происходившей борьбы обнаружился особенно отчетливо. Тут были сосредоточены самые чудовищные монстры сталинского периода. После смерти Сталина далеко не сразу потерял свое положение в ЦК КПСС махровый сталинец Г.Ф. Александров (где-то после 1956 года). Понизился академик М.Б. Митин. Но он остался академиком, занимал больше десяти различных постов и везде получал деньги. На посту редактора журнала «Вопросы философии» остался М. Каммари, автор огромного труда о роли Сталина в истории. Теперь он срочно переписывал свой холуйский труд в новом духе. И уже через год он вышел в свет с названи-

ем «Роль народных масс в истории». Я по этому поводу написал для стенгазеты стихотворение, в котором были слова от имени Каммари: «Я воспевать теперь намерен роль личности... тьфу, извиняюсь, масс». И за это я жестоко поплатился. После Каммари редактором журнала стал Митин. Кстати сказать, он был лучшим редактором журнала, чем сменившие его «либералы». Продвинулись по служебной лестнице сталинисты П.Н. Федосеев и Ф.В. Константинов. Они по очереди были директорами института и академиками-секретарями Отделения АН СССР, стали полными академиками. Федосеев стал вице-президентом Академии наук. Оба они занимали одновременно множество руководящих постов. Короче говоря, все крупнейшие фигуры в идеологии сталинского периода сохранили в своих руках руководство идеологией. Десталинизация идеологии происходила под их руководством. Один из самых гнусных сталинистов М.А. Суслов стал главой советской идеологии и со временем одной из главных и зловещих фигур в советском руководстве.

Но эти зубры идеологии были где-то наверху. Нам приходилось иметь дело со сталинскими монстрами рангом поменьше. В Институте философии этих монстров возглавляла Е.Д. Модржинская, бывшая начальником личной канцелярии Берии и полковником «органов». Она была необычайно энергичной и фанатичной коммунисткой. Во всяком случае, она претендовала на такую роль. Личность она была в высшей степени колоритная. В моей книге «Желтый дом» она послужила прототипом для «Суки Тваржинской».

* * *

Весной 1954 года я сдал свою диссертацию на обсуждение на «малом» ученом совете. Обсуждение превратилось в настоящее сражение, длившееся более шести часов.

Профессора обвиняли меня во всех возможных отступлениях от марксизма-ленинизма. Студенты и аспиранты моей группы громили их и высмеивали их невежество. На обсуждение пришло много людей с других факультетов и даже извне университета — слух о необычной диссертации распространился по Москве. Пришел, в частности, молодой кинорежиссер Г. Чухрай с группой своих артистов. Потом мы стали друзьями. С Чухраем меня познакомил мой друг Карл Кантор, о котором я уже упоминал.

Ученый совет решил не выпускать диссертацию на защиту на «большом» ученом совете.

После обсуждения мы с Карлом и Чухраем пошли к М. Донскому, одному из ведущих тогда советских кинорежиссеров, надеясь на то, что тот сможет мне помочь. Наши надежды оправдались. Тогдашний заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС Г.Ф. Александров, бывший одним из ближайших идеологических советников Сталина, был другом М. Донского. Последний позвонил Александрову, рассказал о решении ученого совета не допускать диссертацию на защиту. Александров пообещал уладить дело. Буквально через день мне сообщили, что ученый совет пересмотрел свое решение путем личного опроса членов совета, и моя диссертация была допущена к защите. Таким образом, один из самых заядлых бывших сталинистов поддержал работу бывшего антисталиниста, даже не посмотрев ее. Такие явления в сталинские годы были возможны. Я уверен в том, что в послесталинские «либеральные» годы такие книги, как «Тихий Дон» Шолохова и «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова, не были бы напечатаны — не допустили бы сами писатели. Опять-таки один из парадоксов советской жизни: если бы сталинисты во главе с Г. Александровым удержались еще три-четыре года, моя немарксистская диссертация о Марксе была бы напечатана

на, я сразу стал бы доктором наук и профессором, а может быть, был бы даже назначен на высокий пост. Несмотря ни на что, у сталинистов было больше пиетета к таланту, чем у «либералов».

Защита диссертации тоже превратилась в манифестацию. Многие выступавшие требовали напечатать ее. Это напугало философское начальство. Степень кандидата мне присудили, но потом четыре года не утверждали: покровительствовавший мне Александров потерял все свои позиции. Диссертацию изъяли из открытого фонда Библиотеки имени В.И. Ленина и из Библиотеки имени Горького (последняя — университетская библиотека). Выдавали ее читать только по особому разрешению. Насколько мне известно, этот запрет сохранился вплоть до выхода «Зияющих высот». Один из моих почитателей попытался в 1977 году получить разрешение, но ему отказали.

Одна характерная деталь, связанная с диссертацией. Пока Сталин был жив, я принципиально не хотел ссылаться на него, как это по обязанности делали все. Мой научный руководитель не хотел выпускать главы диссертации на обсуждение на кафедре из-за этого. После смерти Сталина сразу же прекратились ссылки на него. Я из духа противоречия включил работу Сталина «О диалектическом и историческом материализме» в список использованной мною литературы. Мой научный руководитель на сей раз был категорически против. Сталинизм пустил корни в души людей настолько глубоко, что сталинисты начали предавать своего кумира сразу же, как только предательство становилось неопасным и даже выгодным для них. Последующая история страны дала бесчисленные примеры такого рода. Шут Хрущев, плясавший и кривлявшийся по приказу Сталина, превратил критику Сталина в личное оскорбление и окарикатуривание последнего.

* * *

В декабре 1954 года я был принят на работу в Институт философии Академии наук СССР. Произошло это при довольно комичных обстоятельствах. В Институте философии уже знали обо мне и о моей диссертации. Институтские монстры во главе с Модржинской были категорически против принятия меня на работу в институт. Модржинская специально приходила на факультет наводить обо мне справки. Она сколотила целую группу с целью предотвратить мое поступление в институт — у нее был нюх старой чекистки, она чуяла, что я — «не наш человек». Так что никаких шансов поступить в Институт философии у меня не было. Но вот однажды я присутствовал там на ученом совете, на котором защищалась докторская диссертация. Диссертант, бывший сталинист, теперь стал, как и многие другие бывшие сталинисты, антисталинистом. Меня это возмутило. Я выступил и охарактеризовал поведение диссертанта как типичную подлость. Я сказал тогда в заключение восточную пословицу: «Мертвого льва может лягнуть даже осел». Директором института был Ц.А. Степанян, бывший сталинист. Услышав мое выступление, особенно последнюю фразу, он молча вышел из зала и отдал приказ зачислить меня в институт на должность машинистки-стенографистки — это была единственная свободная ставка. Так я попал в Институт философии АН СССР. Через несколько месяцев меня перевели в младшие научные сотрудники.

Забавно, что со мной и на этот раз серьезно беседовали представители райкома партии и «органов». Они тоже восприняли мое выступление как защиту Сталина и расценили его как противоречащее новой генеральной линии партии. Важно было не то, что ты говорил по существу, а то, насколько говоримое тобою соответствовало общей уста-

новке. Важно было не то, куда именно шла масса людей, а то, чтобы и ты шел в ногу с нею. Еще в сталинские годы рассказывали такой анекдот: один старый большевик в пункте анкеты, в котором спрашивалось, колебался ли он в проведении генеральной линии партии, написал, что он колебался вместе с генеральной линией партии. Этот анекдот рассказывали открыто, над ним открыто смеялись, но за это почему-то не сажали.

ХРУЩЕВСКИЙ «ПЕРЕВОРОТ»

Говоря о хрущевском «перевороте», как и о любом другом значительном событии и периоде советской истории, надо различать его внешние признаки, специально обнаруживаемые и подчеркиваемые для общественного сознания и заметные для любого, даже самого невежественного и глупого наблюдателя (т.е. заметные для всех), и глубинные явления, образующие социальную сущность этого явления и обнаруживаемые лишь в результате серьезного профессионального исследования. Этот общий принцип познания сложных социальных явлений игнорируется как в Советском Союзе, так и на Западе. Игнорируется по разным причинам, но игнорируется. Во-первых, увидеть поверхностные и специально пропагандируемые признаки легко, а докопаться до скрытых не так-то просто. Для этого мало проглядеть газеты и послушать радио. Нужны усилия, нужна специальная подготовка, нужны методы, которые не имеются в наличии или отвергаются специалистами (как это имеет место в отношении познавательных приемов диалектики). А во-вторых, в истине заинтересованы лишь одиночки. Множество людей, в чьих руках находится дело познания и средства массовой информации,

имеют совсем иные интересы, ничего общего не имеющие со служением истине. Они вольно или невольно прилагают усилия к тому, чтобы помешать объективно-научному пониманию социальных явлений определенного рода. Так было и так обстоит дело со всеми важнейшими явлениями советского общества и его истории, включая хрущевский период.

Социальную сущность явлений, о которых идет речь, образуют не некие секреты Кремля и закулисные махинации, которые стремятся разгадать западные разведывательные службы и кремленологи и которые становятся сенсациями в средствах массовой информации Запада. Такие секретные и сенсационные явления суть еще в большей мере пена исторических процессов, чем любые другие. Сущность интересующих нас явлений образуют точно так же обыденные, доступные наблюдению эмпирические факты. Но чтобы понять, что именно они образуют сущность видимых явлений, нужны особые методы исследований всей совокупности явлений реальности, нужно следовать определенным принципам научной этики, нужно иметь мужество пойти против общепринятых мнений и быть готовым к тому, что мир не встретит с восторгом твои открытия.

Внешне хрущевский «переворот» выглядел так. Хрущев зачитал на XX съезде партии доклад, разоблачавший «отдельные ошибки периода культа личности». Доклад зачитали во всех партийных организациях. Никакого обсуждения не было. Просто предлагалось принять его к сведению. Одновременно всем партийным органам были даны инструкции, что делать. Убрали портреты, бюсты и памятники Сталина. Прекратили ссылки на него. Позднее выбросили труп Сталина из Мавзолея. Сделали кое-какие послабления в культуре, особенно в литературе и кино. Замени-

ли каких-то деятелей сталинского периода в руководстве. Стали предавать гласности кое-какие неприглядные факты прошлого. На Сталина начали сваливать вину за тяжелое положение в стране и за потери в ходе войны. Все эти и другие факты общеизвестны. Совокупность этих фактов и называют десталинизацией советского общества.

Что означала эта десталинизация по существу с социологической точки зрения? Сталинизм исторический как определенная совокупность принципов организации деловой жизни страны, принципов управления и поддержания порядка и принципов идеологической обработки населения сыграл свою великую историческую роль и исчерпал себя. Он стал помехой для нормальной жизни страны и дальнейшей ее эволюции. В силу исторической инерции он еще сохранял свои позиции. Миллионы людей, которые были оплотом сталинизма, привыкли и не умели жить по-иному, сохраняли свои руководящие позиции и влияние во всех подразделениях общества. Вместе с тем в стране отчасти благодаря сталинизму и отчасти вопреки ему созрели силы и возможности его устранения. В годы войны и в послевоенные годы предприятия и учреждения страны уже во многом стали функционировать не по-сталински. Благодаря культурной революции изменился человеческий материал, и потери в войне не остановили этот процесс. В массах населения назрела потребность жить иначе, назрел протест против сталинских методов, ставших бессмысленными.

В сфере управления обществом сложился государственный чиновничий аппарат, который стал играть более важную роль сравнительно с аппаратом сталинского народовластия и сделал последний излишним. В сфере идеологии сталинский уровень идеологии перестал соответствовать интеллектуальному уровню населения и его настроениям. В стране выросли огромные кадры идеологически

подготовленных людей, которым сталинские идеологи казались примитивными и мешали делать то же дело лучше, чем раньше. Десталинизация страны происходила вопреки всему и несмотря ни на что, происходила объективно, явочным порядком. Происходила как естественный процесс созревания, роста, усложнения, дифференциации социального организма. Так что хрущевский «переворот» означал приведение официального состояния общества в соответствие с его фактическими тенденциями и возможностями.

Хрущевский «переворот» имел успех лишь в той мере, в какой он был официальным признанием того, что уже складывалось фактически. Он имел успех лишь в той мере, в какой нес облегчение и улучшение условий жизни широким массам населения. Он был прежде всего в интересах сложившегося к тому времени мощнейшего слоя руководящих работников всех сортов и уровней (начальников и чиновников), которые стремились сделать свое положение стабильным, обезопасить себя от правящей сталинской мафии, опиравшейся на органы государственной безопасности и массовые репрессии, и от мафий такого рода на всех уровнях социальной иерархии. Этот правящий слой больше всех был подвержен произволу народовластия. Он стал господствующим фактически и хотел иметь личные гарантии своего привилегированного положения.

* * *

Доклад Хрущева на XX съезде партии читался у нас в институте на закрытом партийном собрании. Но содержание его не было секретом. Он произвел впечатление тем, что был сделан на высшем уровне и одобрен высшими партийными органами, и теми конкретными данными, какие в нем приводились. Но принципиально нового он для нас ни-

чего не содержал. Все продолжалось так, как уже наметилось до этого. Как я уже сказал, убрали лишь портреты и бюсты Сталина, запретили ссылки на его сочинения. Когда уносили огромный бюст Сталина из зала заседания института в подвал, его уронили на лестнице и разбили. Завхоз института, бывшая восторженной сталинисткой, сказала по этому поводу: «Туда ему и дорога!». У меня такого рода явления вызывали отвращение и возмущение тем, что в них проявлялись гнусные качества советского человека. Особенно противно было видеть, как бывшие сталинские холуи начали изображать из себя жертв «культы личности» и цинично использовать новую конъюнктуру в своих корыстных интересах. Это явление, как выяснилось впоследствии, стало характерным для советского человека. В горбачевские годы многие ловкачи, процветавшие при Брежневе, тоже стали изображать из себя жертв брежневизма, поскольку это оказалось чрезвычайно выгодным. В хрущевские же годы такое массовое хамелеонство было новостью.

В среде людей, с которыми мне приходилось тогда сталкиваться, ходил слух, будто зачитанный Хрущевым доклад был подготовлен еще помощником Берии, будто Берия сам собирался его зачитать, и это якобы было главной причиной того, что его убрали. Несколько лет спустя я встретил человека, который утверждал, будто этот доклад был приготовлен для самого Сталина, будто Сталин сам собирался выступить в роли освободителя от террора, который без его ведома учинили его соратники. Сейчас невозможно установить, насколько правдивы были такие слухи. Это и не важно. Важно то, что в них проявлялось убеждение в объективной предрешенности крушения легенды сталинизма и десталинизации страны.

При Хрущеве в наших кругах началась веселая, радостная и даже разгульная жизнь. Мы были молоды. Нача-

лись первые успехи. Защищались диссертации. Печатались первые статьи и книги. Присваивались первые звания. Делались первые шаги в служебной карьере. Началась оргия банкетов. Успехи были достаточно ощутимы, чтобы создать общий оптимистичный тонус жизни. Они еще были не настолько заметны, чтобы соображения карьеры и стяжательства стали разделять нас на разные социальные категории. Так что в наших компаниях участвовали пока еще на равных правах самые различные личности: работник ЦК и известный журналист А. Бовин; будущие диссиденты и эмигранты Б. Шрагин, А. Пятигорский и Н. Коржавин (Мандель); будущий редактор журнала «Вопросы философии», помощник высшего партийного чиновника Демичева, академик и помощник Горбачева, член Политбюро ЦК КПСС И. Фролов; будущий директор Института психологии В. Давыдов; будущий известный философ Э. Ильенков, который будет членом комиссии, подготовившей судилище надо мною в Институте философии (по поводу «Зияющих высот»), будущий редактор журнала «Коммунист» Н. Биккенин; будущий помощник высокого партийного чиновника и околodиссидент Ю. Карякин; будущий скульптор и эмигрант Э. Неизвестный и многие другие лица, ставшие известными в брежневские годы. В эти годы начало свою успешную карьеру поколение всякого рода карьеристов, составивших затем интеллектуальную элиту брежневского руководства и всплывших на поверхность в горбачевские годы. Многие из них появлялись в наших кругах, наши пути пересекались в частных компаниях, на бесчисленных заседаниях, на банкетах.

Наше единство (если тут уместно это слово) определялось не какими-то общими принципами и единством цели. Ничего подобного не было изначально. Мы все с самого начала видели наши различия, знали, кто и что есть.

Оно определялось просто тем, что нам приходилось сталкиваться друг с другом по работе и по сфере активности вообще, и мы испытывали друг к другу какие-то симпатии. Общая атмосфера в стране для нас была такая, что наши различия еще не разъединяли нас принципиально. Будущие сотрудники партийного аппарата еще выглядели потенциальными деятелями культуры. Актуальные сотрудники КГБ и того же партийного аппарата еще пьянствовали вместе с деятелями культуры, изображая покровителей наук и искусств. Короче говоря, начинались годы не только политического, но и идеологического, и психологического, и карьеристического либерализма. Они описаны мною в «Зияющих высотах».

* * *

Надо сказать, что отличие этих лет от сталинских было весьма ощутимым. И мы все понимали это, чувствовали это и, естественно, использовали это. Нам казалось, что пришло именно наше время стать важными фигурами если не в политической, то, по крайней мере, в идейной и культурной жизни страны. Во второй половине пятидесятых годов Институт философии АН СССР, где я работал, стал превращаться в один из ведущих идейных центров страны, а с точки зрения свободы мысли — в самый значительный центр свободомыслия. В тесной связи с институтом были журнал «Вопросы философии», редакция «Философской энциклопедии» и философский факультет университета. Директором института был бывший сталинист П. Федосеев, а затем — Ф. Константинов, редактором «Вопросов философии» бывший сталинист И. Митин, редактором энциклопедии — бывший сталинист Ф. Константинов. Но тон задавали молодые и сравнительно молодые (в районе сорока и более лет) философы, в большинстве окон-

чившие образование уже в послесталинские годы. Возникло множество журналов и издательств, тяготеющих к Институту философии как к идейному центру и поставщику авторов. Появилось довольно большое число энтузиастов, сделавших много для оздоровления идейной атмосферы в философии и околофилософских кругах, а через них — в интеллектуальной и творческой среде вообще. Среди этих людей были такие, которые впоследствии приобрели известность, например П. Копнин, Э. Ильенков, В. Давыдов, П. Гайденок, Э. Соловьев, Э. Араб-Оглы, М. Мамардашвили, А. Гулыга, И. Нарский, А. Богомолов, Ю. Замошкин, Н. Мотрошилова, Б. Грушин, Шубкин и многие другие. Но большинство осталось неизвестными, хотя их фактическая роль в оздоровлении идейной ситуации в стране была неизмеримо значительнее, чем это стало известно. Эти люди были работниками невысокого ранга. Но от них зависела публикация книг и статей. Они консультировали начальников более высокого ранга, готовя им статьи, книги и доклады. Хочу в этой связи упомянуть имя Г. Гургенидзе, долгие годы работавшего в «Вопросах философии». Это был человек редкостных моральных качеств, фронтовик, настоящий коммунист в том смысле, о каком я говорил выше. Он, оставаясь в тени, сделал для публикации в журнале молодых авторов и для повышения интеллектуального уровня журнала больше, чем кто бы то ни было. Мои статьи в «Вопросах философии» стали публиковать благодаря его усилиям. Первую мою статью он опубликовал под псевдонимом, чтобы обмануть бдительность редактора. Хочу отметить также большую роль, которую сыграли старые профессора, сохранившие достоинство в сталинские годы, в особенности такие, как Асмус, Бакрадзе, Лосев, Маковельский.

Одним словом, хрущевские годы были годами десталинизации советской идеологии, философии, культуры,

вообще — духовной жизни страны. Это был длительный и болезненный процесс. Он оказался весьма ограниченным. Но когда он начался, он породил оптимизм и энтузиазм, выходящий за рамки потенциальных возможностей социальной системы. Кое-кто воспользовался этим и пошел настолько далеко, насколько позволяли его личные способности и творческие амбиции. Я эту ситуацию в стране использовал максимально. Я прорвался благодаря ей.

Вместе с тем тогда с самого начала давали о себе знать объективные факторы нашего общества, отрезвлявшие общее опьянение. Мы все понимали, что для закрепления и усиления жизненных успехов нужно было избрать один из двух возможных путей: либо настоящий вклад в культуру, либо действия по законам приспособления и карьеры. Большинство пошло по второму пути, используя свои маленькие способности и более или менее приличное образование как средство. Но лучшие сравнительно с людьми сталинского периода способности и образование, а также «либерализм», придававший им видимость оппозиционеров, породили у этих людей непомерно высокое самомнение, ставшее затем одной из черт горбачевизма: они сами вообразили себя идейными лидерами общества и стали изображать из себя «диссидентов у власти». Пройдя школу разврата в идейных бардаках хрущевских и брежневских лет, эти люди, выбравшись на поверхность, стали изображать идейное и творческое целомудрие. Нам всем с самого начала было ясно, что нужно было окунуться в трясины, болото и помойку советской реальности, чтобы действительно приобщиться к правящей и задающей тон жизни элите общества. Встав на этот путь, «лучшие люди» хрущевских лет сами заглушили загоревшийся было энтузиазм и превратились к тому моменту, когда они смогли сказать «Остановись, мгновенье!», в одно из самых гнусных порождений советской истории.

Хрущевские годы были годами расцвета дружеских взаимоотношений в тех кругах, в которых мне приходилось вращаться. Во всяком случае, я не могу пожаловаться на недостаток таких отношений. Я не могу здесь перечислить всех людей, с которыми у меня были дружеские отношения в эти годы, так как их было очень много. Я не могу назвать никого, с кем у меня были бы лично плохие отношения. Ко мне лично прекрасно относились даже те, кто причинял мне зло. В этом смысле моя ситуация была чисто социальной, до такой степени социальной, что трудно было понять, откуда исходило зло. Бывший заведующий кафедрой логики В. Черкесов, который написал на меня донос в экспертную комиссию, утверждавшую ученые степени, много раз заявлял, что я был самым способным логиком в советской философии. Упомянутая выше Модржинская устраивала мне возможность подрабатывать в вечернем университете марксизма-ленинизма. С моими коллегами, провалившими мою книгу, мы отправились после этого в ресторан и весело отметили это радостное событие. Чтобы понять, почему и как это было возможно, надо вспомнить о тех качествах и принципах поведения, которые я вырабатывал в себе с детства. Я к людям относился всегда сугубо лично, игнорируя исполняемые ими социальные роли и следствия этих ролей в моей судьбе. Я никого и никогда не считал моим личным врагом, хотя многие воспринимали сам факт моего существования как личную угрозу.

Вообще должен сказать, что в хрущевские годы и в первые годы брежневского правления (до семидесятых годов) жизнь в наших кругах была интересной, динамичной и веселой, несмотря ни на что. Спад начался в конце шестидесятых годов, в особенности после подавления чехословацкого «бунта». Думаю, что советское руководство испуга-

лось возможности аналогичного «бунта» у себя дома. Ведь в Чехословакии все началось с философских кругов!

У нас начали постепенно «закручивать гайки».

* * *

...В институт я был принят на должность машинистки-стенографистки, хотя я печатать на машинке не умел и до сих пор не умею. На первых порах мне поручили работать с сумасшедшими, которые десятками осаждали идеологические учреждения. Я отвечал на их письма, читал, рецензировал их сочинения, беседовал с ними. Хотя я скоро был переведен на должность научного сотрудника, эта обязанность работать с сумасшедшими оставалась за мною в течение многих лет. Впоследствии я использовал опыт этой работы в моих литературных произведениях, в особенности в книге «Желтый дом», основанной на фактах жизни Института философии АН СССР. Один из моих «психов» свихнулся на теме индивидуального террора. Это был очень интеллигентный и милый инженер. Он пришел в институт и спросил сотрудников, толпившихся на лестничной площадке и от безделья занимавшихся зубоскальством, кто в институте интересуется проблемами индивидуального террора. Все, не сговариваясь, назвали ему меня. Стоило ему взглянуть на меня, как он сказал, что я и есть тот человек, какой ему нужен, и проникся ко мне полным доверием. Он посвятил меня в свои планы. А планы были далеко идущие: взорвать Лубянку или какое-либо правительственное здание. Последнее желательно взорвать, когда там будет проходить какое-либо торжественное заседание и все члены Политбюро ЦК КПСС будут в сборе. В качестве объекта взрыва фигурировал и Мавзолей Ленина. Техническую сторону дела он брал на себя. От меня требовалось философское обоснование необходимости покушения.

Этот сумасшедший (я назвал его Террористом) посещал меня в институте, узнал мой домашний адрес и приходил домой, ловил меня в самых неожиданных местах. Однажды он пришел к нам в сектор. Институт находился неподалеку от Кремля. Мой Террорист начал развивать идеи насчет транспортировки взрывчатки на Кремль по воздуху, направляя устройство из окна института. Нашу беседу подслушал один из сотрудников сектора, сидевший за шкафом, так что мы его не заметили. Он немедленно донес в КГБ. Моего Террориста после этого я не видел. За мной пришли два человека с Лубянки. Лишь после объяснения в дирекции, что беседа с такими сумасшедшими была моей служебной обязанностью, меня оставили в покое.

Среди моих «психов» были самые разнообразные типы. Когда много лет спустя появились диссиденты и до меня дошел слух об их идеях, ничего нового для меня в этом не было: все диссидентские идеи мне высказывали мои «психи», только в гораздо более ясной форме. За исключением, правда, одной идеи: никто из них не помышлял об эмиграции...

Уже в школьные годы у меня наметилась склонность к шуткам и злословию насчет марксизма и социального аспекта жизни общества. В годы армии и войны эта склонность усилилась, а в хрущевские и брежневские годы обрела черты роли, которую я принял для себя в разговорах с отдельными людьми и в компаниях. Оказалось, что я имел способности к этому, как другие имели способности петь, играть на музыкальных инструментах, плясать, рисовать, руководить людьми. Высмеивать святыни марксизма и основы коммунизма стало моим призванием и, употребляя западное словечко, хобби.

Но высмеивать со смыслом. Например, согласно Сталину, марксизм — не догма, а руководство к действию.

Я это утверждение несколько «исправил»: марксизм — не догма, а руководство к ней. Это была шутка, стоившая мне неприятных разговоров с ответственными лицами. Но эта шутка выражала серьезную научную истину, а именно такую: идеология действительно играет роль руководства к действию, но лишь в догматической форме.

В этой роли она касается лишь больших исторических периодов, эпохальных проблем, устойчивых явлений. Идеология требует конкретно-исторического подхода к явлениям, но она не является мелочно-конъюнктурной. Для нее этот конкретно-исторический подход есть лишь приспособление к зигзагам истории и использование их в интересах некоей генеральной линии истории. Дело не в том, что в самой реальной истории такая генеральная линия есть. Дело в том, что идеология в ее роли руководства к действию есть установка на такое поведение в сложной ситуации мировой истории, как будто бы такая генеральная линия есть на самом деле. И надо признать как факт, что с точки зрения больших исторических перспектив такая идеологическая установка удобна для руководства страной. Она есть своего рода алгоритм для движения в лабиринте истории.

Другой случай произошел еще при Маленкове. Были опубликованы виды на урожай в том году. Я в шутовском разговоре на эту тему предсказал, что реальный сбор зерна будет, по крайней мере, в два раза меньше. После снятия Маленкова было сообщение, подтвердившее мое предсказание. А я свое предсказание сделал, введя коэффициенты системности. В прогнозах позитивные величины надо было делить на эти коэффициенты, а негативные — умножать. Негативный пример получился, когда я утроил предполагававшиеся затраты на строительство нового здания университета, и это предсказание тоже подтвердилось.

Мои шутки принимали обычно гротескно-сатирические формы. Но самое удивительное заключалось в том, что именно эта форма мысли была наиболее близкой к научной истине: она включала в себя элемент научной абстракции.

* * *

В течение всего хрущевского периода мне приходилось регулярно ездить в колхозы Московской области. Иногда я это делал в составе агитационной бригады, иногда — в составе рабочей бригады. Это была моя «общественная работа» в качестве члена партии. Приходилось это делать и в брежневские годы, но уже довольно редко: как доктор и профессор я уже мог уклоняться от такой «общественной работы». Я участвовал в таких поездках с удовольствием. Хотя жили мы при этом в свинских условиях, много работали и плохо питались, мы проводили время на воздухе и отдыхали от сидячего образа жизни и умственного труда, а главное — хотя бы на короткий срок оказывались в условиях {идеального} коммунистического коллектива. Мы вырывались из обычной социальной среды, в которой мы были подвержены действию законов {реального} коммунистического коллектива. Эти поездки дали богатейший материал для моей литературной деятельности, сначала — для устного балагурства в московских компаниях, затем — для книг. Несколько разделов на эту тему читатель может найти в книге «В преддверии рая», а в «Желтом доме» этому посвящена одна из четырех частей книги.

Несколько раз наши агитационные бригады возглавляли В. Доброхвалов и И. Герасимов. С последним я учился в одной группе. Он тоже был фронтовиком. Еще на фронте вступил в партию. Был искренне озабочен положением и судьбой русского народа. Я с обоими из них много разго-

варивал на эту тему во время наших поездок и после них. Оба они прекрасно понимали сущность колхозов и видели их обреченность. Доброхвалов считал, что будущим русской деревни должны стать сельскохозяйственные предприятия, подобные городским фабрикам и заводам, т.е. колхозников должны заменить сельскохозяйственные рабочие, а мелкие деревушки — большие поселки городского типа. Хрущевская идея агрогородов не была его личной выдумкой. Об этом думали тогда многие. Герасимов же считал идею агрогородов преждевременной и даже авантюристичной. Он развивал идеи, которые теперь стали модными в среде горбачевских теоретиков. В частности, он считал одним из путей улучшения жизни крестьян (и как следствие — городских жителей) создание вокруг городов сети фермерских хозяйств, снабжающих городские рынки и магазины сельскохозяйственными продуктами без всяких посредников. Я критиковал идеи как того, так и другого. Но не в смысле их отрицания. Я просто акцентировал внимание на реальных условиях и последствиях осуществления той и другой программы. На создание агрогородов просто не хватит средств. Можно построить для примера несколько. Кстати сказать, они уже существовали в виде больших совхозов. Но это пока еще нереальный путь для всего сельского хозяйства. Что касается частных приусадебных участков, на опыте которых сторонники фермерского пути базировали свои программы, то этот путь вообще не годился для отдаленных от городов деревень, а для окологородских районов он таил скрытые опасности в виде усиления преступности и взвинчивания цен на рынках. И экономическая выгодность этого пути была иллюзорной. На этом пути высокая производительность достигалась за счет каторжного труда на маленьких личных участках. На участках большего размера это уже невозможно.

К тому же молодежь стремится избавиться именно от такого образа жизни.

Повесть А. Солженицына «Матренин двор», вызвавшая восторги у тех, кто не имел ни малейшего понятия о реальности русской деревни, не встретила никакого одобрения даже со стороны таких страдальцев за русский народ, как И. Герасимов. Впоследствии надуманной («высосанной из пальца») солженицынской Матрене я противопоставил мою реальную Матренадуру (в «Желтом доме»). Русский народ уже избрал свой исторический путь. И уже никакими силами не заставишь его вернуться в прошлое. Каким бы жестоким и трагическим ни был сталинский путь коллективизации, он с социологической точки зрения гораздо больше соответствовал исторической тенденции эволюции народа, чем всякие попытки удержать его в положении трудолюбивого производителя дешевой картошки и капусты для городских прожектеров.

РЕАБИЛИТАЦИЯ. СОЛЖЕНИЦЫН

При Хрущеве, как известно, из лагерей выпущены и реабилитированы миллионы жертв сталинских репрессий. Дело, безусловно, благородное. И уж одним этим Хрущев навечно заслужил добрую память человечества. Я коснусь этой темы лишь в той мере, в какой это затронуло меня лично и мои интересы. То, что я скажу ниже, не имеет целью хоть в какой-то мере унижить жертвы сталинских репрессий. Я буду это говорить исключительно в интересах истины.

Вклад освобожденных из лагерей и реабилитированных бывших заключенных в дело десталинизации советского общества фактически оказался ничтожным. Они уце-

лели благодаря десталинизации, осуществленной не ими, но сами не были ее источником. Они не породили ни единой свежей идеи насчет преобразований общества, которая заслуживала бы внимания и уважения. Наиболее активные из уцелевших, претендовавшие на некую роль в истории, несли всякую чепуху как о прошлом, так и о будущем России и вообще всего человечества. Все рекорды на этот счет побил А. Солженицын. Нельзя жертвам приписывать то, на что они не способны ни при каких обстоятельствах. Фактическую десталинизацию советского общества осуществили не те, кто был в ГУЛАГе, а те, кто в нем не был и даже не очень-то пострадал от сталинизма. Антисталинистское движение зародилось в широких массах свободного населения еще во время войны. Оно достигло огромных размеров после войны. Борьба против сталинизма шла на всех уровнях советского общества. И она дала результаты. Запад проглядел эту грандиозную борьбу. Это характерно для западного отношения к советской жизни. Зато сравнительно слабое диссидентское движение, не имеющее корней в массе населения, было раздуто и до сих пор раздувается на Западе до размеров эпохального явления. Хрущевский «переворот» был результатом, а не началом антисталинистского движения. Реабилитация заключенных — тоже. Повторяю и подчеркиваю: роль реабилитированных в десталинизации советского общества практически равна нулю в сравнении с тем, что сделалось объективно, т.е. самым изменением образа жизни широких масс населения. И если серьезный мыслитель искренне хочет блага своему народу и существенных преобразований в пользу своего народа, он должен прежде всего принимать во внимание интересы, возможности и положение самой активной, деловой и творческой части населения, причем в ее нормальной жизнедеятельности.

Хрущевский «переворот» произошел прежде всего в интересах тех, кто не был в ГУЛАГе, и лишь в ничтожной мере в интересах реабилитированных. «Освободители» думали сначала о себе и о своем будущем и лишь во вторую очередь о жертвах прошлого и о прошлом. Места в обществе уже были заняты новыми людьми, роли уже были распределены и в значительной мере сыграны. А в наших кругах реабилитированные вообще оказались ничуть не лучше сталинских мракобесов. Во всяком случае, я на самом себе испытал это. На место сталинского холуя Каммари редактором «Вопросов философии» стал слегка пострадавший М. Розенталь. Его ближайшим помощником стал некто Е. Ситковский, отсидевший в ГУЛАГе много лет. И первой акцией этих жертв сталинских палачей было то, что они подряд отклонили ряд моих статей. А Ситковский совместно с Модржинской, сотрудницей Берии, в течение многих лет преследовали меня открытыми и закулисными доносами и клеветой. По отношению ко мне сталинские палачи и их жертвы, сталинские «реакционеры» и хрущевские «либералы» проявили удивительное единодушие. Если я и пробился в какой-то мере, то произошло это благодаря общей тенденции к «либерализации», случайностям, моей предприимчивости и, как это ни странно, пиетету по отношению ко мне со стороны бывших сталинских зубров. Первую мою статью в «Вопросах философии» опубликовали по указанию одного из самых гнусных сталинистов — М.Б. Митина. Мои первые книги к печати подписали бывшие ведущие сталинисты Федосеев и Константинов. Бывший сталинист А.Ф. Окулов, одно время исполнявший обязанности директора института, выпустил меня на защиту докторской диссертации и настаивал на избрании в Академию

наук. Мое избрание несколько раз срывали «либералы» и «прогрессисты». Я, говоря это, не хочу реабилитировать сталинистов. Я хочу лишь сказать, что мой конфликт со сталинистами исчерпал себя. Его место занял более глубокий конфликт с самими основами коммунистического социального строя, олицетворявшегося теперь не сталинистами, а «либералами». Кто становится твоим врагом, зависит от того, что ты сам есть и что ты делаешь.

В общественной жизни место сталинистов стремительно занимали «либералы». Они оказались также враждебными мне, как и сталинисты. Но глубже. И не явно. Сталинисты были врагами открытыми. Тогда было как на войне. «Либералы» же даже не считали себя моими врагами. Зачастую это были приятные, умные, образованные и дружелюбные люди. Но в тысячах мелочей ощущалось, что мы существа разной породы. Видимый враг исчез. Появился другой враг. Он расплылся, принял очертания друзей. Врага вроде бы не было совсем, но он был повсюду. Врагом становилась сама нормальная среда советского общества. Она становилась чужеродной мне. Меня призывали раствориться в этой среде, жить и действовать как все. А я не мог. И обрекался на одиночество среди множества людей. Состояние этого периода я описал в моих книгах довольно подробно, особенно в «Зияющих высотах» и в «Евангелии для Ивана».

Мои либеральные, прогрессивные и образованные друзья и коллеги наперегонки бросились устраивать свои делишки, стремясь получше устроиться и урвать побольше жизненных благ. Именно в эти годы начали рваться к власти и привилегиям те либеральные карьеристы, ловкачи и хапуги, которые потом преуспели при Брежневле и вышли на поверхность. Поскольку эта оргия приспособленчества, стяжательства и карьеризма происходила еще на низших ступенях социальной иерархии и касалась ничтожных пре-

имуществ, она была особенно омерзительной. Я имел много больше шансов добиться социального успеха, чем другие, если бы захотел. Но я уже не мог захотеть этого.

* * *

Важным явлением хрущевских лет стало оживление в области культуры, выходящее за официально дозволенные и принятые ранее рамки. Появились рассказы «Оттепель» И. Эренбурга и «Собственное мнение» Д. Гранина, роман «Не хлебом единым» В. Дудинцева, «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына. Стал полуполюгально выступать Б. Окуджава, а затем А. Галич. Появились художники-нонконформисты. Стал приобретать популярность скульптор Э. Неизвестный. С последним я был знаком уже несколько лет и имел дружеские отношения. Стали появляться фильмы в духе новых идей, например фильмы Г. Чухрая, с которым я тоже дружил. Разумеется, мне все это было известно. Но я не могу сказать, что все это производило на меня впечатление и как-то влияло на мою идейную эволюцию. Я в своем критическом отношении к советскому обществу ушел настолько далеко, что все эти явления культурной «оттепели» казались слишком слабыми или направленными в прошлое. Я в них видел не столько то, что в них удалось сделать, сколько то, как мало было сделано. Я, естественно, сравнивал критику прошлого и настоящего страны в этих произведениях культуры с тем, что знал и что понимал я сам. Кроме того, хрущевская «оттепель» оказалась очень робкой. В силу снова вступили запреты и ограничения. В оценке хрущевской культурной политики последние для меня были важнее, чем послабления. Слегка ослабив систему запретов и ограничений, хрущевское руководство поспешило вновь их восстановить. Но уже никакие меры властей не могли остановить начавшийся процесс куль-

турного «ренессанса», приведший к культурному взрыву в брежневские годы.

Я признаю, что появление А. Солженицына было значительным явлением в духовной жизни страны в хрущевские годы. Но я остался равнодушен к нему по двум причинам. Во-первых, он был напечатан в советских журналах и был на первых порах обласкан самим Хрущевым, что само по себе было для меня признаком того, что писатель не был на самом деле таким значительным, как о нем заговорили вокруг. Во-вторых, сама его литературная манера и образ мыслей были не в моем вкусе и не соответствовали моему образу мыслей. Я с самых первых произведений Солженицына почувствовал в нем неприемлемую для меня направленность в прошлое как по изобразительным средствам, так и по социальной концепции. Впоследствии я познакомился с другими его сочинениями, но мнения своего не изменил.

ХРУЩЕВСКАЯ «ПЕРЕСТРОЙКА»

По замыслу идеологов коммунизма, коммунистическое общество должно превзойти передовые капиталистические страны («Запад») по производительности труда, по экономической эффективности предприятий и вообще по всем показателям деловой жизни страны. С первых же дней существования советского общества был выдвинут лозунг: догнать и перегнать капиталистические страны в этом отношении. Предполагалось осуществить этот лозунг в кратчайшие сроки. Но прошло семьдесят лет, а лозунг «догнать и перегнать» не только не осуществился на деле, но стал казаться гораздо более утопическим, чем в первые годы после революции. Более того, его даже ослабили, оставив лишь первую часть — «догнать». Изменили

несколько ее формулировку. Теперь говорят о том, чтобы подняться до высшего мирового уровня. Вторую часть лозунга («перегнать») потихоньку опустили. Как шутят советские люди, перегонять Запад не следует, так как в случае, если перегоним, наш голый зад всем виден будет. Но даже в такой ослабленной форме лозунг «догнать» или «подняться» теперь выглядит как намерение огромного исторического масштаба.

Уже при жизни Ленина коммунистический социальный строй стал обнаруживать свои враждебные пороки.

Последние статьи и письма Ленина свидетельствуют о том, что он был близок к состоянию паники по этому поводу. Но он никак не мог допустить даже малейшего подозрения насчет того, что новорожденное коммунистическое общество является не столь уж совершенным, каким оно представлялось в прекраснодушных мечтаниях идеологов. Лозунг догнать и перегнать передовые капиталистические страны в экономическом отношении в сталинские годы казался более реальным, чем сейчас. Иногда все начинали с нуля, и в процентном выражении улучшение жизни в стране и всякого рода успехи выглядели ошеломляющими. А «железный занавес» позволял создавать такое впечатление о жизни на Западе, что массы советского населения еще верили в декларируемые пропагандой лозунги. Во время войны и после войны миллионам советских людей открылось реальное соотношение экономики и уровня жизни Советского Союза и Запада. Наступило отрезвление.

* * *

Хрущев и его либеральные помощники официально признали и без того очевидные недостатки советского общества и приняли решение осуществить перестройку всех аспектов жизни страны, более чем на четверть века пред-

восхитив горбачевское «новаторство». Решили усовершенствовать работу предприятий, начав переводить многие из них на те самые «самофинансируемость» и «самоокупаемость», о которых потом на весь мир трубили горбачевцы как об открытии в советской экономике. В результате число нерентабельных предприятий возросло, и о лозунге «самоокупаемости» забыли. Тогда употребляли словечко «хозрасчет», являющееся сокращением для столь же бессмысленного выражения «хозяйственный расчет». Усовершенствовали работу системы управления. Ввели некие «совнархозы» («советы народного хозяйства»), в результате чего бюрократический аппарат увеличился. Потом их ликвидировали, и бюрократический аппарат увеличился еще более. Делили, объединяли, перекомбинировали и переименовывали министерства, комитеты, управления, тресты и т.п. А число бюрократов росло и росло. В те годы советские люди шутили: принято решение разделить Министерство железнодорожного транспорта на министерство «туда» и министерство «обратно».

Хрущев начал ликвидировать «железный занавес». Результатом поездки Хрущева с его либеральными помощниками в США явилась пресловутая «кукурузная политика», намерение привести с помощью кукурузы уже «нынешнее поколение» советских людей в полный коммунизм. Эта нелепая политика принесла Хрущеву презрительную кличку «кукурузник». Мы тогда переформулировали ленинскую формулу «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны» в хрущевскую формулу «Коммунизм есть советская власть плюс кукурузизация всей страны». Я хотел было сделать на эту тему карикатуру в стенгазету с соответствующей подписью, но ее не пропустили. Хрущевская «гласность» была лишь предшественницей горбачевской.

Из США хрущевцы привезли также сенсационную тогда идею, что начальники не должны сами затачивать карандаши, поскольку их драгоценное время и творческие силы нужны для более важных дел. Напечатали по этому поводу миллионным тиражом брошюру привезенного из Америки менеджера Терещенко, потомка дореволюционного российского миллионера и известного деятеля смутного периода революций. Кабинеты начальников украсились стаканами, наполненными карандашами, остро отточенными секретаршами. Спроектировали специальную машинку для затачивания карандашей. Дело ограничилось, конечно, проектами. Начальники же, освободив свои творческие силы от затачивания карандашей, бросили их на усиленное взяточничество и карьеристские интриги.

От внимания человечества ускользнуло одно из важнейших новаторств хрущевского периода. Это новаторство было очень локальным, не получило широкого распространения и вскоре было задушено консерваторами того периода. Заключалось оно в том, что небольшие порции водки (50 и 100 грамм) стали помещать в закрытые стаканчики, спрессованные из закуски. Это было чрезвычайно удобно для пьяниц. Покупаешь такой «комбайн» (мы их так называли), прокусываешь дырочку, высасываешь водку и стаканчиком закусываешь! Думаю, что, если бы это новаторство вошло в жизнь, оно стало бы одной из самых выдающихся вех в истории коммунизма. Но, увы! «Аппарат» оказался сильнее реформатора Хрущева.

* * *

В хрущевской эпохе, как и в самом Хрущеве, было все смешано и перепутано. В них слились и перепутались (именно перепутались самым курьезным образом) самые различные, часто прямо противоположные характери-

ки, процессы и тенденции. Этот период можно назвать периодом социального эклектизма. В книге «Зияющие высоты» я назвал его периодом растерянности. Практически в Хрущеве и его времени очень трудно различить, что именно в них относится к социальной закономерности и что к индивидуальной и исторической случайности. С именем Хрущева связана десталинизация советского общества. Любой руководитель после Сталина так или иначе должен был бы проводить политику десталинизации. Но в какой форме должен был бы совершиться этот перелом и как далеко он мог зайти, это зависело от индивидуальных черт руководителя партии. Хрущев наложил на этот перелом печать своей личности, причем настолько мощно, что он (перелом) уже немислим в иной, не хрущевской форме.

Лично Хрущев был простой, доступный, скромный и нравственный в быту, сравнительно добрый, отходчивый. И вместе с тем хитрый, своевольный, импульсивный, склонный к внезапным порывам и решениям. Волюнтаристское сталинское руководство состояло не только из многочисленных безликих пешек, но и из волевых и инициативных вождей более низких рангов. Хрущев не был пешкой. Он был образцовым руководителем волюнтаристского сталинского типа. Когда он пришел к власти, эти его качества развились еще более. Исчезли сдерживающие начала страха перед Сталиным и приспособления к далеко не легким условиям работы руководителя того времени. Необузданная и вздорная натура дала себя знать в многочисленных нелепых поступках, начиная с затеи с кукурузой и кончая выходками в ООН. Но вместе с тем именно эта натура была одним из условий специфически хрущевской формы десталинизации. Он действовал в разоблачении сталинизма волюнтаристскими методами самого сталинизма, а не теми методами, которые шли им на смену. Действуй

он в рамках норм партийно-государственной законности, ради которых свергался с пьедестала Сталин, последний не был бы низвергнут с такими последствиями. Сталинизм был бы преодолен «правильно», а не по-хрущевски. Именно поэтому он не был удостоен чести быть похороненным в Кремлевской стене и стал, как и был всю свою жизнь, исключением.

Конечно, Хрущев не использовал в полной мере представившуюся ему неповторимую возможность покончить со сталинизмом и либерализировать советское общество, испугался сделанного самим собой и начал действовать в обратном направлении. Но заслуги исторического деятеля определяются не тем, что он мог бы сделать, но не сделал, а тем, что он сделал и что сделалось само собой, может быть, даже вопреки его намерениям.

А сделалось много. Сделалось много больше того, что допускалось нормами советского строя жизни. И одна из задач брежневского руководства состояла в том, чтобы загнать страну снова в допустимые рамки. Либерализация советского общества, о которой советские люди ранее и не мечтали, приход к общественной деятельности большого числа молодых, образованных и способных людей, возникновение диссидентства, взлет культуры — все это и многое другое было в значительной мере обязано лично Хрущеву.

Материальный уровень людей при Хрущеве стал заметно улучшаться, причем даже в колхозах. В эти годы мне неоднократно приходилось ездить по колхозам с агитационными бригадами. Мы видели своими глазами эти улучшения. «Железный занавес» на самом деле начал ослабляться, причем в значительной мере явочным порядком. Советский Союз стали посещать западные делегации и многие советские люди стали ездить на Запад. Мы, во вся-

ком случае, сами принимали практическое участие в разрушении этого занавеса. Я, например, занимался тем, что сотни ранее запрещенных западных книг пустил в открытые библиотеки, давая подписку, что в них не было ничего антисоветского. Я также использовал эту ситуацию для отсылки своих статей и книг для публикации на Западе. При Хрущеве завязались многочисленные личные контакты советских людей с Западом, сыгравшие потом важную роль в возникновении диссидентского движения.

ПОТЕРЯ ИДЕАЛОВ

Подытожу кратко то, что я пережил к моменту хрущевского «переворота». В ранней юности я увлекался социалистическими и коммунистическими утопиями домарксистского периода. Под их влиянием я создал для себя идеал общества, в котором я хотел бы жить, и идеал моего собственного поведения в этом обществе. В этом идеальном обществе люди должны жить большими коллективами-коммунами. Все богатства должны находиться в общем пользовании. В личном пользовании человек должен иметь самый необходимый минимум. Все свои силы и способности человек должен отдавать обществу через свою коммуну. Он должен жить и трудиться на виду у членов своей коммуны, которые должны оценивать его поведение по самым высшим критериям справедливости. Этот идеалистический коммунизм соответствовал моему положению, воспитанию и личному характеру. Отдельная койка с чистыми простынями, утоляющая голод еда, одежда без дыр и заплат были для меня мечтой. К духовным богатствам, накопленным человечеством, я, как казалось мне, имел неограниченный доступ. Эти богатства представлялись мне пре-

жде всего в виде общественных библиотек.. Не имея у себя дома ни единого тома, я «пожирал» книги в огромном количестве, беря их в библиотеке и у знакомых.

Я любил всякую работу и выполнял ее с самоотверженностью и азартом. Я чувствовал в себе силы и способности к самой различной деятельности, быстро обучался и работал лучше других. Мне доставляло удовольствие то, что окружающие видели это.

Я чувствовал себя неловко, когда меня хвалили взрослые вслух, и стеснялся этого. Мне было достаточно того, что другие видят, на что я способен, что я не трус, что я не ябеда, что я надежный товарищ, короче говоря — самый подходящий человек для коммунистического коллектива. Естественно, я создавал для себя такой идеал общества, который лучше всего соответствовал мне самому. Должен признаться, что и теперь, прожив жизнь и испытав все возможные разочарования, я все же сохранил мое юношеское желание прожить жизнь в том идеальном коммунистическом обществе. И лучшими моментами моей жизни были такие, когда мне доводилось быть в коллективах, приближавшихся в какой-то мере и на какой-то срок к моему юношескому идеалу и в которых я имел возможность проявить свои личные качества очевидным для окружающих образом.

Я был рожден для того, чтобы стать образцовым гражданином идеального коммунистического общества. И именно поэтому у меня вызвали протест реальные люди реального коммунистического общества. Я с детства стал замечать, что в реальности люди стремятся получить как можно больше благ в личное пользование с наименьшими усилиями и что справедливая оценка качеств человека и его деятельности имеет место лишь в порядке исключения и в очень узких пределах. Мои качества идеально-

го коммуниста стали приносить мне лишь неприятности и огорчения.

В семнадцать лет я сделал для себя величайшее открытие моей предшествующей жизни, суть которого заключалась в следующем. Никогда не существовало и никогда не будет существовать общество всеобщего благополучия, равенства, свободы, братства и справедливости. Коммунистическое общество не есть исключение на этот счет. И в нем неизбежны неравенство людей, насилие, вражда, несправедливость и многое другое, что советская идеология приписывала лишь антагонистическим обществам прошлого. К такому выводу я пришел, наблюдая реальность, изучая марксизм и читая более серьезно философские и социологические сочинения немарксистских авторов прошлого. Думаю, что марксизм тут сыграл свою роль в смысле провоцирования во мне духа противоречия. Я не знаю ни одного марксистского утверждения относительно коммунистического общества, которое тогда не вызывало бы у меня сомнения.

Мой наивный коммунистический идеал не исчез совсем. Он остался романтической и несбыточной мечтой, но где-то на самом заднем плане самосознания. Его место заняла странная комбинация трезвого реализма, отчаяния, бунтарства, стремления к саморазрушению. Критическое отношение к реальности и к любым идеалам переустройства общества стало доминирующим в моих умонастроениях. Дух разоблачительства, скептицизма и насмешки завладел моими мыслями и чувствами. Причем это коснулось лишь моих мыслей и чувств, но не формы поведения. В моих поступках я оставался таким же образцовым коллективистом, каким был, и еще более укрепился в этих качествах, проявляя их в делах более серьезных, уже совсем не детских. Мой антисталинизм этого периода был в извест-

ной мере спасением от разъедавшего душу негативизма и нигилизма. Будучи доведен до предела, он стал положительным идеалом и стержнем моего образа жизни. Такое состояние продолжалось до хрущевского «переворота». После него разоблачительство вообще и антисталинизм в особенности потеряли смысл идеала жизни.

* * *

В послесталинские годы я установил для себя, что с концом сталинизма не наступило мое примирение с советским обществом. Самый крупный перелом в истории реального коммунизма совершился, как я думал. Общество в основном уже вступило в стадию зрелости. Эта стадия будет длиться века с незначительными доделками и переделками, не меняющими ее сути. Я не видел возможностей радикальных изменений общества, которые устроили бы меня. И я чувствовал себя не способным до конца интегрироваться в это общество, стать в нем своим. Вставал вопрос о том, как дальше жить. Научная и педагогическая работа увлекали меня, но все же они не могли заглушить главную тревогу моей жизни, мешавшую мне остановиться и властно диктовавшую мне приказ «Иди!». Но куда идти? И для чего?

Наступило состояние растерянности. Передо мною встала проблема: как жить дальше, если нет никакой веры в коммунистический идеал, если реальное коммунистическое общество пошло по пути, вызывающему у меня протест, если я не верю в будущий земной рай, если не имею никакого другого идеала, если моя прежняя форма критики реальности потеряла смысл, а новая еще не назрела в качестве мотива жизнедеятельности? Я искал решения этой проблемы лично для себя и в одиночку. Все окружавшие меня люди, за редким исключением, жили по прави-

лам приспособления к объективным условиям коммунистического общества. Те люди, которые были исключением, над моей проблемой не задумывались вообще или задумывались в очень малой степени и на очень поверхностном уровне. Мне же надо было решить, как жить вопреки принципам приспособления, причем решить на моем уровне культуры и самосознания, требовавших систематической и обоснованной жизненной концепции.

Для меня эта проблема была не отвлеченно-теоретической, а практической. Я изобретал свои правила жизни, живя согласно им на самом деле и лишь время от времени осознавая их и возводя в ранг общих принципов. У некоторых людей из моего окружения мое поведение вызывало восхищение, у других — насмешку и мнение, будто я — непрактичный дурак, не способный использовать свои возможности для лучшего устройства своих дел и наслаждения жизнью. Мои либеральные и прогрессивные друзья, угадывавшие в моем поведении определенную систему, обвиняли меня в том, что я якобы хочу «остаться чистеньким», уклониться от той черновой (по их мнению) работы, которую они якобы выполняли на благо общества и прогресса. Лишь одно время у меня образовалась сама собой группа учеников, которых я обучал моей системе психофизической гимнастики. Это было нечто вроде самодельной йоги и составляло самую несущественную часть моего учения о жизни и приложение этого учения к физическому аспекту жизни.

О многих принципах моего поведения можно сказать, что они были известны ранее. Я не претендую здесь на приоритет, на роль первооткрывателя. Но должен подчеркнуть, что я эти принципы не вычитывал из книжек. Я жил в реальном коммунистическом обществе, какого еще не знала история человечества. Я совершал конкретные поступ-

ки в конкретных ситуациях. Если я совершал эти поступки так, а не иначе, если я решал и впредь поступать так же, то это было открытием для жизни в новом обществе, независимо от того, совершалось это раньше или нет. Опыт жизни людей в прошлом, описанный в виде различного рода теоретических концепций, идеологических, моральных и религиозных учений, сам по себе не мог служить образцом для жизни в обществе, в котором эти люди никогда не жили. Сходство жизненных ситуаций не давало оснований для переноса прошлого опыта на современность. Лишь на основе осмысления опыта жизни в новых условиях можно было сравнивать его с опытом людей в прошлом и делать какие-то более широкие обобщения.

Одним словом, если я в своих поисках «открывал Америку», это не играло для меня принципиальной роли. Все равно это было мое открытие. К тому же открываемая мною для себя «Америка» была не той, которую открыли и обжили другие люди, а совсем другая, лишь внешне похожая в некоторых чертах на последнюю.

* * *

Будучи склонным по натуре и воспитанию к коллективизму, я сначала пытался решить свою проблему как проблему коллективную, т.е. вместе с другими людьми, которые казались подобными мне в отношении к явлениям окружающей жизни. Я вел с ними бесконечные разговоры на эти темы. Они охотно участвовали в таких разговорах, соглашались со мною во многом, но не более того. Эти разговоры играли роль средства прояснить и оформить словесно мои собственные идеи для меня самого, а не роль пропаганды некоего готового учения.

Моя основная идея в этих беседах заключалась в следующем. Мир сходит с ума. Эволюция человечества пошла

в направлении, неприемлемом для нас. Мы не способствуем этому направлению и сами не идем в нем. Возможно ли уклониться от мощного потока мировой истории? Наше общество пронизано всеми пороками. Мы не в силах противостоят этому, не в силах изменить общество. Жизнь в нем причиняет страдания. Уйти из него невозможно. Раньше люди уходили из своего общества и открывали новые страны, основывали новые общества в необжитых ранее краях. Теперь это невозможно. Да и мы не хотим покидать наше общество — мы все-таки сами суть продукт цивилизации. Возможно ли уйти из своего общества, вызывающего отвращение, оставаясь одновременно в нем? В нашем обществе индивид находился под контролем коллектива и властей. Есть ли какая-то возможность выйти из-под этого контроля и создать в рамках большого общества свое маленькое элитарное общество, независимое в каких-то отношениях от большого? Как это сделать?

Мы образованные люди, мыслящие, творческие. Нам не безразлично многое такое, к чему большинство населения равнодушно. Мы видим, что мировую сцену вновь захватила сравнительно небольшая кучка людей. Массы населения и в нашем обществе отстранены от активных ролей на сцене истории. Разговоры насчет масс как решающей силы истории — обман и самообман. Это способ, при помощи которого небольшая часть населения дурачит все население страны и живет за его счет. Те, кто вырвался на активные роли в спектакле истории, суть далеко не лучшие экземпляры рода человеческого и далеко не лучшие образцы цивилизации. Они устраивают свои пошлые спектакли и навязывают их нам. Видеть все это оскорбительно. Мы же все равно не участники этих спектаклей. Мы в лучшем случае зрители или статисты. Так плюнем на них! Затем свои спектакли. Пусть маленькие. Пусть кустарные. Но

свои. Такие, в которых мы сами будем главными актерами. Не надо нам зрителей. Не надо статистов. Мы все играем самые главные роли. И играем их для самих себя.

Моя идея была очень простая. Мы должны создать свое маленькое общество, объединенное идеей какого-то дела. Члены общества регулярно встречаются, обмениваются мыслями и информацией, обсуждают общие проблемы. В этом миниатюрном обществе вырабатываются свои моральные и эстетические принципы, свои критерии оценки явлений жизни, культуры, политики. Мой тогдашний друг и ученик Г. Щедровицкий серьезно отнесся к этой идее и создал полулегальную группу такого рода. Но из такого человеческого материала и на таком интеллектуальном уровне, что получилась карикатура на мою идею. И я от нее отказался. Многочисленные группки возникали в нашей среде постоянно, но они даже в ничтожной мере не приближались к моему идеалу. Их участники оставались полностью в рамках официального общества, практически живя как обычные приспособленцы. Сама житейская практика разрушила мою идею элитарного частичного общества внутри обычного общества как бесперспективную. И я нашел для себя иное решение моей главной жизненной проблемы на пути социального индивидуализма.

* * *

К концу хрущевского периода я построил свою систему правил жизни. Она отвечала на вопрос, как должен жить я сам, а не на вопрос, как должны жить другие люди. Я шел фактически и намеревался идти и впредь своим путем, что бы по этому поводу ни думали и ни говорили другие. Иду, чего бы это мне ни стоило. Иду, независимо от того, идут другие тем же путем или нет.

Я не собирался записывать и предавать гласности мою концепцию жизни. Впоследствии я использовал ее в литературных произведениях, приписав отдельные ее принципы литературным персонажам, причем не всегда положительным персонажам и не всегда в положительном виде. Я думаю, что на Западе мало кто понял основную направленность моего творчества. Западным людям проблема, как жить в условиях коммунистического общества, кажется совсем не актуальной. К тому же проблемы такого рода принципиально важны лишь для одиночек, а не для масс людей. Интеллектуальная жизнь Запада ориентирована на массовое сознание, а не на исключительных одиночек. Даже интеллектуальная элита здесь живет категориями и интересами массовой культуры, так или иначе подвержена влиянию индустрии массового сознания. Зная это, я никогда не рассчитывал на массовое понимание и признание моих идей. Я стал включать элементы моей концепции жизни в литературные произведения просто из потребности очистить душу от накопившегося в ней содержания, а не с целью обратить в свою веру потенциальных читателей. Исторически случилось так, что в России возникло первое коммунистическое общество. Здесь оно впервые в истории достигло зрелости и обнаружило свою натуру. Волею обстоятельств я был обречен на то, чтобы оно стало моей всепоглощающей страстью и всю жизнь думать о том, как жить в нем. Герой моей книги «Иди на Голгофу» Иван Лаптев сформулировал эту проблему так: проблема теперь заключается не в том, как построить земной рай, а в том, как жить в этом раю.